

НА Б ЕВОМ ПО СТУ

№ 10

октябрь

2005

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**Специальный выпуск:
46-я бригада — гарант мира
в Чеченской республике**

На прошедшем в начале октября оперативном сборе руководящего состава внутренних войск МВД России министр внутренних дел генерал-полковник милиции Рашид Нургалиев дал высокую оценку экипировке подразделений разведки и спецназа, выполняющих служебно-боевые задачи в Северо-Кавказском регионе, и распорядился рассмотреть возможность о приобретении для использования в горных районах дополнительной спецтехники, в частности, 3-х спецмашин "Атака".

Подробнее о прошедшем сборе и новинках вооружения читайте в номере 11.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Учредитель — МВД России

Издатель — Главное командование внутренних войск

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия: АРИБЖАНОВ Р.М., АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А. (Феофан), БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного редактора — ответственный секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ВИННИК В.В., ЕРМАКОВ П.И., КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С., ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПОРТНОВ С.А., СКРЯБИН В.Н., СОФРОНОВ И.Е., СТЕПАНОВ А.Р. (зам. главного редактора), СЫЧЕВ В.А., ТОНКОНОГОВ В.П., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 10.09.2005. Подписано к печати 10.10.2005. Формат бумаги 60x90 1/8. Общий тираж изданий 15 000. Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 1600

Отпечатано в типографии ОАО "Красный пролетарий" 127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

© Журнал «На боевом посту», 2005

В номере использованы фотографии Р. Дуркача, Н. Казакова, В. Болтикова, В. Черкасова, А. Барабашова, И. Бысенкова, И. Софронова, Р. Илющенко, С. Дюльдина, С. Портнова и из архива редакции.

Индекс

для подписки через агентство "Роспечать" — 73 175

ПЕРВАЯ Колонка

Полковник
Юрий
КИСЛЫЙ

главный редактор

Есть в нашей редакции хорошая традиция — отмечать знаменательные даты в жизни Министерства внутренних дел, внутренних войск, округов, соединений, воинских частей и военно-учебных заведений ВВ тематическими подборками материалов или специальными выпусками "На боевом посту". Так, увидели свет красочные целевые номера, посвященные 200-летию МВД России, 190-летию войск правопорядка, 80-летию Отдельной дивизии оперативного назначения, 60-летию Санкт-Петербургского военного института. Весомые по объему разделы журнала были приурочены к юбилеям и круглым датам образования оперативных бригад Московского, Северо-Западного, Приволжского округов, Северо-Кавказского и Саратовского военных институтов, отрядов спецназа "Витязь", "Росич", "Русь", многих других воинских коллективов. Что характерно, адресные спецвыпуски и подборки вызывают живой отклик не только у юбиляров. Они привлекают внимание всех читателей в погонах, ветеранов. Ведь история отдельно взятого соединения, полка, отряда, вуза — неотъемлемая часть истории войск, их боевой летописи, которой как член большой войсковой семьи по праву гордится каждый солдат, офицер, прапорщик, воин запаса.

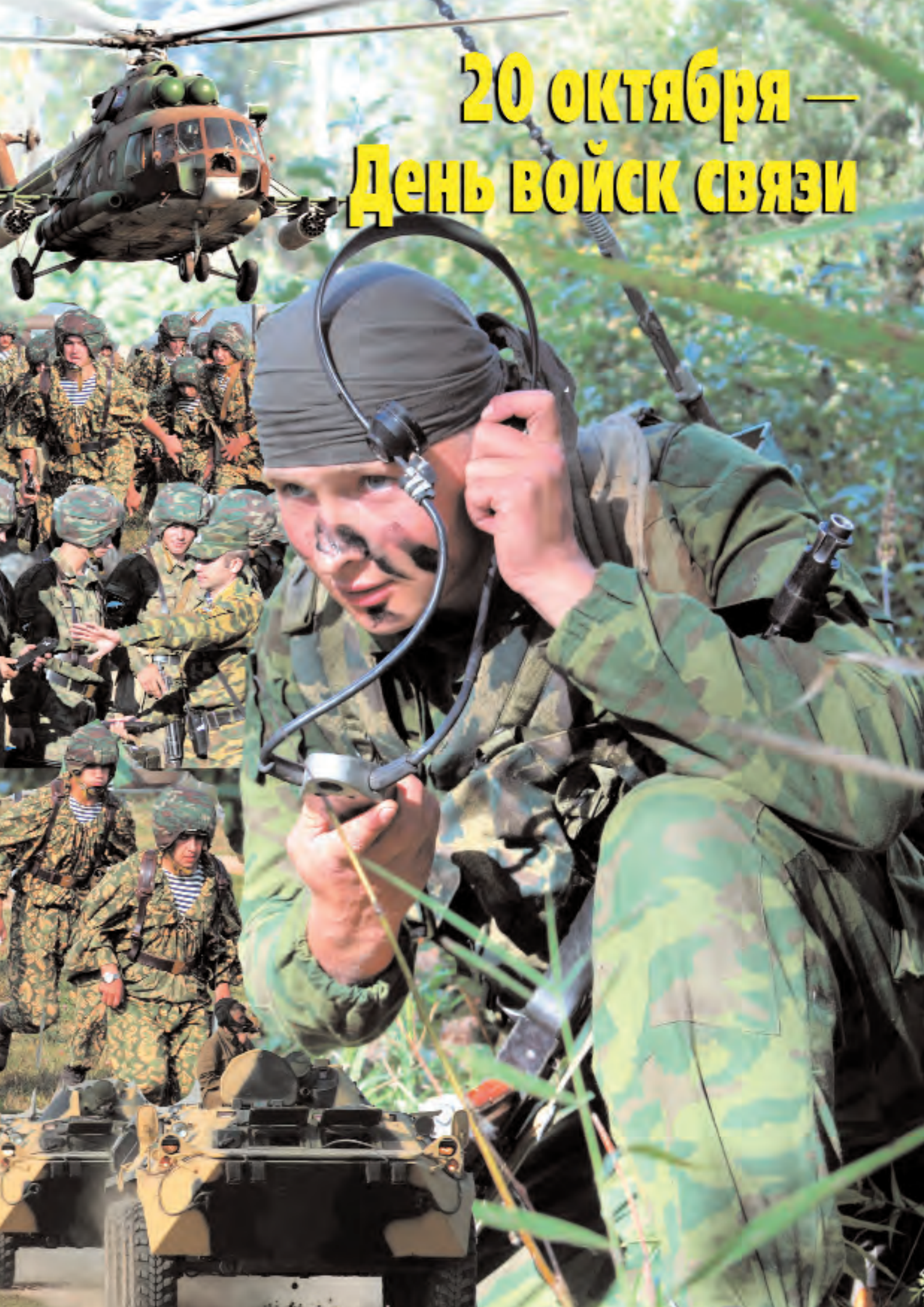
Вот и этот номер "На боевом посту", посвященный пятилетию ввода в службу 46-й отдельной бригады оперативного назначения, планировался и готовился с учетом того, что его сквозная тема изначально, по определению ориентирована на самую широкую читательскую аудиторию. Потому как праздник личного состава сорок шестой — событие поистине общевойсковое значения. И то сказать, бригада, прочно ставшая своими гарнизонами в Чечне, — по всем статьям особая, уникальная. По составу и численности, по способу комплектования, по объему, характеру и сложности выполняемых задач. По бытоустройству военнослужащих и членов их семей. Не случайно ее называют испытательным полигоном, боевой лабораторией, где оттачивается тактика, совершенствуется система подготовки и служебно-боевого применения войск с целью ликвидации угроз внутренней безопасности государства. Накопленный здесь опыт ложится в основу теоретических и практических наработок, столь необходимых военным, действующим в регионах со сложной обстановкой.

Словом, 46-я ОбрОН — это прорыв в будущее войск правопорядка. Прорыв, который совершается сегодня, на наших глазах. Общими усилиями, всем войсковым миром. По случаю празднования пятилетия бригады как не вспомнить, что в ней слиты частицы большинства округов ВВ МВД России. Из разных концов страны осенью 2000-го прибыли в Чеченскую республику батальоны для несения службы на постоянной основе. Полностью укомплектованные, прошедшие боевое слаживание, оснащенные вооружением и техникой. Лучших офицеров и прапорщиков прислали тогда войска в сорок шестую. И такой же достойный служивый народ приходит им на замену.

Набравшая сил от войск, как богатырь от матери-земли, бригада стала мощным боевым формированием, надежной опорой федеральной и местной власти в многотрудной работе по восстановлению порядка и общественной безопасности на территории Чечни.

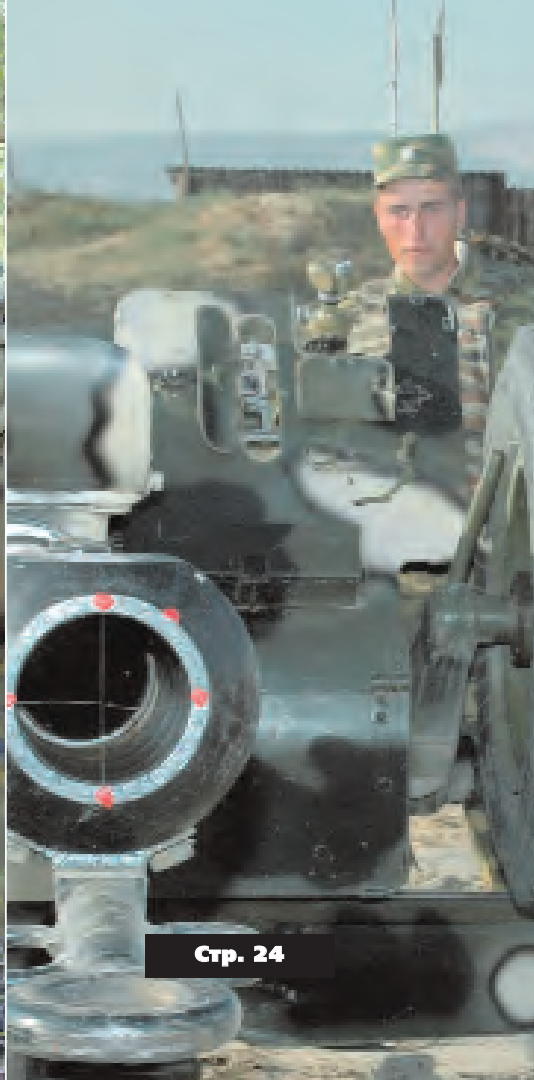
Обо всем об этом — о становлении и нелегкой миссии 46-й отдельной, о замечательных людях бригады переднего края, о преемственности традиций государственной службы на беспокойных рубежах, о мужестве, отваге, благородстве, о несгибаемом русском характере и повествуют материалы октябрьского номера "На боевом посту". Имеем честь представить его к праздничному событию в жизни грозненского соединения. Пусть это будет нашим скромным журналистским подарком воинам, которых мы, как во времена Лермонтова и Толстого, с гордостью называем кавказцами.

20 октября — День войск связи

Стр. 14

Стр. 24

Стр. 46

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

46-я бригада — гарант мира и стабильности в Чеченской республике **4**

Надежный заслон на пути беззакония и террора **5**

СЛУЖБА

Горячая пятилетка **6**

Быть, а не казаться **8**

И смоем грязь всю ливень над Танги **10**

“Трехминутка” уходит в ночь, или Секреты “летучих мышей” **14**

Батальон на Тереке **18**

Цветы для лейтенанта Вербицкого **20**

Мы — не боги. Мы — просто артиллеристы! **24**

Никто не должен знать... **27**

За ратную доблесть **30**

Сестрички **33**

“Равнина, я — Гора. Проверка связи!” **37**

ОФИЦЕРЫ

Не всё молодо — зелено **43**

ТЫЛ

46 Даже стоя по колени в грязи, они не ударили в грязь лицом

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

49 Это — наш батальон!

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

52 Шефская помощь воюющей бригаде — наш святой долг

ВЕРА

55 Крестом и булатом

О ЛИЧНОМ

57 Крепнут семьи на войне...

КУЛЬТУРА

59 Только песня казаку во степи подмога!

ИСТОРИЯ

62 Неистовый Боклю

66 141-й Грозненский

ЛИТЕРАТУРА

70 Урочище Кашмак

78 “Прощай, военный городок, мне — на Моздок...”

80 КНИЖНАЯ ПОЛКА

**Главнокомандующий
внутренними войсками
МВД России
генерал-полковник
Николай РОГОЖКИН:**

**46-я бригада —
гарант мира
и стабильности
в Чеченской
республике**

Дорогие товарищи, боевые друзья!

1 ноября исполняется 5 лет со дня ввода в службу 46-й отдельной бригады оперативно-го назначения Северо-Кавказского округа внутренних войск.

К этому соединению приковано пристальное внимание Президента Российской Федерации, Правительства, Министерства внутренних дел, Главного командования внутренних войск, командования округа, российской общественности. Все знают и понимают, что именно 46-я бригада несет службу в самом спокойном регионе нашей страны, именно она, 46-я отдельная, является форпостом России в борьбе с международным терроризмом, гарантом стабильности в Чеченской республике, которая постепенно, но уверенно возвращается к мирной жизни.

5 лет назад офицеры, прапорщики и солдаты, большинство из которых прошли через горнило первой чеченской кампании, начали писать историю соединения, ставшего одним из самых боевых в войсках.

В специальных операциях и боях ковалось братство по оружию, закалялся характер военнослужащих бригады, крепло и мужало соединение. За мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач, более 500 военнослужащих удостоены государственных наград.

К сожалению, не все вернулись из боя. Вместе с воинами соединения мы свято чтим память тех, кто погиб, до конца исполнив свой долг перед Родиной.

Сегодняшнее поколение продолжает летопись соединения, традиции верного служения Отечеству, заложенные их предшественниками.

На счету воинов 46-й бригады сотни уничтоженных бандитов, десятки задержанных главарей боевиков, предупреждение диверсионно-террористических актов, изъяты оружие и боеприпасы, тысячи квадратных метров разминированных полей, на которых сегодня мирно колосится пшеница, и километры дорог, по которым без опаски ездят граждане возрождающейся республики.

За пять лет изменился и внешний облик бригады. Из палаток в чистом поле военнослужащие переехали в благоустроенные казармы и общежития. В военных городках как в ядре бригады, так и в отдельно дислоцированных батальонах создана инфраструктура для нормальной жизнедеятельности личного состава.

От всей души поздравляю вас с праздником, боевые друзья!

Желаю вам мужества, решительности, настойчивости в достижении намеченных целей. Будьте всегда здоровы и крепки духом.

Успехов вам в службе на благо России!

46-я отдельная бригада оперативного назначения — сегодня лучшее соединение Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД России, форпост борьбы с терроризмом на юге страны. Тернистым был ее путь от приземистых зданий, требовавших капитального ремонта, остова ангара у разрушенного аэродрома чеченской столицы до благоустроенных казарм, офицерских общежитий, оборудованных парков боевой техники, хлебозавода, спортивных площадок, православной часовни. Без преувеличения, создание бригады стало общим делом для всего нашего округа. Самых опытных офицеров, грамотных специалистов отбирали для службы в соединении, которому с первых же дней формирования были поручены трудные и ответственные задачи.

Помощь грозненскому соединению и материальными средствами, и людьми оказывали все внутренние войска. Благодаря этому части бригады в кратчайшие сроки добились высоких показателей в боевой службе и учебе. Здесь сложился уникальный коллектив единомышленников, объединенный верностью воинскому долгу и боевым традициям солдат правопорядка, святыми узами товарищества, гордостью за общие достижения.

Пять лет воины 46-й ОБрОН выполняют трудную миссию по восстановлению мира и порядка в Чеченской республике. За это время в ходе спецопераций личным составом уничтожено около 3200 незаконных мини-заводов по переработке нефтепродуктов, более 4000 единиц взрывоопасных предметов. Среди очевидных успехов бригады — арест брата бандита Бараева, ликвидированные база и телецентр боевиков в селении Мескер-Юрт.

По решению Президента России к концу 2005 года грозненское соединение должно быть полностью укомплектовано военнослужащими по контракту. Уже сейчас цифры свидетельствуют, что распоряжение Верховного главнокомандующего выполнено на 90 процентов. Это не результат голословной агитации за преимущества контрактной службы, это осознанный выбор многих военнослужащих, которые пришли в бригаду рядовыми, отслужили два года и решили надолго связать с ней свою судьбу.

Пять лет военнослужащих бригады, которые несут нелегкую боевую вахту, экзаменует жизнь на профессионализм, силу воли и человечность. Трудности они преодолевают с честью. Не случайно в 46-й отдельной родилось крылатое выражение: "Для нас нет невыполнимых задач!". Уверен, так будет и впредь. Бригада, ставшая надежным заслоном на пути беззакония и террора, останется верна славным традициям, подтвердит звание лучшего соединения достойными ратными делами!

**Командующий войсками
Северо-Кавказского округа
внутренних войск МВД России
генерал-лейтенант
Евгений ВНУКОВ:**

**Надежный
заслон
на пути
беззакония
и террора**

ГОРЯЧАЯ ПЯТИЛЕТКА

Пятилетие 46-й отдельной бригады оперативного назначения — праздник не только самого соединения. Это, без преувеличения, знаковое событие для всех войск правопорядка, дающее повод вспомнить, как все начиналось, трезво и непредвзято осмыслить день сегодняшний и всерьез задуматься над перспективами.

Сказать, что рождение бригады происходило в сложных условиях, значит, ничего не сказать. Формирование батальонов, которым предстояло встать в Чечне на постоянной основе, потребовало неимоверного напряжения сил от командования и личного состава почти всех округов внутренних войск. Которые, не будем забывать, в то время выделяли необходимое количество сил и средств в Объединенную группировку федеральных войск, проводящую контртеррористическую операцию, и продолжали решать служебно-боевые задачи в пунктах постоянной дислокации.

Воинские части 46-й ОБрОН создавались и проходили слаживание в Сибири и Поволжье, Московской и Ростовской областях, республиках Северного Кавказа, после чего прибывали в Чечню и практически с колес включались в боевую работу в своих районах ответственности.

А ее хватало с лихвой! Спецоперации, длившиеся, бывало, неделями, плавно перетекали одна в другую, порой не оставляя времени на сон и отдых. Немало славных дел записали на свой счет наши солдаты и офицеры за эти годы. О некоторых из них еще не пришло время рассказать во всех подробностях. Но есть цифры, которые красноречивее любых слов. Судите сами.

За пять лет военнослужащими бригады в ходе спецмероприятий и адресных проверок было задержано и передано сотрудникам правоохранительных органов 2157 боевиков и лиц, подозреваемых в пособничестве бандформированиям. Из тайников и схронов изъято семь минометов, 67 ручных пулеметов, 577 автоматов, 306 снайперских винтовок, 544 ручных гранатомета различных модификаций и 35 станковых гранатометов АГС-17, 284 пистолета, свыше 450 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию. Нетрудно представить, сколько черных дел могли натворить боевики, останься весь этот арсенал в их руках!

Сегодня добрым словом хочется вспомнить тех, кто сыграл решающую роль в становлении и укреплении нашей 46-й отдельной. В первую очередь это комбриг генерал-майор Евгений Зубарев, человек незаурядных организаторских способностей, прекрасно подготовленный военный профессионал. Благодаря его усилиям занятия, служба, работа по поддержанию образцового внутреннего порядка с первых дней существования соединения были организованы строго по уставу, независимо от условий обстановки. К этому он приучал и своих подчиненных.

Его надежными помощниками в многогранной работе по обеспечению жизнедеятельности бригады стали первый заместитель полковник Олег Козлов, начальник штаба полковник Александр Нинепа, заместитель по работе с личным составом полковник Владимир Демченко, заместитель по тылу полковник Юрий Ивашкевич, заместитель по чрезвычайным ситуациям полковник Владимир Боронило, заместитель по технике и вооружению полковник Игорь Аутодаров, заместитель по строительству и расквартированию полковник Мухамед Жубоев.

Под статью командованию бригады подобрались и первые комбаты: полковники Андрей Снатенков, Сер-

гей Тимофеев, Олег Некрасов, Андрей Скотников, Александр Сальников, Виктор Лазарев, Алексей Хоружин, Олег Безобразов, Михаил Яблоновский, Анатолий Фурлет, Виктор Иванов и Андрей Ялынский, подполковники Рабил Юсубов, Олег Черный и Евгений Зозуль, майоры Алексей Мартемьянов, Денис Кузнецов и Павел Коршов. Особо надо отметить полковника Владимира Мезенцева, на равных делившего со своими разведчиками не только бытовые трудности, но и риск боевых операций, при проведении одной из которых офицера, никогда не прятавшегося за спины солдат, настигла бандитская пуля.

После генерал-майора Евгения Зубарева нелегкое бремя командирских забот и ответственности принял на себя генерал-майор Вячеслав Рожко, в сентябре нынешнего года передавший эстафету полковнику Николаю Протасу, который с честью продолжает поддерживать и укреплять традиции офицерского коллектива нашей части.

Благодаря таким людям бригада стала хорошей школой профессионализма для всех, кому выпала честь служить в ней. Солдаты мужают и взрослеют буквально на глазах. Командиры, имевшие до этого боевой опыт, оттачивают свое мастерство, щедро делясь знаниями с молодежью. "Зеленым" лейтенантам трудно отыскать более подходящее место для офицерского становления и формирования настоящего мужского характера.

Не случайно многие из убежденных ранними сединами полковников дают отеческое благословение своим сыновьям на начало службы именно в сорок шестой, хотя могли бы подыскать им место поспокойнее и потеплее. И не случайно за пять лет не было ни одного случая (!), чтобы молодой лейтенант, пришедший служить к нам, написал рапорт об увольнении. А это, согласитесь, тоже показатель сплоченности воинского коллектива, морально-психологического климата, сложившегося в нем.

Служба службой, но командование части, округа и войск никогда не забывало, что бригада пришла в Чеченскую республику навсегда. Потому с первых дней ее существования и уделяли огромное внимание вопросам бытоустройства личного состава. Это нынче военные городки батальонов радуют глаз капитальными строениями штабов, казарм, общежитий, бань, котельных и автопарков, поражают обилием цветочных клумб и зеленых газонов. Все это возникло отнюдь не по мановению волшебной палочки. За этой красотой и уютом — упорный каждодневный труд тысяч лю-

дей: профессиональных строителей и самих военнослужащих. И в этом еще одна из особенностей становления 46-й ОБрОН.

Изначально ее солдаты и офицеры считали места дислокации подразделений бригады своим домом. И потому, несмотря на колоссальную служебную нагрузку, не гнушались никакой работы по их благоустройству. Никто не считал зазорным после возвращения с боевых, поставив автомат в пирамиду, взяться за лопату, грабли или носилки, чтобы уложить дерн на газоны или помочь убрать строительный мусор из строящейся казармы. Все понимали: работаем на себя. И это тоже сплачивало и объединяло людей.

Преобразился не только внешний облик бригады. Видоизменился и сам характер службы в ней. Выполняя решение Верховного главнокомандующего, соединение в этом году завершает переход на стопроцентное комплектование военнослужащими по контракту. А это значит, что есть необходимость в пересмотре программ боевой учебы с учетом повышенного требования к выучке солдат-профессионалов, постижению ими особенностей и специфики выполнения задач в таком регионе, как Чеченская республика. Во многом потребует дальнейшего совершенствования и развития инфраструктура наших военных городков. Задачи непростые, как и те, что ранее ставились перед нами. Но и они, как и все предыдущие, будут выполнены.

За прошедшие пять лет разительно преобразилась не только бригада. Изменилось и отношение к ней со стороны местного населения. Поначалу настороженное, а то и откровенно враждебное, сегодня оно становится все более доверительным. Конечно, до полной идиллии еще далеко. Но ко многим уже приходит понимание, что именно солдаты и офицеры 46-й бригады внутренних войск являются гарантом стабильности в республике, необратимости процесса восстановления мирной жизни.

**Полковник
Павел ГОНЧАРЕНКО,
заместитель командира бригады**

Полковник Сергей Михаличенко — начальник отделения по работе с личным составом 46-й бригады. Ветеран соединения. На этой должности со дня ее основания. Награжден государственными наградами. Офицер вспоминает, как происходило становление бригады, размышляет на тему формирования боевого духа воинского коллектива, рассуждает о зарождении традиций воюющей бригады, которые легли в основу работы по морально-психологическому обеспечению служебно-боевых задач.

Быть, а не казаться

То, что сделано в бригаде сейчас, было заложено еще пять лет назад людьми, которые прибыли первым эшелоном на ровное место. Тогда одной из важнейших задач командования бригады стало сплочение коллектива: ведь люди прибывали из разных частей и гарнизонов. И процесс этот шел параллельно с обустройством, налаживанием быта и организацией службы в условиях, максимально приближенных к боевым, сопровождался невероятными трудностями. Но мы поддерживали друг друга в тяжелые минуты, находили нужные слова, делились чем могли. Это было тогда очень важно и многим помогло выстоять. С тех пор взаимопомощь и взаимовыручка стали основой взаимоотношений в коллективе. А с тем, что при формировании бригады главную роль, как говорят некоторые, играли деньги, я категорически не согласен, потому что никакими деньгами не оценить колоссальный труд и нагрузки, которые легли на плечи первопроехавших. Скорее, превалировали особый дух русского офицерства, выраженный в девизе: “Если не мы, то кто?”, войсковые традиции и, если угодно,

романтика. Находились же добровольцы и в дружину Ермака, и в экспедицию Беринга. А мы ведь их прямые потомки. Кому-то хотелось испытать себя в новом деле, проверить на прочность, кому-то — поймать свою “птицу счастья” на новом месте службы. Это нормально для России, ее армии. Я и сейчас считаю, что большинство изъявило желание служить в создаваемой бригаде по зову сердца. Жадный до денег человек просто не смог бы здесь долго продержаться. Так же как и тот, кому было все равно где служить, лишь бы ничего не делать. Время показало, что таким людям здесь просто не выжить, в строю остались наиболее стойкие, закаленные и целеустремленные. Вот на таких высоких нравственных началах формировалась бригада, создавались и укреплялись ее основы и традиции.

Его величество устав

Впервые прибывшие в бригаду военнослужащие обращают внимание на то, какой у нас царит уставной порядок. Строго соблюдаются правила от-

дания воинского приветствия, ношения единообразной формы одежды, распорядок дня, кругом поддерживается идеальная чистота. Этот размеренный, подчиненный “его величеству уставу” ритм значительно упрощает жизнь военнослужащего, регламентирует ее вплоть до деталей. Собственно, армия в идеале и должна походить на четкий, хорошо отлаженный и легко управляемый механизм. Все основные вопросы жизнедеятельности войск давно уже выверены временем и оптимально отрегулированы статьями устава. Воину остается только добросовестно исполнять свои обязанности в рамках закона. Но что этому часто мешает? Стремление чем-то выделиться, какие-то нереализованные амбиции. Свое первенство нужно доказывать служебным рвением, на огневом рубеже, за штурвалом БМП, тогда само собой отпадет желание показать свою “крутизну”, нарядившись, например, в камуфляж заокеанского фасона. У нас в бригаде и встречать, и провожать принято по уму, а не по одежке. Обратите внимание на один из лозунгов на центральной аллее: “Главное — быть, а не казаться”.

Есть чем гордиться!

Каждый офицер прекрасно знает, что для желающих строить свою карьеру проблем в бригаде нет. Служебный рост практически неограничен. Есть случаи, когда за пять лет офицер вырос от командира взвода до замкомбата. Нет никаких препятствий и для желающих поступить в академию. Об этом неоднократно заявляли и главком, и командующий округом.

Служба здесь — серьезная школа для настоящего мужчины, влюбленного в свою профессию. Потому-то большинство наших офицеров успешно продолжают служить и в других частях на Большой земле. 46-я бригада является одним из мощных и боеспособных соединений во внутренних войсках, поэтому служба здесь почетна и престижна. А раз так, то сюда стремятся попасть многие, и это повышает ее авторитет в войсках, налагает особую ответственность за выполнение поставленных задач. Нам есть чем гордиться. Если первые годы шел процесс становления, стабилизации, наработки опыта, то теперь мы с уверенностью говорим, что имеем хорошие результаты и по итогам служебно-боевой деятельности, и по боевой подготовке, и по тылу. Что касается воинской дисциплины, то скажу, что есть подвижки и здесь. За девять месяцев этого года не допущено ни одного происшествия, в девять раз по сравнению с прошлым годом снижен уровень небоевых потерь. У нас есть подразделения, например, разведывательный батальон (командир полковник С. Кобяков, заместитель по работе с личным составом

подполковник Д. Кондряков), батальон связи (командир подполковник В. Лобов, заместитель по работе с личным составом майор С. Рудометов), где в течение уже нескольких лет вообще нет преступлений и происшествий.

Розенбаум только для профессионалов

С января будущего года бригада должна перейти на контрактный принцип комплектования, и мы вполне к этому готовы. Уже сейчас в подразделениях служат до 90 процентов контрактников. Основная масса профи — это наши военнослужащие по призыву, изъявившие желание продолжать службу дальше. Работать с ними легче, поскольку мы их достаточно хорошо знаем, а они усвоили требования, которые предъявляет командование бригады к профессионалам. С военнослужащими, которые приходят к нам служить из запаса, несколько сложнее. Требуется время на их изучение и ввод в строй. Но среди них попадают очень толковые специалисты. Разный и общеобразовательный уровень кандидатов на службу по контракту. Хотя основная масса кандидатов имеет среднее образование, оно часто не соответствует тому уровню, который необходим военнослужащему бригады. Поэтому все проводимые у нас мероприятия, включая культурно-досуговые, направлены на повышение интеллектуального и общеобразовательного уровня военнослужащих по контракту, формирование у них зрелого чувства патриотизма и гордости за принадлежность к внутренним войскам

и бригаде, будь то занятие по ОГП, информчас, празднование 60-летия Победы или концерт Александра Розенбаума.

Проблемы решаются — люди остаются!

Мы отдаем себе отчет в том, что перевод бригады на профессиональную основу вызовет целый ряд проблем. Одна из них — обустройство и создание необходимых условий для семей военнослужащих. Большинство женатых офицеров и прапорщиков, как правило, проживают здесь “холостяками” и видятся с семьями только раз в год во время основного отпуска, но некоторые все же приезжают сюда с женами. По возможности мы устраиваем их на службу. Таких семейных пар уже много. Им и жилье стараемся предоставлять. До конца года планируется ввести в строй семейные общежития во всех военных городках, что значительно улучшит морально-психологический климат в коллективе.

В бригаде получила распространение практика, когда в летнее время военнослужащие привозят сюда детей. Для них построены две детские площадки. В будущем году планируется возвести школу и детский сад. Как видите, все проблемы так или иначе решаются.

Всем ветеранам и однополчанам бригады я желаю крепкого здоровья, благополучия в семьях, успехов в труде и службе на благо любимой Родины — великой России!

Записал подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО

И СМОЕТ ГРЯЗЬ ВСЮ ЛИВЕНЬ НАД ТАНГИ

Непростая зона ответственности выпала на долю комбата полковника Игоря Магкеева. Нагорье, сплошь пересеченная местность — Урус-Мартановский район. Традиционно базовый надел боевиков. Еще с первой кампании на юго-западном направлении — патогенная мекка. А по какому курсу, вы думаете, в Ингушетию да обратно стабильный косяк мигрантов-нелегалов вынужденно дефилирует? С шатойского высоко-

горья сквозь пролаз Аргунского ущелья караванные тропы спускаются на равнину, откуда по транзитной аргунской трассе к Грозному устремляются ходоки. После самодеятельности в столице отходят бандиты в горы через Чернореченский лес. Не выдуманно природой иного пути для боевиков на южный рубеж, который через Шатой и Итум-Кале в Панкисское ущелье выводит. Не миновать при перемещении урус-мартановский плацдарм — объ-

ективный фактор, и считаться приходится.

Вполнакала бойцы 46-й бригады не работают. Обстановка оперативная не позволяет, да и другой фактор, который дальновидный в уме держит, подстегивает. В таком районе, как Урус-Мартановский — с общественно-политической особенностью щекотливой, линию дипломатии с местным населением выдерживать что по канату без страховки ходить. Еще в начале 90-х

обосновалась здесь дудаевская оппозиция. И до войны-то население не рассыпалось мелким бесом перед вождем-генералом, а боевые действия начались — в открытом противостоянии выступило на стороне федеральных сил. За что поплатилось жесточайше после “легендарного” вывода войск в 96-м.

...В 2003 году, в бытность командировочную в Урус-Мартане, довелось встретиться с главным районным “аграрием” Магомедом Мерзаевым. Но не с земледельческих проблем, с лихвой скопившихся, начал разговор администратор.

— Когда войска поспешно выводили, забыли, наверное, что народ остается. Предательство это, как еще счесть?! —

Помню, поразила тогда, сколько в голосе его горечи неподдельной, не излечило-таки время. — А мы верили армии! Пришел Масхадов, так у него на всех, кто режим не поддерживал, досье было заведено. Хватали людей без разбора и уводили в департамент госбезопасности. Больше никто не видел их. Мстили району за своеволие! Здорово мстили! Думаете, не затаилась обида у людей...

Поставили боевики позорное тавро на район, изощренно заклеив добропорядочную репутацию, когда в параллель с шалинским Сержень-Юртом основали в Урус-Мартане ваххабитскую школу республиканского размаха. Отъявленных прощелыг собрали под крышей здания нынешней комендатуры. До сих пор люди шепотом говорят о том, что дыба во дворе стояла, а о том, что в подвалах, цементом залитых, хоронится, помалкивают... Так и жил народ вплоть до 2000 года в безвременье. “Мертвым сезоном” называет люд жуткие те времена.

Такое вот наследство неприглядное досталось батальону, базировавшемуся на окраине районного центра в начале второй чеченской. На территории, некогда оккупированной ваххабитами, остались пособники, а те, кто нейтралитет держит, боятся. Вдруг снова уйдут-кинут их военные? Да нет, промеш собой местные переговариваются, 46-я на постоянной основе, а значит — навсегда. Куда теперь уйдут, если здраво разобраться, такие же тутошние, как мы. Дома, стало быть! Вон и ребяенок бегаёт у них. Крепко вцепился в руку замполита подполковника Константина Уласевича. Да это же дед его родной! И жена Михальча служит здесь, и дочка их! Коль семейственность командование поощряет, не уйдут! Так, в разговорах кухонных, судят-рядят домохозяйки. А мужички подметили, что недавно сменили взвешники армейцев на предгорных заставах. На всю округу стучат молотками, стало быть, обустраиваются на новых участках. Нет, не уйдут! Потому что, избрав свою стезю пять лет назад, бойцы урус-мартановского батальона и сегодня делают все для подлинного мира в горном краю.

Крепко оседают бойцы на предгорных заставах. В Шалажах повезло, не завязли в капитальном ремонте — на центр поселка дислокация выпала. Под Алхан-Юртом вселились в двухэтажное здание с обрушенным фасадом. Сюжет в стиле Стивена Кинга. Ночь. Зброшенное здание с пустой глазницей вместо стены. В выкопанных по пояс окопах фантомами передвигаются люди с оружием. И все это под протяжный, непонятного происхождения вой из зеленки... Стену возвели кирпичик к кирпичику, окопы в полный рост вырыли. А с воем позже разберемся! И на пустырях с начала второй чеченской не привывать заставы оборудовать. Под Ачхой-Мартаном, где заставой банальная природная воронка обзывалась, на соломе “почивали”. Сколько подобных подразделений объездила, одну закономерность вывела — нигде не жаловались!

Уровень боеспособности заставы определяется одним взглядом... на командира. Ходит угрюмым бирюком — никудышные дела. Улыбается — будьте покойны, все в порядке. На энтузиазме да из подручного материала вотчину добротную выстроит и солдат идеей увлечет. Каких дел не ворочали на душевном подъеме! Тем паче минули времена, когда, продвигаясь в глубь Чечни, за сутки несколько стоянок меняли в условиях ведения активных боевых действий. Ныне на одном месте стоим в обстоятельствах контрпартизанской войны. Лишь оперативная обстановка остается устойчиво непростой, но склонной к осложнению.

...Над Танги ревет экскаватор.

— Вал наращиваем по периметру, — помогая переступить окоп, объясняет командир капитан Роман Григоренко. — Окопы вон обшили, чтоб не рассыпались, капониры для казармы сделали. На территории плиты уложить планируем,

не то дожди зарядят — в грязи утонем.

Доски, сваленные на земле, дышат каждой стружкой, каждой занозкой, допьяна сухмень напавшая влажной свежестью древесины. Рюют стоки бойцы, чтобы после ливней болотом не зачавкала застава, ячейки для стрельбы оборудуют — бойко лопатами почву подрезают, для себя стараются. А вокруг тишина... Только "мертвых с косами" не хватает для полноты пейзажа. Помалкивает Рошни-Чу на востоке, безмолвствует Мартан-Чу на западе. А село Танги? Так оно в 2000-м так возопило, что полковника, двумя орденами Мужества награжденного, откупным тузом за молчание отдали. Теперь из лога, где уютятся домишки скромные, ни звука не доносится. Только озеро с пятак поблескивает зеркальной поверхностью. А глянь повыше, не догадаться, что в пуще жилище скрывается.

— Вон поляна, где стог сена стоит, — показывает командир заставы.

Водится догадка, что наведываются под кров гостеприимный чужаки, своими ставшие. Идет движение по ущелью, что в Шатой выводит. В 2003-м под Урус-Мартаном наблюдала, как после артобстрела горного квадрата легковушка из леса выпрыгнула и в Танги помчалась, выжимая скорость, как на ралли. Моментально поймали радиопереговоры боевиков: "Нас накрыли, требуется помощь, есть раненые". Базы еще по тем временам находили. Да и в селе прежний контингент остался, а старые связи, как известно, не ржавеют. Опасный участок достался капитану Григоренко. Только встали на место, ночью "духи" влупили по заставе из оружия с глушителями. Удобное место выбрали, спрятавшись в ложине за сухостоем. Разумеется, с позиций ответили огнем. Так в течение получаса прощупывали друг друга.

— Думаю, проверили нашу боеготовность и наличие средств. — Роман усмехается. — Только опытный солдат сразу огнем отвечает, а если замешкались, понятно, молодняк собрался. Еще им важно, с каких точек отсюда стреляют. А наша основная задача — выявить цель и

направление нападения.

Просчитывает командир возможные варианты атаки, учитывая складки местности. Южная сторона тяжелая. Вьется тропа между пригорками. Спустился и с расстояния 100-50 метров целясь-поливает из-за кустарника. Отход безопасный зеленка обеспечит. По той же причине на востоке удобная маневренность для гранатометчиков. А с запада не приблизиться на расстоянии эффективного огня. Далековато, метров девятьсот от заставы, самый подходящий плацдарм природный — беззаботная плюшевая полянка в низине. Но держит на контроле офицер две горные пропелшины с редкой порослью мощных деревьев. Идеальное прикрытие для снайпера. Сделал дело поганое и отходи, выбирая или горы, или Танги. В горах ищи-свищи, а в селе, как постановили во времена не столь дальние, снайперов отродясь не водилось. Только визитеров горных, крадущихся в Танги, отпугивают и с соседней заставы, которая над Комсомольским встала. Нынче боевичье пошло не то, что прежде, — осторожничают да исподтишка кусают. Где-то в пути посеяли

дошел к саперам мужчина с двумя пакетами салатной зелени в руках. — Натевот, — отдал командиру зеленушку. — Если надо что, обращайтесь.

Пошло дело.

— Салан, брус надо, и доски, да цемент с гравием...

Вот уже пыхтит по пригорку КамАЗ с гравием. Но и про интересы села не забывает лейтенант Мосеев.

— Салан, сено заberi...

Чтобы зорче окрестности обозревать, всю траву со стороны бруствера скосили бойцы. Да и про уклон горный не забыли. Вспомнили про Салана, не по ветру же травокос развеивать. Тот на тракторе мигом подъехал. И еще три стожка дожидаются его.

Не обойти друг друга гражданским и военным. Интересы пересекаются, да и культуру общения в социуме никто не отменял. В Урус-Мартане познакомил подполковник Уласевич с примечательной личностью, районным главврачом Юнади Дачаевым. Типичный коренной житель, но в отличие от многих, глубины высшего образования постигший, занимающий достойное место в обществе.

О разном говорили. Выпало стать ему очевидцем многих драматических событий. Все помнит. Как ваххабитов в район не пускали. Как с 96-го иссякал ручеек интеллигенции, теперь уж 85 процентов квалифицированных врачей район покинули. Как выхаживали в больницах чужаков с огнестрелами.

Срывался вопрос с языка, и спросила-таки про нынешний контингент больных. Не слукавил врач. “Мы давали клятву Гиппократу”, — ответил.

Но не все в жизни уместается в форматные рамки. Теперь ему одному решать задачку астральную, может, и со мной ниспосланной мудростью поделится. Ведь встретимся еще. Тогда непременно вам расскажу.

**Капитан
Елена ЖАРНИКОВА**

вседозволенность 99-го, когда, обстреляв взвэшную заставу из разрушенного Старого Ачхоя, банда около 100 человек могла в Орехово переметнуться, где гражданское население официально числилось. Теперь бандиты орудуют ночью и передвигаются затемно. Только по жидкому свету фонариков определяют бойцы, что ходоки по ущелине шныряют. Поговорят с наглецами на языке автомата, вот уж замелькали проблески худые в сторону Комсомольского.

* * *

В Комсомольском 90 процентов жителей — горцы. Еще в первую кампанию великое переселение затеялось, так и осели-обвыклись в новом районе. Всякие люди в селе. В крайнем домике, к примеру, вдова бывшего полевого командира живет. Но с военными, при плотном соседстве-то, общие взаимовыгодные горизонты сельчане открывают.

— Вы теперь новые будете? — после инженерной разведки по-

“ТРЕХМИНУТКА” УХОДИТ В НОЧЬ, ИЛИ СЕКРЕТЫ “ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ”

“Работа у нас такая...”

Командир батальона, узнав, что я хочу написать о его разведчиках, посоветовал зайти к ним в роту попозже вечером.

— Ни утром, ни днем вы их просто не застанете на месте, — пояснил командир (в прошлом тоже разведчик), рестом, статью и усами похожий на Никиту Михалкова. — Работают ребята... Да, и имейте в виду, ничего особо “жареного” разведчики вам не расскажут. Не положено. Многие их операции пройдут под серьезным легендированием...

Прикинув, что вечер в армии начинается после ужина, а “попозже” — это где-то перед вечерней поверкой, в начале десятого я, предвкушая интересный разговор, направился к разведчикам в казарму.

Первым (и, как позже выяснилось, в тот вечер последним) моим собеседником стал командир отделения сержант Руслан Золотых — крепкий, немногословный парень родом из Хакасии.

— К нам поступила информация, что за хребтом у чеченцев есть врезка в нефтепровод, и они постоянно оттуда гоняют наливники. До вечера мы выполняли одни боевые задачи, а ночью поехали на задержание. Вместе с горячеисточнинской комендатурой. Во главе с командиром взвода мы выдвинулись на двух БТРах. У комендатуры был бронированный “Урал”. Дошли до моста у Червленной. Потом повернули налево, в сторону Кень-Юрта. Проскочили это село. Встали. Прошло совсем немного времени, смотрим, прямо на нас уже и наливники едут. Три машины. Без света. Мы с помощью приборов ночного видения их обнаружили. Заняли оборону. Взяли их на прицел. Один наш БТР перегорел им дорогу. Остановили. Задержали. Охраны у них почему-то не было. Во время движения обратно у одного из наливников загорелись

колеса. Потушили. Едем дальше. Без света. Проехали село. И дальше — в горячеисточнинскую комендатуру...

Руслан говорит ровным голосом, короткими, рублеными фразами, а я представляю себе эту картину. Ночь. Чужая, незнакомая территория, таящая в себе тысячи неожиданностей. На тебя едут люди, настроенные явно недружелюбно. Можно сказать, враги. А вдруг они вооружены? А вдруг у них охрана? А вдруг станут оказывать сопротивление и откроют огонь? А вдруг начнут преследование? Интересно, сколько у разведчиков этих “вдруг”?!..

— Ты так спокойно рассказываешь, а неужели не бывает страшно?

— Страх, он всегда есть... Когда-то больше, когда-то меньше... Но он приходит потом. Обычно на задании о страхе не думаешь. Просто делаешь свое дело...

Не успел я задать следующий вопрос, как по казарме раскатисто прокатилась команда очередного дневального “Рота, сбор!”.

— Извините, — сорвался со стула Руслан. — Работа. Приходите попозже...

— А что случилось? — поинтересовался я вслед сержанту, но мой наивный вопрос повис в воздухе. Я закрыл блокнот, выключил диктофон и вышел из комнаты досуга.

В холле, напротив комнаты для хранения оружия, в спешном порядке экипировались и вооружались разведчики. У меня возникло ощущение, что в ускоренном режиме смотрю фильм. Между бойцами грациозной походкой крупной хищной кошки (“Леопард? Снежный барс?” — мелькнула мысль) двигался командир роты и отдавал короткие команды. В каждом его движении чувствовалась недюжинная скрытая сила и ловкость.

— Товарищ капитан, а с вами можно? — обратился я к нему. Профессиональное любопытство било через край.

— Смеетесь?!

Через несколько секунд в холле остались только я и очередной дневальный.

— Не знаешь, что случилось? — Я все еще надеялся получить ответ на свой вопрос.

— Да кто его знает... — пожал он плечами. — Что-то, наверное, случилось, раз группу трехминутной готовности подняли. — И добавил: — Работа у нас такая...

Я вышел в прохладную ночь. Откуда-то со стороны аэропорта "Северный" доносились одиночные выстрелы. "Не туда ли ребята сорвались?.. Дай бог, чтобы все обошлось..."

Над бригадой покоилось черное, как платок с головы чеченской девушки, небо, усыпанное мириадами ярких звезд. Большая Медведица была в необычном для жителя средней полосы России месте — очень низко. Она практически касалась Терского хребта, выглядывшего в темноте как спина исполинского животного. Над крышей казармы появился тонкий и, как мне показалось, какой-то мусульманский серп луны. Воздух кожаными крыльями распарывали летучие мыши, словно сорвавшиеся с шевронов разведчиков...

Как становятся разведчиками

Руководствуясь принципом "попозже", на следующий вечер я снова направился к разведчикам. На этот раз мне повезло гораздо больше...

Знакомство с 46-й бригадой у заместителя командира роты разведки по работе с личным составом старшего лейтенанта Владимира Кучина началось с... журнала "На боевом посту".

Еще учась на втором курсе военного института, Володя прочитал статью о воюющей бригаде. Очень заинтересовался. Встречая офицеров, вернувшихся "оттуда", подробно расспрашивал об условиях службы. А когда сдал госэкзамены, у него, как у "краснодипломника", появилась возможность поехать в Московский округ. Но решение выпускником уже было принято — только 46-я бригада.

— Захожу к командиру батальона, — рассказывает Владимир о начале своей службы. — Спрашивает: "Видел Терский хребет?" — "Видел". — "Я тебя на ВОП отправляю туда. Согласен?" — "Согласен". Вечером сижу в общежитии. Заходит зам по разведке. Интересуется так лукаво: "Наверное, ты всю жизнь мечтал в разведке служить?" (А у меня отец долгое время был разведчиком). Отвечаю: "Да, товарищ майор". — "Завтра подойди к командиру батальона и так и скажи".

Наутро прихожу к командиру. Не успел еще ничего сказать, он мне говорит: "До меня дошли слухи, что ты хочешь в разведке служить". — "Так точно!" — "Ну иди поговори с командиром роты разведки".

Прихожу в роту. Командир рассказал про подразделение, про задачи. Их оказалось гораздо больше, чем я мог предположить. Это заставы, заслоны, разведдозоры, штурмовые отряды, засады, проверка паспортного режима, прикрытие инженерной разведки, сопровождение колонн, должностных лиц бригады и многое другое. Ну, думаю, это по мне. Лучше постоянно лазить где-то, чем сидеть на хребте на ВОПе и на всех сверху смотреть. Вот так я в разведку попал. И не жалею об этом. За год службы здесь я приобрел опыта и знаний гораздо больше, чем за пять лет учебы в военном институте. Очень многому меня научили и мои подчиненные — некоторые из них на тот момент уже прослужили по три-четыре года, и, конечно, командиры...

Режим службы в роте очень напряженный. В пять часов подъем. В шесть разведчики уже разъезжаются на выполнение различных задач. И так до самого вечера. Если удастся поспать пять-шесть часов — уже хорошо... "Да мы и не спать сюда приехали!" — улыбается замполит.

Что касается опасностей, то они подстерегают разведчиков на каждом шагу.

— Не так давно в Грозном случай был. Положено, чтобы вместе с нами на выполнение определенных задач выходили сотрудники чеченской милиции. При этом они нам не подчиняются, что хотят, то и делают, где хотят, там и ходят... У нас впереди шел кинолог с собакой. Милиционер чеченский от основной группы оторвался и догнал кинолога. Дошли мы до перекрестка улиц Богдана Хмельницкого и Маяковского. Там стоит наш ВОП. А неподалеку — столб и православный крест. И когда этот милиционер поравнялся с крестом, произошел взрыв. Как нам потом сказали, мощность его была около пяти килограмм тротила. Хорошо, осколков не было. Милиционера отбросило на другую сторону дороги, сильно поранило. Наш кинолог отделался легким испугом. Как мне кажется, это действие было явно направлено против милиционера. Потому что если бы хотели нас подорвать, то так бы и сделали...

При разговоре с разведчиками, да и не только с ними, я заметил, что многие ребята — умышленно или нет — приуменьшают опасности, которые их окружают. Те, кто служит в Грозном, в ядре бригады, говорят, что у них здесь все спокойно, не то что в Шелковской или Гудермесе. Когда мы приехали в Шелковскую, там начали нас убеждать, что здесь служить спокойно, не то что в Грозном или в других местах. Та же картина была в Гудермесе...

Разведчики

“Попадёшь белке в глаз?..”

У снайпера Жаргала Балданова (Жоры, как его по-простому называют разведчики) свой путь в роту. Еще в школе, начитавшись книг и посмотревшись фильмов, он мечтал попасть служить только в элитное подразделение — разведку или спецназ. Но отдавал себе отчет, что одного желания явно мало. К службе в элитном подразделении нужно себя подготовить.

И Жаргал, житель Бурятии, начал готовиться. В седьмом классе у него появился охотничий карабин — гражданский аналог СВД под названием “Тигр”. Стрелять учился сам. Вместе с друзьями уходил на охоту и через несколько месяцев тренировок уже мог с 400-500 метров подстрелить косяку.

— Белке в глаз попадал? — интересуюсь.

— Врать не буду. Пока нет...

Из зеленокумской учебки его забрали в бригаду. И здесь он рассказал о своей детской мечте служить в элитном подразделении. У командования не было возражений. Да и откуда им взяться, если при проверке на стрельбище у Жаргала были одни “десятки”. Направили в роту разведки.

Боевое крещение рядового Балданова произошло в начале июля 2003 года.

— Ощущения совсем другие, чем на охоте. Нет никакого азарта. Просто спокойно выполняешь свою работу. Настоящую. Мужскую...

В спецоперациях, засадах и разведдозорах два года срочной службы пролетели как один миг. Приехал Жаргал в родную Бурятию, помыкался в поисках хорошей работы, ничего достойного не нашел (“Разве три-четыре тысячи — зарплата для мужчины?!”) и решил вернуться в свою роту. Боевые друзья встретили с радостью. Подписал контракт. И теперь снова со своими братишками Жора выходит на спецзадания...

Тяжело в учении...

Мощная шея, накачанные покатые плечи, сильные руки выдавали в командире роты разведки капитане Романе Ухоботове профессионального борца. Даже просторный костюм разведчика плохо скрывал его тренированную фигуру.

— Занимался ли я спортом? — переспрашивает он. — Было немного. И сейчас стараюсь себя в форме держать...

Без спорта в разведке никак нельзя. Главными критериями отбора в роту являются собственное желание (не прикажешь бойцу — “Будешь разведчиком!”, не тот случай), морально-психологическая устойчивость (ее командиры проверяют в личных беседах и по специальным тестам) и, конечно же, физическая выносливость. Наряду с тактико-специальной подготовкой — изучением порядка выдвижения, перемещения на поле боя, выставления засад, отработкой нормативов по задержанию прес-

тупников, стрельбой — разведчики серьезно занимаются бегом, рукопашным боем, борьбой и даже акробатикой. То есть всем, что может пригодиться в реальных ситуациях.

Практически ежедневные полевые занятия, на которых все действия разведчиков доводятся до автоматизма, работа на полигоне, как говорится, на износ приносят ощутимые результаты. Факт, что в роте за всю историю ее существования не было не только потерь, но даже раненых, говорит сам за себя!

— Первая проверка тех, кто изъявил желание служить в нашей роте, проста, но очень эффективна, — делится профессиональными секретами командир. — Собираю всех новобранцев, всех офицеров и младших командиров, мы одеваемся, экипируемся по полной боевой — “сферы”, бронжилеты, оружие — и совершаем марш-бросок. Бежим в течение часа, преодолеваем штурмовую полосу, полосу разведчика. За это время несколько раз останавливаемся, отжимаемся, ползем, выполняем различные вводные. А командиры постоянно интересуются у каждого из молодых бойцов: “Хочешь служить в разведке?”. И через несколько километров опять: “Хочешь служить в разведке?”. Если парень чувствует, что нагрузка большая и он ее не выдержит, то отказывается. Но таких мало. Как правило, в разведку приходят уже подготовленные ребята...

Проводник банды Гелаева

Как ни отнекивался командир, ни говорил, что “ничего особенного в нашей службе нет, просто работа”, мне удалось разговорить его на несколько историй из боевых будней роты.

“В октябре 2003 года проводилась спецоперация в районе от Бамута и до самого Гехи-Чу. Боевики в это время как раз активно перемещались из Грузии в Чечню. И вся спецоперация была направлена на то, чтобы не дать им возможности пройти... С того места, где был базируван наш батальон, командир отправляет в дозор группу разведчиков. Им нужно было пройти по руслу реки. Идут, и вдруг на прибрежном песке видят человеческие следы. Пошли по ним. Через некоторое время следы оборвались. Значит, люди зашли в воду. Часть нашей группы пошла дальше по этой стороне реки, часть вброд перешла на другую. Продолжили поиски. С той стороны машут — нашли! Следы уходили в лес, к Лысой горе.

Вернулись на базу, рассказали. Командир принял решение выставить у брода засаду. Только ребята вышли к реке, как их обстреляли. Они доложили. Из штаба дали команду оставаться на месте. Просидели до утра — никто не появился. В течение трех дней выходили на это место — никого не было.

И только на четвертые сутки, когда мы просматривали массив леса, увидели человека. Одного. Он нас не видел. Мы к нему осторожно подкрались и захватили.

Начали допрашивать. Оказался проводником банды Гелаева. Выяснилось, что из-за нас он никак не мог вытащить группу боевиков, которая находилась в районе Аршты — Галашки.

Стали с ним эти районы прочесывать. Поднимаемся на сопку, выходим на место стоянки бандитов и понимаем, что они снялись буквально за полчаса-час до нашего прихода. И так было несколько раз. Потом мы поняли, что он нас водит на сопки окольными путями вместо прямых. Боевики нас замечают и уходят... Но главное — мы им не дали пройти на нашу территорию...”

“Хорошо, что не постреляли...”

Бывали в роте и курьезные случаи. Правда, вся их курьезность становилась понятной только после удачно проведенной операции.

“Дело было в январе. А здесь зима — совсем не зима, снега практически нет, только грязь по колено. Возвращаются ребята с очередного задания. Грязные по уши. Я у командира взвода спрашиваю: “Славик, что случилось?”. Он в шутку отвечает: “Вы тут спите, а мы боевиков ловим!”. И рассказал...”

Ушли они в засаду в район Петропавловской. Прибыли на место, за базировались. Все вроде тихо, спокойно, и вдруг на них выходит группа — восемь чеченцев. Все вооружены по полной боевой. Ребят наших не замечают, проходят мимо. Что делать — непонятно. Вступать в бой? Но они не нападают. А у нас есть указание — первыми огонь не открывать. Вначале они должны напасть, а мы только потом отвечать.

Стали эту группу преследовать. Ползком. Пять минут ползут, десять. Полчаса. А чеченцы идут себе не торопясь. Разговаривают. Проползли, в общем, ребята по грязи почти три километра. Смотрят, чеченцы выходят к дороге. А там их “уазик”-“таблетка” поджидает.

Только они все залезли в машину, как командир взвода дает команду на захват. Чеченцы даже опомниться не успели, как оказались разоруженными и лежащими со связанными руками и ногами на полу “уазика”.

Привезли их в бригаду, сдали в разведотдел. И только там выяснилось, что это сотрудники чеченской милиции, которые обходили подведомственную территорию.

Потом они приехали к нам, благодарили за то, что не постреляли, а вначале разобрались...”

У разведчиков свои секреты...

Что сказать в заключение? Я бы пошел с ними в разведку. Просился, и не раз, но не взяли. “Не положено”, — говорят. А я бы пошел. Настоящие парни. Надежные...

Да, и еще один момент. Как ни пытался выяснить, куда это на ночь глядя сорвалась группа трехминутной готовности, никто мне толком так и не сказал. “Шумок нехороший в окрестностях пошел, мы проверили...” Вот и весь ответ.

Ну что ж, у разведчиков свои секреты...

**Подполковник
Николай КАЗАКОВ**

ООО “Барракуда”
экипировочный центр

- форманное обмундирование, обувь
- спецоборудование и снаряжение
- кожаное спецснаряжение
- металлическая и полиамидная фурнитура
- шевроны
- вымпелы
- фидеграммные шнуры и аксельбанты
- флаги, плакаты, сувениры

Наш адрес:
123592 г. Москва и/л 15
тел./факс:
(095) 656-49-54
(095) 744-55-95
(095) 212-84-00
www.barrakuda.biz
E-mail:
office@barrakuda.biz

БАТАЛЬОН НА ТЕРЕКЕ

Что общего между Алтаем и Терекком? Бесплезно искать ответ в справочниках по географии и истории Отечества. Наука здесь ни при чем. Две эти географические точки на карте Родины соединились политическим решением руководства страны в июне 2000 года, обозначив боевой путь одного из батальонов 46-й бригады. Именно там, на Алтае, под славным городом Рубцовском, началась формирование отдельного батальона оперативного назначения. Станица Червленая — место на Кавказе не менее известное, воспетое в стихах, прозе, на полотнах живописцев. Еще бы, сам батюшка Терек Горыныч, став естественной границей заселения этих благодатных земель гребенскими и терскими казаками, по левому берегу которого одним из первых и возник Червленый городок, манил к себе многих. Останавливался здесь Лев Толстой, собирая материал для своих “Казаков”. И, вполне вероятно, Михаил Лермонтов. Проездом бывали герои Кавказской войны известные казачьи генералы Евдокимов, Слепцов и Бакланов. Славились тогда станица тенистыми фруктовыми садами, виноградниками, богатым уловом рыбы, обширными пастбищами да крепкими казачьими куренями — домами-мазанками.

Уже позже, со строительством мостов через Терек, Червленая становится крупным железнодорожным транспортным узлом Северного Кавказа, соединившим Чечню со Ставрополем и Дагестаном.

В первую чеченскую кампанию станица врезалась в память военных серьезными боями за эти самые мосты и песенным сборником, составленным участником тех событий, фронтовым корреспондентом Юрием Тутовым, который так и назывался “Чечня. Червленая”. Много тогда этих кассет разошлось по стране...

Сегодня в Червленой тоже есть сады, сохранились и виноградники. А вот вместо куреней появляется все больше крепких кирпичных построек переселенцев из горной Чечни.

Потомков казаков в станице с пятитысячным населением, к слову, осталось не более сотни, большинство — люди зрелого и пожилого возраста. Но мир так или иначе все же возвращается в дома и сердца людей, уставших от войны.

Во многом эта заслуга принадлежит военнослужащим оперативного батальона.

Люди мира на территории войны

Батальон несет, по мнению его командира полковника Леонида Кондратюка, самую большую служебную нагрузку в бригаде. Помимо обычных для всех батальонов ежедневных задач по инженерной разведке двух маршрутов с выставлением заслонов, несут службу солдаты и по обеспечению безопасности мостов через Терек с выставлением вблизи них КПП. Оседлал батальон ВОПами и ближайшую высоту с красивым названием Ястребиная, охраняя несколько закрытых объектов на ней. Не сидят без дела и разведчики батальона. Волка ноги кормят, а разведчика плюс к тому глаза и уши. Пол-Чечни исколесили парни, оставаясь в тени своей славы неприметными чернорабочими войны. Во имя скорейшего наступления мира третий год пропадает где-то в горах и батальонный спецназ, обеспечивая работу следственной оперативной группы. Появятся, словно тени, на базе раз в месяц батальонные спецы, пополнят запасы, заберут письма и так же бесследно исчезнут, растворившись в темноте. Где? Куда?.. Цену мира на Кавказе здесь знают хорошо. Зыбок он здесь, как прибрежный песок Терека. Помнят, что территория, где дислоцируется батальон, особая, помнят и имена в скорбном списке погибших при исполнении служебного долга. Один из них прапорщик Борис Лут. О нем, его маленькой, но крепкой семье писал мой коллега в центральной газете МВД “Щит и меч” летом 2002 года. Борис погиб вскоре после этого при подрыве фугаса во время проведения инженерной разведки. Его жена с сыном уехала на

родной Алтай вслед за гробом. Вот и еще одна ниточка связала на карте два таких далеких друг от друга пункта: алтайский городок Бийск и терскую станицу Червленную.

Есть в батальоне и настоящие люди-легенды. Гордятся здесь ставшим в одночасье известным на всю страну своим сослуживцем Александром Казминым. О нем писал популярный “Московский комсомолец”, рассказывали на страницах войсковых изданий и мы. Сержант, которому при проведении инженерной разведки взрывом фугаса оторвало обе ноги и руку, совершил настоящий подвиг, вернувшись не просто к жизни, но и в строй.

Три надежды прапорщика Берещенко

А жизнь идет своим чередом. Вполне мирная по местным меркам, она позволила некоторым офицерам и прапорщикам привезти сюда свои семьи, которые размещаются в милых глазу и вполне обустроенных изнутри домиках-коттеджах, увитых плющом и диким виноградом. Можно услышать здесь и детский смех. Значит, жизнь действительно берет свое. В семье старшего прапорщика Владимира Берещенко и его супруги Надежды Васильевны детишек двое: пятилетний Виталик и четырехлетняя Таня. Единственный их друг и ровесник пятилетний Максимка собирается на зиму к бабушке, на Большую землю. А вот “берещята” будут зимовать здесь, бабушек у них нет. Как нет, впрочем, и своего дома. И кров, и стол дал им ставший на два года родным батальон. Так сложилась жизнь, которая немало преподносила их семье сюрпризов, но они выстояли. Вот и глава семьи Владимир Иванович, сам по себе мужчина солидный и основательный, не унывает, потому что не утратил веры, сохранил любовь и живет надеждой. Надеждой на прочный семейный тыл, которым уверенно заправляет его супруга; надеждой на крепость уз войскового товарищества в ставшем для него второй семьей батальоне и еще очень надеется Берещенко-старший, что, подкопив здесь денег, сможет он наконец, вернувшись домой, построить свой дом.

Семейный подряд Болденковых

Проживавшие на Тереке казаки традиционно жили большими семьями. Так сподручнее было и по хозяйству управляться, и службу государеву править. Как выйдут в дозор дед, отец да трое взрослых сыновей, где уж тут врагу незамеченным пробраться? Муха не пролетит.

Майор Александр Болденков — начальник бронетанковой службы батальона, житель не местный, хотя его можно смело назвать бывалым кавказцем, потому что послужил он здесь Отечеству немало. Еще в составе знаменитой “сотки” замирал он тут некогда жившие в добром соседстве народы: осетинов и ингушей, чеченцев и жителей Дагестана. Поэтому и в 46-ю он ехал служить с желанием, хорошо зная местные условия, традиции и особенности службы. И ехал не один. Служат в одном батальоне с ним его сыновья. Старший, капитан Александр Болденков — начальник службы арттехвооружения батальона и младший, Алексей, сержант, мастер по ремонту этого же вооружения. Но это еще не все. В гарнизоне Северный в артдивизионе проходит службу еще один Болденков. Тоже Алексей. А в Дагестане в горнострелковой бригаде МО служит рядовой Василий Болденков. “Мне повезло, — откровенно признается Александр Владимирович, — все они очень дружны между собой, привязаны друг к другу, хотя они всего лишь сводные братья. Моя мечта — собрать их вместе, в одном батальоне, думаю, это реально”. Как сообщил заместитель командира батальона по работе с личным составом подполковник Андрей Соколов, вопрос о переводе сержанта Алексея Болденкова из артдивизиона в батальон практически решен, а через пару месяцев ждут в батальоне для заключения первого контракта и рядового Василия Болденкова. Такой вот семейный подряд на охрану южных рубежей Отечества. Значит, не пропадем!

Жизнь по законам жанра

Батальон в Червленной активно обустраивается. Возведены просторные, светлые помещения, которые язык не поворачивается называть казармами. Построены штаб, магазин военторга, медицинский пункт, прекрасная столовая с фонтаном, выполненным в античном стиле, при входе. Добраиваются благоустроенное общежитие, клуб, новая баня. Нет, не забыты люди, проходящие здесь службу. Подтверждением этому стала и организованная под эгидой журнала "На боевом посту" высадка в батальоне в апреле текущего года "звездного десанта" во главе с популярным актером Гошей Куценко, который, дав здесь единственный концерт, буквально на следующий день улетал на съемки очередного кинофильма...

А реальная жизнь батальона идет дальше своим чередом, далеким от кинематографии. Здесь не играют в жизнь и жизнями: своими и чужими. Здесь живут, служат и любят по-настоящему, без дублей, грима и аплодисментов в антрактах, так, как того требуют законы воинского коллектива, как диктует время. То ли мирное, то ли военное.

Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО

ЦВЕТЫ ДЛЯ

Кресты вдоль чеченских дорог

Сверток в целлофановом пакете, обмотанный бечевкой, лежал в выбоине кирпичного забора. У Андрея скорее всего сработало подсознание. Он не просто шагнул, а отпрянул в сторону от выбоины. В следующее мгновение прозвучал сильнейший взрыв.

Вербицкий, по сути, выпрыгнул из зоны поражения взрывной волны. Иначе его бы точно размозжило о железобетонную конструкцию, которая стояла аккурат напро-

ЛЕЙТЕНАНТА ВЕРБИЦКОГО

тив забора.

А ведь не больше получаса назад возле забора прошли саперы инженерно-разведывательного дозора. Тогда свертка не было. Его подложили позже, надеясь подловить кого-то из военных на обратном пути. К счастью, фугас был без наполнителя (поражающих элементов). Андрея Вербицкого зацепило только краем взрывной волны. Но так ударило о толстенный ствол тополя, что он моментально потерял сознание.

Саперы перетащили своего командира в машину сопровождения и отвезли в госпиталь. Вербицкий очнулся там только к середине дня. Затем три недели интенсивного лечения, отпуск после ранения...

В общей сложности прошло больше месяца после подрыва, прежде чем командир саперного взвода лейтенант Андрей Вербицкий снова вышел с подчиненными в составе ежедневного инженерно-разведывательного дозора.

— Чеченки, которые на рынке торгуют, в то утро на меня, как на привидение, смотрели, — рассказал Андрей, — думали, что я погиб. Наверное, поэтому кто-то из них к ветке дерева, об которое меня приложило, пластмассовый цветок прикрепил...

Этот небольшой рынокчик находится почти напротив места подрыва. Во время разведки саперы обязаны осматривать и тротуары. Один из них расположен как раз возле прилавков. Женщины видели, как увозили лейтенанта, который с полчаса назад проходил мимо них.

К тому же Андрей иногда заказывал у них живые гвоздики. Цветы оставляли возле креста, установленного на обочине дороги на их маршруте. К нему прикреплена табличка. На ней: фамилия, имя, отчество и ... дата смерти сапера, который погиб на этом месте больше года назад после подрыва.

В августе возле этого креста боевики снова заложили фугас. К нему ИРД не подпустили, взорвали, когда до первого номера оставалось метров 50.

Такие кресты часто встречаются вдоль чеченских дорог.

Это — места гибели саперов. Установлен крест и на улице Красных Фронтовиков в Грозном. Возле него всегда лежат свежие красные гвоздики. На том месте подорвали парня из ОДОНа. И сейчас каждое утро саперы, независимо от того, какое инженерное подразделение работает на улице, оставляют здесь цветы. Это уже традиция.

Нынешний маршрут инженерно-саперной роты 46-й бригады считается одним из наиболее сложных. Ведь большая его часть проходит по довольно оживленной улице Грозного. Люди постоянно ходят по тротуарам, ждут на остановках городской транспорт, одна за другой носятся по проезжей части маршрутки, автобусы, машины. От дороги до жилых домов частного сектора — метров 10-15, не больше.

Но именно здесь боевики повадились постоянно устанавливать фугасы. Кстати, сверток, которым подорвали Вербицкого, лежал как раз возле тротуара.

— Вчера метрах в сорока от того места наш Вадим Киреев две гранаты нашел, — продолжал рассказывать Андрей, — ржавую “эфку” и новенькую РГД...

Они были примотаны проволокой друг к другу и лежали в куче битого кирпича. Год назад такую же связку Вербицкий заметил в куче мусора, правда, у нежилого здания. Стал проводить доразведку, чуток отгрел мусор рядом, под ним целлофан показался. Все ясно, гранаты не просто так лежат, а являются детонатором для еще более мощного заряда.

Лейтенант запросил по рации командование. Ему разрешили подорвать находку накладным зарядом. Предположение подтвердилось. Взрыв оказался настолько мощный, что здание пошатнулось, а в основании железобетонной стенки образовалась дыра сантиметров 80 в диаметре. Две гранаты на такое неспособны...

Правда, на этот раз применить накладной заряд не разрешили. Вокруг народу полно, в домах люди живут. Пришлось снимать этот “сюрприз”. К счастью, он оказался пустышкой. Под гранатами лежал обычный осветительный патрон. Может, кто-то пытался таким образом проверить бди-

тельность саперов? Вообще же, по наблюдениям военнослужащих, минируют на этой улице, так сказать, сезонно. Неделю-другую подрывы или находки чуть ли не через день. Затем некоторое время тишина, словно боевик отпуск берет. Потом вновь все повторяется.

Взрывоопасные коробки

— Помните, что вам майор Бундин на занятиях рассказывал? — инструктировал Вербицкий своих подчиненных перед выходом на маршрут. — Ни к каким коробкам близко не подходить, тем более руками не трогать...

Майор Валентин Бундин — начальник инженерной службы батальона оперативного назначения. Некоторое время назад командовал инженерно-саперной ротой. В 46-й бригаде служит с ноября 2000 года. До сих пор ходит на инженерную разведку.

Случай, о котором напомнил Вербицкий, произошел год-два назад. Обычная картонная коробка лежала на обочине дороги. Хорошо, солдат, который шел первым номером боевого расчета, оказался осторожным, не стал ее поднимать, а позвал старшего.

Валентин начал проводить доразведку. Разгреб немного землю вокруг, а там провода в сторону газона уходят.

И так все аккуратно сделали, прямо под дерном протянули, никогда не заметишь. Вели они к пакету, наполненному тротилом, обрезками гвоздей и арматуры. Причем установили его на таком расстоянии от коробки, чтобы наверняка накрыть машину сопровождения и всех, кто идет рядом с ней.

Провода перерезали. Фугас сняли. В нем оказался электродетонатор. Подняли коробку, а там...

Фотоэлемент, несколько проводков и батарейка. Простейшая электрическая схемка. Чуть приоткроешь коробку, свет попадет на фотоэлемент, цепь замкнется — и взрыв. С подобной ловушкой саперы столкнулись впервые...

— А вообще, — учил Бундин подчиненных, — толковый подрывник может заминировать любой предмет: и ручку, и банку от лимонада, и пачку от сигарет. Не говоря уже про более крупные вещи...

...Ту картонную коробку рядовой Вадим Киреев впервые увидел на обочине несколько дней назад. Тогда ее проверили — ничего опасного.

“Эх, надо было ее сразу расстрелять из автомата, — мысленно сожалел солдат, — вот как сегодня на повороте перед Нефтянкой...”

Нефтянка — это речка на маршруте ИРД. Почти перед самым мостом через нее дорога делает резкий поворот. На нем неизвестно кто и когда устроил свалку. Что только сюда не возят. Но самое главное — вонь возле нее ужасная. Сегодня утром на краю этой свалки появилась такая же коробка. С какой стати она там лежит? Направлять к ней кинолога с собакой бессмысленно. В такой вони животное работать не сможет.

Получили по радиации разрешение командования обстрелять коробку. Вербицкий с заместителем командира взвода выпустили по ней по магазину патронов. Картон, естественно, в клочья. Под ним ничего не оказалось. Все равно, бережного бог бережет...

“И эту бы так, — продолжал размышлять Киреев. — Да кто разрешит? Там — пустырь. А здесь: перед ней перекресток дорог, за ней остановка автобусная, на которой уже людей полно, да еще дома вокруг... Стоп!”

Киреев резко вскинул руку вверх, не дойдя до коробки метров двадцать. Сегодня она лежала не на том месте, где всегда. Вадим лишь хотел оглянуться, чтобы позвать командира, как коробка взорвалась.

Сильный удар отбросил солдата на середину дороги. Под ним тут же начала растекаться лужица крови.

Судя по всему, подрывник внимательно следил за дозором и ждал, чтобы как можно больше людей вошли в расчетный сектор поражения (фугас был начинен поражающими элементами). Но он понял, что его раскрыли, когда увидел, как Киреев вскинул руку вверх, а саперы укрылись и изготовились к бою, поэтому и привел в действие свою смертоносную машинку. Так что солдат спас многих своих товарищей. А сам не уберегся и получил два осколка. После лечения Вадим снова вернулся в строй и до увольнения в запас продолжал ходить на инженерную разведку. В конце лета ему вручили орден Мужества.

Год назад на этом же месте боевики уже подрывали фугас. Близость автобусной остановки, на которой всегда много людей, их ничуть не смущала. Тогда пострадал первый номер боевого расчета. Он перенес 15 операций, потом его комиссовали. В роте сказали, что орден Мужества парню вручили в госпитале.

Особенность действий саперов в городе в том, что работать существующими техническими средствами здесь практически невозможно. Они реагируют на металл. А его в одних только бордюрах полным-полно. Так что надеяться приходится на собственное внимание, а иногда и на местных жителей.

“У меня снаряд на огороде”

Муса живет в частном секторе на окраине Грозного. На своем огороде он не работал уже много лет. Ведь урожая можно так и не дожидаться. Неизвестно, что завтра в городе произойдет. Жалко будет трудов.

Нынешней весной Муса решил-таки взяться за лопату. Вроде спокойнее становится, да и соседи начали работать на своих участках. И копнул-то всего несколько раз, как наткнулся на огромный артиллерийский снаряд. Судя по ржавчине, пролежал он здесь не один год. Как только не взорвался!

Слухи в Грозном передаются быстро. Поэтому он знал, что в нескольких кварталах от их улицы хозяин такого же, как у него, частного дома нашел у себя на крыше две минометные мины. Одна, пробив черепицу, валялась на чердаке, вторая воткнулась в деревянное стропило. Тогда военные приехали. Район оцепили, людей вывели. В доме работал один сапер. Он-то и вынес обе мины. Их потом за городом взорвали...

Вот и Муса решил дожидаться военных, которые каждое утро проходят мимо его окон. С самого рассвета он не отходил от своей калитки.

— Командир, командир, — увидев военных, закричал он офицеру, — посмотри у меня на огороде, там снаряд лежит.

Андрей Вербицкий доложил об этом в бригаду. Получил разрешение на проверку. Раньше подобные находки уничтожали на месте. Ведь по инструкции боеприпасы, которые прошли через канал ствола, даже трогать нельзя, а тем более передвигать или переносить.

Но сейчас так поступать в жилой зоне запрещено. И поэтому снаряд вывезли в безопасное место. Риск, конечно, огромный. Но, как говорится, работа такая, и она сейчас крайне важна. Ведь еще много взрывоопасных предметов осталось после боев, да и бандиты продолжают начатую ими же минную войну.

Правда, нередко среди местных жителей появляются слухи, дескать, военные сами эти фугасы устанавливают, а потом ходят и подрываются на них.

Возможно, те, кто их распространяют, периодически появляются на улицах с видеокамерами и фотоаппаратами. Молодые, крепко сложенные чеченцы, не стесняясь, снимают действия инженерно-разведывательного дозора. Лучшего пособия для подрывников не придумаешь. Помешать этим операторам военные не имеют права.

— Ты бы хоть документы у них проверил, — не выдерживая такой наглости, сказал однажды Вербицкий сопровождавшему ИРД представителю республиканского МВД.

— Мне это не надо, — невозмутимо ответил милиционер.

Ежедневно сотрудник милиции обязан находиться на маршруте вместе с дозором. В случае обнаружения взрывных устройств он пишет рапорт, в котором описывает место находки. Он же должен предотвращать всевозможные провокации.

— Ну что, нашли что-нибудь? — поинтересовался один из них у Вадима Киреева после окончания разведки.

— Нет, — ответил солдат.

— Ничего, скоро найдете, — ухмыльнулся милиционер.

Через два дня после того разговора был подрыв, после которого продавщицы на рынке долго считали Андрея Вербицкого погибшим...

**Подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ**

С незапамятных времен, с момента появления артиллерии отношение к ней было особое. Почти мистическое. А к людям, которые повелевают извергающимися металл и пламень орудиями, — подчеркнуто уважительное. Артиллеристы с полным основанием всегда считались если не элитой, то уж точно особой кастой в любой армии мира.

Грозный бог войны в 46-й отдельной бригаде оперативного назначения представлен двумя отдельными артиллерийскими дивизионами и минометными батареями, входящими в состав каждого оперативного батальона. Сила внушительная! И управляют ею совсем еще молодые солдаты и офицеры.

Впрочем, молодость в тех местах, где проходит их служба, понятие весьма относительное...

МЫ — НЕ БОГИ. МЫ — ПРОСТО

Гудермесские “самовары”

— Сейчас активные боевые действия не ведутся, поэтому работа артиллеристов для многих незаметна, — по пути на огневую позицию, не теряя времени понапрасну, начал просвещать меня комбат минометчиков капитан Виталий Кайдманов. — Но как только инженеры выходят на разведку, пехота выезжает на спецмероприятия, спецназ срывает-

ся на адресную проверку — мы сразу к минометам, в готовности открыть огонь по первой команде. Если им случается во время занятий и тренировок проходить мимо наших позиций, часто дружески подначивают: “трубочисты”, мол, целыми днями толчетесь вокруг своих “самоваров”. Но случалось, по возвращении из серьезных передраг подходили, руки жали, благодарили за помощь огоньком. Так что дел хватает. Поэтому моих орлов проще застать на позициях, чем в казарме.

Орлы — семеро бойцов в касках и бронезиловках, с заброшенными за спину автоматами — деловито сновали вокруг 120-мм миномета. Познакомились, разговорились. Из разных мест и различными путями пришли ребята сюда. Сержант Денис Чуносков родом с Алтайского края, до подписания контракта успел послужить в частях по охране ВГО. Ростовчанин Дмитрий Маликов и краснодарец Валерий Кузьменко попали в бригаду сразу после зеленокумской учебки, как и рядовой Павел Лисов.

АРТИЛЛЕРИСТЫ!

Рядовой Фидан Ялалетдинов в короткие минуты отдыха вспоминает родные башкирские степи, ефрейтор Вадим Ахуньянов — бескрайние просторы Оренбуржья, а ефрейтору Виталию Федосееву ночами снится пермская тайга.

Но здесь они — единое целое. Нигде, пожалуй, нет такого взаимопонимания и такой спайки между людьми, как в артиллерийских расчетах.

— Ничего удивительного. У нас же оружие коллективное. От четких, доведенных до автоматизма действий каж-

дого зависит общий успех. — Вроде бы прописные истины говорит сержант Чуносов. Но по тому, как молча кивают головами расположившиеся здесь же полукругом остальные номера расчета, становится понятно: готовы подписаться под каждым словом своего командира. А значит, не пустой это звук, не заученные на занятиях по ОГП фразы, не рисовка перед заезжим журналистом.

— У нас ребята остаются на контракт целыми расчетами, редко кто уезжает домой после окончания срочной служ-

бы, — вступает в разговор рядовой Павел Лисов. — Конечно, большим стимулом является хорошая зарплата. Но не главным. Просто таких друзей, как в батарее, больше нигде не найдешь. А дружба и службе помогает. Мы настолько притерлись друг к другу, что уже понимаем товарищей не то что с полуслова, а с полувзгляда.

И снова простые и бесхитростные, в общем-то, слова солдата сопровождались одобрительными кивками его сослуживцев.

Общались долго. Комбат, пристроившийся чуть в стороне, не вмешивался в наш разговор. Да и зачем? Немногословные и не по годам здраво рассуждающие о службе и жизни ребята не нуждались в излишней опеке. Разговорился он позже, уже перед нашим расставанием.

— Быстро взрослеют здесь пацаны. Мозги правильно ставятся. Когда боевая работа начинается, особенно если кураж поймают — одно загляденье на них смотреть. Не бегают — летают вокруг минометов. Есть такие, кто уже и за офицеров работать могут. Профи, одним словом. И если случается, что уходит, отслужив положенное, — капитан тяжело вздохнул, коснувшись больной темы, — словно кусок от сердца отрезают. Ведь у нас две равнозначные составляющие: вооружение и люди. Расчеты без минометов — простая пехота, они без нас — мертвое железо. А когда вот так (Виталий переплел пальцы рук в замок и крепко сжал их), тогда мы — артиллерия...

И горький запах пороха...

С рассказа о профессионализме орудийных расчетов и высоком уровне их боевой выучки начал разговор и командир батареи 80-мм пушек капитан Александр Самохвалов. Его орудия расположились на огневой позиции у станицы Шелковской.

— А как вы хотели?! У меня батарея на сто процентов контрактниками укомплектована, профессионалами. Есть настоящие уникалы. Например, рядовой Володя Клипиков. По штатной должности он телефонист во взводе управления. Но при необходимости может заменить и комбата в полном объеме: цели сам считывает, на буссоли и прочих артиллерийских приборах работает уверенно. В шестом расчете рядовой Женька Мичилов исполняет обязанности командира. Расчет — лучший в батарее, сокращенным составом работает “без помарок”, укладываюсь во все нормативы. Во всех расчетах полная взаимозаменяемость. Есть такие бойцы, что в одиночку у пушки остаться могут и все равно задачу выполняют.

Офицеров много достойных. Капитан Александр Кабанцов, старший офицер батареи, моя правая рука — артиллерист от Бога. А, например, командир огневого взвода лейтенант Антон Сидоренко до прихода к нам вообще никакого отношения к артиллерии не имел. Службу начинал в пехоте, поначалу вообще не знал, с ка-

кой стороны к орудью подойти. Но ничего, научился. Главное, чтобы желание было у человека. А оно здесь быстро появляется. Это же артиллерия! Да сейчас сами увидите...

После того как расчет (тот самый, лучший в батарее) несколько раз продемонстрировал свое мастерство на всех стадиях подготовки орудия к выстрелу, присели пообщаться. Не вру: такого блеска, такого азарта, какие играли в глазах Евгения Мичирова, Вадима Соколова, Романа Солодилова и Юрия Еремина, я не наблюдал давно. Парни буквально светились изнутри, рассказывая о себе, о службе, о друзьях и командирах и, конечно же, о пушках.

— Никогда не думал, что останусь служить после срочной. А вот втянула меня армия. В пушки просто влюбился. Это ж такая силища! — Наводчик Вадим Соколов при этих словах ласково погладил холодный металл орудия. — Никогда не забуду свою первую боевую стрельбу: грохот такой, что оторопь берет. А потом восторг, когда командир сказал, что отстрелялись успешно.

— При первой стрельбе, честно скажу, в непонятках полнейших был. — Роман Солодиллов улыбается, вспоминая свое боевое крещение. — Все делал автоматически, как учили на занятиях и отрабатывали на тренировках. Сейчас уже действуем спокойно, осознанно, с полным пониманием дела. О чем думаем при этом? Чаще о пехоте, товарищах наших: укрыты они или нет, на достаточном ли удалении от взрывов находятся. Там ведь грохнет так, что мало никому не покажется.

Не удержавшись, спросил у ребят их мнение по поводу известной фразы “Артиллерия — бог войны”. Уж больно хотелось узнать, есть ли ощущение сопричастности к “божественному” у этих совсем еще юных “громовержцев”.

— А что, пожалуй. — Командир расчета Женька Мичилов на мгновение стал очень серьезным. — Особенно при ночной стрельбе. Сначала пламя вырывается из ствола. Потом обдаёт волна горячего воздуха, отрывает от земли, запечатывает уши, забирается под одежду. И горьковатый запах пороха. Настоящий запах войны... Пожалуй, что-то сверхъестественное в этом есть. А вообще, мы — не боги. Мы — просто артиллеристы!

И его лицо вновь расплылось в задорной улыбке...

**Полковник
Игорь СОФРОНОВ**

НИКТО не должен ЗНАТЬ...

Вобразите заснеженное поле под полной лунной... Из самого космического темечка Вселенной плавными линиями нисходят лунные дорожки цвета зрелой пшеницы и, разбегаясь по бугристому, словно намеренно выставленному для релаксации их легких воздушных телес, байковому насту, вальсируют с беглой поземкой. Поднимается, закручивается меловой пылицей метелица. До слуха едва доносится слабое пощелкивание в прозрачной, вскормленной свежестью тишине — главной хранительнице безмятежности почти уснувшей окраины села. Снег с алебастровым оттенком от изливающегося холодного света скучающей в небе бесприданности луны кажется вязким, как манка, сдобренная абрикосовым вареньем. Не моргнет желтый блин, приклеенный под самым небесным куполом.

— Черт бы ее побрал, видимость, как днем. — Командир разведгруппы оглядывает открытое поле, по которому им предстоит пройти.

Ощущение, что вот-вот прошмыгнет над кромкой горизонта гоголевский черт. Но не к Солохе на хутор близ Диканьки торопятся разведчики. В эту фантазмагорическую ночь в районе Петропавловки в хате на окраине ожидается сход боевиков. Командование интересуется один из фигурантов, и разведка обязана доставить бандита на базу.

— Двигаемся, — рукой показывает командир.

Будь оно неладно, полным-полно бурелома под снегом навалено! Трещит на всю округу, при эдаком вынужденно неуклюжем движении и маскхалаты не выручат. Снова чертыхнувшись, откатывается к оврагу офицер.

— В арык, — определяет знаком.

В 22.00 подползли к исходному рубежу. Окидывает командир привычно-сноровистым взглядом местность. Вон она, борозда, лучшего укрытия для группы захвата, похоже, не найти. Хочется ближе, но... нельзя, по самой окраине села рассредоточиваются. И хотя собаки в подобную морозную пору моськи, обросшие инеем, давно в будках отогревают, вдруг взбредет сумасбродному псу выскочить? Или прохожий запоздалый ненароком наткнется на разведку. Вариант комичный, но не для потехи же буерачные льдины локтями и коленями шлифовали! По глупости засветятся, тогда не избежать стрельбы. Открыть огонь — возможны потери... Хрен с ними, с боевиками, своих ребят нужно сберечь! Горит в окошке свет, собралась шайка на "малине". Но боестолкновения допустить нельзя. Ввязались в бой — сработали плохо. Сколько их?.. Так, четверо выходят на перекур. Это понятно. А в хате? Не сосчитать. Тихушничают бандиты, незачем внимание чужих глаз привлекать. Ждать, остается терпеливо ждать. Привыкли разведчики часы в наблюдении коротать, да и наскоком действовать не пристало, то штурмовиков задача! Не кулаком осиливают, а надежным, рассчитанным ходом проявляются на верняка. Назубок помнят кодекс разведчика: "...Никто не должен знать, откуда я появился, никто не должен знать, что я здесь и когда уйду". На последний случай оставляют клятву: "...Если Бог заберет меня раньше, чем я закончу выполнение задачи, то я воскресну и завершу ее". И всегда помнят: лучший разведчик — живой разведчик!

Верная дорога, по которой обратно, в соседний дом пойдет бандит. Надо ждать! А ледяная ночь щиплет разалевшиеся щеки, бьет наотмашь пронзительным морозцем, студит мышцы. По уши окопались в снегу разведчики. Не зная, что коллеги впереди в засаде осели, не разглядеть группе прикрытия основные силы.

За полночь переваливает время, что-то не торопится оно сегодня. И боевики не порят горячку, степенно заседают. Харча, судя по всему, девать некуда. Вот уж третий раз сигаретные светляки засветились в непролазной темени. Но различимо: ежатся на промозглом холоде смутные силуэты, подергивают плечами, топчутся по стылой земле. Ага, побросали окурки и айда греться. Только оледеневшая дверь отзывается тонким скрипом.

...К четырем утра близятся стрелки. Знает командир: до

рассвета должны вернуться обратно. Вот когда минуты наперегонки побегут, не нагнать! Околевают разведчики, не до прыти! Вот оно...

— Всем готовность, — жестикулирует офицер, увидев, как мужчина вышел на дорогу и поплелся в надобном направлении. Медленно тянется, прохладжаясь. Напряглись бойцы, четко знают, как действовать. 150 метров остается пройти бандиту до группы захвата... Давай, дружок, готов капкан, только тебя дожидается! 70 метров... Впились глазами в черную фигуру — здоровущий, а волочь на себе придется! 60 метров... Клином сталкивается свет на этом мужике! Зашкаливает адреналин! Ну, ближе, ближе! 50... Ах ты сволочная натура!!! Останавливается детина... Не к месту присичило.

Брать?!! Далековато — не выйдет неожиданности броска, не взять врасплох. А еще до основной группы доставлять пса придется. Мужик поборется, с тепла, чай, выполз, сытый. Шум поднимут — выскочит боевичек из дома... Всю ночь пролежали разведчики на снегу, одеревенели тела, не та реакция, и быстрота движения утеряна. А может, рывком или...

— Хью мичах? — непредвиденно выкликает темноту кудлатая голова, возникшая в полоске света отворившейся двери.

— Со уггаре, — слышится в ответ. Разворачивается мужчина и... удаляется в противоположную от разведки сторону.

Ох, и уела досада бойцов! Душит ярость от осечки! Взыграла, забурилась разъяренно кровь от невезухи такой!

...На базе, в 46-й бригаде, заново через решето логики просеяли разведчики маломальские детали, мозаикой сложившие провальную спецоперацию, заново просчитали "если бы...". Но... Человеческий фактор обусловил ситуацию, а луна коварная спрятала в карман счастливую звезду. Штормят эмоции, едва уняли. В измерение штиля вошли, порешили — все правильно делали, только ценой жизни к цели подоспевали... Но боевому профи гусарствовать несолидно, через русскую рулетку итог выявляя!

Но удачу на войне никто не отменял! В 2002 году в районе садов под Грозным обследовала разведка дачные участки, и внимание головного дозора непонятное шевеление за деревьями привлекло. Присели, перевоплотились в кустарник и наблюдают, как мелкими перебежками, воровато так, пробирается в сторону села мужичок. Выломались из гущи и... чуть на автоматный огонь не нарвались! Не заметили второго тихо-

хода. Благо широкогрудые деревья заслонили, да группа прикрытия поддержала огнем. Взяли боевиков, которые в поселок за продовольствием направлялись.

...С ноября 2001 года, момента создания разведподразделения на базе 46-й бригады, всякими головоломными тропами к цели подбирались. Объездили чуть не всю Чечню: разведдозоры, прикрытия тыловых колонн, зачистки населенных пунктов. Оперативно среагировали на развилке Грозный — Петропавловская, когда убегающую “Ниву” догоняли. Во всю резвость “железные лошадиные сил” удирал от разведчиков связной эмира, знакомый оперативникам по спискам федерального розыска. Достали!

Только в бестселлерах красиво да гладко спецоперации прописываются, подслащая воображение обывателя. В реальности же, пока результата достигнешь, столько клейкого, густого пота стечет с бойцов, о-го-го! Далеко от банальности утверждение, что ожидаемый итог завоевывается стойкостью выносливостью и железной дисциплиной — на грани самоистязания. Каждому ли дано осилить? В 46-й бригаде командиры говорили, что процесс распознавания в солдате разведчика не столь долгий. В течение недели люди раскрываются. Сдал тест Купера — молодец, доказал свою физическую силу. А трехсуточный психологический обстрел слабо стерпеть? Вот именно, вытерпеть, на глотку своей песни наступая, потому что в связке с коллегами работать придется в условиях, где в живых надлежит остаться. Не приходится ко двору эпатажные парни. А самобытная индивидуальность ценится, лишь бы шла на пользу общему делу. В разведке остаются только упрямцы. Две трети кандидатов отсеиваются. Не остается тех, что единственно романтику повидать пришли. А романтика там, куда ворон костей не заносит!

Уж точно не до нее было в Шелковской, когда после прочесывания старошедринского леса попали под обстрел. Не растерялись, ловко вывернулись и погналы противника. Пять километров травили-преследовали, пока приказ возвращаться на базу не поступил. Минометы заработали, а тут упал на колени радист, ноги отказали. Под пятьдесят килограммов в духотище и при влажности на себе тащил — станция, вещмешок, разгрузка. Бухают разрывы вокруг, ломаются израненные деревья. Под прикрытием подползает к солдату ротный.

— Давай снимай станцию...

— Нет, встану сейчас... встану...

Пытается связист на ноги подняться и кулем валится на землю.

— Приказываю отдать станцию и боекомплект! — рычит офицер.

— Я не отдам... Я сам, — чуть не со слезами, но категорично шепчет солдат. Руками настырно упирается в землю, но не слушаются судорогой сведенные ноги.

Подхватили братишку на руки и понесли... Вот и вся романтика боевая! Вернулись в бригаду, а через полчаса ушли в засаду на сутки. Только встал на ноги связист — в составе группы вновь на задачу. Таковские несгибаемые парни в разведке ценны!

* * *

...Вечером в гостиничном номере 46-й бригады обменивались впечатлениями с окружным психологом капитаном Натальей Ванеевой. Затемно вернулась она с тестирования, которое у разведчиков проводила.

— Ты где была? — спросила.

— В штабе.

— Хочешь человеческий фактор понагляднее разглядеть, сходи-ка завтра в роту. Там дети командирские на каникулах. Игорю четыре годика, а Максиму одиннадцать. Увидишь, какую атмосферу добросердечности непроизвольно создают в подразделении эти ребята. Бойцы, похоже, души не чают в них. Возьмется в спортзале, а то сядут и просто болтают, объясняют что-то. При ребятне лишняя грубость не вырвется, и себя постоянно в форме будешь держать. Смотрят ведь, все впитывают. И чубчики у них так же выстрижены, как у солдат, и в камуфлированных костюмчиках ходят. А старший, Максим, даже “подшитый”. Несмотря на возраст, чувствуется в нем какая-то организованность, обстоятельность. В каждой черточке проскальзывает принадлежность к коллективу. Но это неудивительно — специфическая черта разведки. Сколько тестов в разных подразделениях проводила, именно разведчики воспринимают себя как часть целого, общего. “Я солдат” — изначальная самооценка. Другие отвечают: сын, мужчина, донжуан. Для разведки все эти черты вторичны. Они и выделяются в общей массе, заметила? Не по годам взгляды серьезные. Не только по зеленому берету отличишь, что перед тобой разведчик.

Поделилась Наталья еще одним профессиональным секретом. Из рисунков солдат, по которым психологи определяют скрытые, но характерные признаки личности, сделала вывод. Через призму нюансов, ведомых только ей, увидела естественное стремление людей к гармоничному мирному существованию. Думается, нет здесь противоречия. С психическим здоровьем в разведроте порядок! Ведь выраженное агрессивное начало разрушительно для людей и с оружием, и без оружия в руках. Если бы, вынашивая его, выполняли разведчики боевые задачи, давно бы поплатились жизнью. Беспощадность застит глаза, разве способен безумец хладнокровно ходы вперед просчитывать?! А без этого — полшага до ошибки. Но на нее у разведчиков нет права. На одной ли чаше весов стойкое неприятие противника и опасная страсть к смертоубийству? Не за жертвами выходит разведка на боевую. Проведать о намерениях противника, прознать о его планах, разбить замыслы! Потому, как учил Сунь-Цзы, “если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет”. Ради постижения этого знания скрупулезно выкладывает разведка путь победы. Всю себя, до крайнего нерва, крайней эмоции делу посвящая!

**Капитан
Елена ЖАРНИКОВА**

ЗА РАТНУЮ ДОБЛЕСТЬ

— Что застыли! Старшего вытаскивайте! — Контрактник Алексей только что выскочил из головной БМП и орал сквозь грохот боя двум оцепеневшим бойцам. — Куда под пули претесь?! Через десант! Через десант!..

Нечего сказать. Место для засады боевики выбрали удачно. Выезд из населенного пункта. Дорога сужается как раз на повороте возле кладбища. Там-то они и залегли. От дороги его густая зеленка отделяет. А каменные плиты памятников на могилах — неплохая защита в случае, если ответный огонь откроют.

Ну а дальше все шло по схеме. На дороге установили мощный фугас, начиненный обрезками арматуры... Подрыв... Огонь по застывшей колонне из всех стволов...

Правда, в решающий момент нервишки у одного из боевиков, похоже, сдали. У того, кто приводил в действие фугас. Головная БМП не доехала до места его установки. Еще несколько долей секунды — тела пяти человек, которые находились внутри, пришлось бы собирать по частям. Нападение оказалось настолько неожиданным, что многие в колонне находились в шоке.

Конечно, все залегли, как учили. Но огонь боевиков оказался настолько плотным, что головы не поднять. А откуда стреляют, пойдя разберись. Понятно, что за зеленкой на кладбище засели. Но из-за густой листвы ничего не видать.

Раньше остальных пришел в себя контрактник, который ехал на головной БМП. Он сейчас и командовал. Хотя нет. Скорее, заставлял бойцов очнуться, начать действовать, думать, а значит, выжить.

Сам он уже вытащил из заглухой БМП механика, раненного под лопатку, и радиста с осколком в плече. Уложил их на землю возле катков боевой машины и оказывал им медицинскую помощь. Броня БМП — единственное, что могло закрыть их от пуль бандитов.

— Этот, похоже, отвоевался, — горько выдохнул Алексей, когда из открытой кормовой двери БМП вывалился старший машины с окровавленным лицом.

К счастью, ошибся контрактник. Старшему только нос перебило осколком. От наступившего шока он потерял сознание и с залитым кровью лицо казался мертвым.

— Там же Белов остался! Наводчика забыли! — снова заорал он солдатам.

В этот момент ожила башня заглухой БМП. Она медленно поворачивалась в сторону кладбища. Замерла на мгновение. И тут ствол автоматической пушки начал изрыгать одну за другой длинные очереди.

Снаряды словно распарывали зеленку. Наводчик всадил туда весь боекомплект. Бандиты попросту уносили ноги. Позже на могильных плитах обнаружили свежие следы крови...

Раненых солдат эвакуировали в Ханкалу. Головная БМП самостоятельно двигаться уже не могла. Хоть машина и не наскочила на фугас, но взрыв был настолько мощный, что двигатель заклинило. И наполнителя — обрезков арматуры боевики не пожалели. Вся броня БМП была посечена ими.

Через три дня после того боя машину привезли на базу. Вместе с ней вернулся и наводчик рядовой Белов. О произошедшем он не распространялся. Ну обстрел... Ну отбились... Как бы и все.

Просто не принято среди солдат батальона рассказывать о подобных случаях, тем более о своей роли в них. Ведь каждый солдат в Чечне в любой момент мог оказаться в подобной заварухе.

Да и голова наводчика была занята другим — со дня на день у него заканчивалось время службы по призыву. Он уже не раз мысленно представлял, как вернется домой.

Наконец этот день настал. Командир роты, тогда еще майор Анатолий Зеленских, на построении зачитал приказ об увольнении в запас. Солдаты один за другим выходили из строя, командир жал им руки, благодарил за службу. По мнению Анатолия Анатольевича, каждый из этих ребят, прослуживших в Чечне по году и более, уже герой.

— Что это у тебя за шишка на лбу? — поинтересовался офицер, когда к нему подошел сияющий от счастья Белов.

Улыбку с его лица как рукой сняло.

— Понимаете... Это тогда... Во время обстрела... — потупившись, мямлил солдат.

Тогда-то Зеленских понял, почему Белов все дни после возвращения в батальон постоянно надвигал кепку на голову как можно ниже. Оказывается, во время подрыва фугаса один из начинявших его обрезков арматуры попал в командирский прицел, пробил его, а после этого срикошетил солдату в лоб над левым глазом. К счастью, кости черепа не задел, но застрял под кожей.

Так что уже с осколком в голове Белов вручную разворачивал башню (автоматические механизмы разворота заклинило вместе с двигателем), стрелял из пушки, решил исход боя в нашу пользу и спас жизнь многим товарищам.

— Что же ты ничего не сказал, когда раненых эвакуировали? — допытывался у солдата Зеленских. Разговаривали уже в канцелярии роты, что называется, с глаза на глаз.

— Домой хотелось скорее уехать, — как-то по-детски произнес Белов. — У меня же только голова чуток поболела. А так нормально себя чувствую... Да и осколок сам почти уже вышел...

Ведь до дембеля ему всего-то ничего оставалось. Скажешь, что ранен — мало того, что лечить отправят, так еще и уволят неизвестно когда.

Вот он и натягивал кепку поглубже, и говорил, что все нормально. А на построении, видать, чуточку расслабился...

— Это что ж получается? — от догадки Анатолию стало противно на душе. — Пока раненые ждали эвакуации из Ханкалы, их представили к государственным наградам. А этого?

Солдат, мальчишка еще, с осколком в голове колонну спас, боевичью по мордасам надавал, а ему вот так просто: “Спасибо за службу и до свидания”.

Написать сейчас представление к награждению Белова? Так оно в Ханкалу лишь через несколько дней дойдет. А там, наверняка, его отложат. Бой прошел, людей уже к наградам представили, документы ушли в Москву. Ради одного ничего делать не станут.

— Дежурный! Построение роты в расположении! Немедленно! — кричал Зеленских из канцелярии, а сам подошел к личному сейфу.

Недавно в батальон приезжали шефы — представители администрации одного из районов Московской области. Хотя сейчас, скорее, уже друзья. Ведь это взаимодействие продолжается практически с первых дней формирования бригады. Они вручили Анатолию Зеленских медаль “За ратную доблесть”. Награда учреждена губернатором Московской области Героем Советского Союза Борисом Громовым, ветераном дру-гой войны — в Афганистане. Ее-то офицер и достал из сейфа.

— За мужество и героизм... — чеканя слова, говорил командир роты, — рядовой Белов награждается медалью “За ратную доблесть”.

Тут же перед строем он прицепил свою медаль на куртку “хэбэшки” совершенно смущенного солдата.

— Это единственное, чем я мог тогда отметить парня, — вспоминает Анатолий Зеленских. — А медаль эта хоть и не государственная награда, но среди наших бойцов очень ценится. Если ею кого награждают, то носят ее с гордостью...

Тогда же во время построения в расположение зашел командир батальона. Он сначала, мягко говоря, крайне удивился такой самостоятельности, мол, что это ротный свою медаль отдает. Но когда услышал объяснения...

На утреннем построении батальона комбат вывел Белова из строя, рассказал всем о его подвиге и, так сказать, официально, с соответствующим удостоверением вручил солдату эту медаль и пожелал в дальнейшем только мирной жизни.

Сейчас подполковник Анатолий Зеленских служит в 46-й бригаде заместителем командира батальона охраны и сопровождения грузов. Кстати, недавно его самого представили к медали Суворова.

— Наш батальон, — рассказывает Анатолий Анатольевич, — пожалуй, единственный во внутренних войсках по составу и специфике действий. Военные автомобильные колонны по всей Чечне мотаются, а наши люди их сопровождают. Бывает, неделями в расположении части не появляются. Потом придут на два-три дня, технику обслуживают, помогают, боеприпасы получают и снова в дорогу...

Правда, многие этот батальон называют рабочей лошадкой. Дескать, охрана и сопровождение — какое там героизм? Однако от умения военнослужащих подразделения качественно выполнять свою работу зависят и сохранность грузов, и жизнь многих людей. Ведь в пути можно столкнуться с любыми провокациями. Ясно, что их организуют не мирные жители, а бандиты. Для них главное увидеть реакцию военных. Если те сломя голову разворачиваются и начинают “войну”, значит, расписываются в своем непрофессионализме.

Когда же действуют без лишней суеты, слаженно и уверенно — это лучшее доказательство того, что охранение организовано качественно. В последние годы, так сказать, здравомыслящие бандиты колонны с таким сопровождением предпочитают пропускать.

**Подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ**

Их трое. Три подруги — Наталья, Алевтина и Ирина. Их гражданская профессия — медсестра превратилась в военную — санинструктор. Они совершенно разные. И внешне, и внутренне. У них разные судьбы. Одно у них общее. И название у этого общего — страшное. Война...

Наталья Тюракова, санинструктор минометной батареи:

— У меня мечта была — попасть на войну. Еще со времен первой чеченской кампании. Но тогда не получилось. А как только появилась возможность, я решила, что буду служить.

14 сентября 2000 года мы прибыли в Гудермес. Первое впечатление — шоковое: голая земля, муравьи и ничего больше. Жили в палатках. Без света. Вода привозная. Мылись под открытым небом. Не поверите — всего два туалета было на батальон! Здесь я поняла цену настоящей дружбы. Такой сплоченности, взаимовыручки, поддержки на гражданке не бывает. Были моменты, когда у нас даже хлеба не было — и тогда мы делили на всех последний кусочек сухарика...

Алевтина Онучина, санинструктор-дезинфектор:

— Мы планировали поехать в Чечню вместе с мужем. Он у меня тоже военнослужащий, прапорщик. Но у него было очень большое сердце, и во время прохождения

медкомиссии случился инфаркт. Он остался дома, сказал: “Ты пока послужи, я через год приеду”. А через восемь месяцев мне пришла телеграмма с сообщением о том, что он умер...

Мне было 38 лет, всю жизнь проработала на гражданке и вдруг попадаю сюда. Всё было очень непривычно. В палатке, где размещался медпункт, одиннадцати женщинам отгородили половину для жилья. Вторую палатку приспособили под лазарет.

Служить, особенно поначалу, было очень тяжело. Оружия не знали, воинское приветствие отдавать не умели... Нас так гоняли, бедных...

Ирина Хакимова, санинструктор 1-й роты:

— Мы жили в Ижевске. Муж служил. Когда формировалась 46-я бригада, ему предложили поехать в Чечню. Он согласился и сказал, что жена у него медик и хочет ехать с ним. Мне дали предписание, и я приехала в Кирово-Чепецк, на место, где формировался батальон.

Очень хорошо помню первый разговор с команди-

ром. Он спросил: “Ты крови боишься?” Я ему ответила: “Товарищ полковник, как и всякий нормальный человек, я боюсь умереть. Хотелось бы пожить. А крови я не боюсь. Я сама выбрала для себя эту профессию”. — “Если нужно будет, сможешь оказать помощь раненым?” — “Смогу”...

1 сентября 2000 года в Чечню пошел первый эшелон, в котором мы ехали. Получилось так, что я ехала не в пассажирском вагоне, как другие женщины, а со своими ребятами в теплушке. И нисколько об этом не жалею... Нам с мужем отгородили небольшое место, сами они спали в два яруса... Всю дорогу ребята играли на гитаре, пели... Изумительные ребята...

Наталья Тюракова:

— Пробыли мы здесь неделю и поехали на зачистку. Для меня, человека сугубо штатского, все казалось очень необычным. Конечно, было чувство страха. Все время ждала — а что же будет дальше, чем все это закончится... Мы, девчонки, ехали на разных БТРах. И нам так не хватало друг друга! Нам просто хотелось хотя бы видеть друг друга. Всё ждали — а вдруг подрыв! А вдруг обстрел! Но, слава богу, обошлось.

А дальше потихонечку втянулись...

Первый год-полтора мы в батальоне практически не жили. Постоянно куда-то выезжали. На неделю, а то и больше... Ходили в резиновых сапогах, в “санитарке” ночевали в два этажа. Ни умыться, ни помыться... В батальон вернемся, стираемся, одежду вечером на печке развесим, она к утру высохнуть не успеет, а начмед уже говорит: “Ну все, девчонки, надо выезжать!” Мы по-быстренькому собрались и по новой поехали...

Алевтина Онучина:

— Постоянно ездили на “инженерки”, на спецоперации. Потом начались зачистки. Все медики на них выезжали. У нас не смотрят на то, что я, например, числюсь санинструктором-дезинфектором. Это не имеет никакого значения. Будь ты начальником аптеки или еще кем — все выезжают.

Перед первым выходом на спецоперацию все так волновались, переживали! И очень боялись. Все же с гражданки, никто раньше не служил...

В 2000 году здесь было очень страшно. И обстрелива-

ли постоянно, и на колонны нападали... А у меня дома двое сыновей остались с бабушкой.

Ирина Хакимова:

— Первый мой боевой выезд был в Аргун и поселок Октябрьский. Там я впервые увидела горящие нефтяные скважины. Жуткое зрелище... А вечером мы попали под небольшой обстрел. Спрашиваю у командира: “Товарищ капитан, а мне что делать-то?” Отвечает: “Ложись на носилки, укройся броником и лежи!” Три минуты пролежала, пять. Не, думаю, мне так не интересно. Потихоньку вылезла, подседа к ребятам... Слышу: стрельбы-то уже и нет...

Наталья Тюракова:

— Самое серьезное испытание выпало на нашу долю ровно через год, 17 сентября.

Стояло обычное сентябрьское утро. Ничто не предвещало беды. И вдруг раздалась команда “Батальон, в ружье!”. Все поднялись. Я побежала на позицию своей минометной батареи. Бегу и чувствую — что-то не так, звуки какие-то непонятные. Оказалось, это пули над головой свистят.

Ирина Хакимова:

— В этом бою я не участвовала. В конце августа у нас был подрыв, я выезжала туда и очень сильно подвернула ногу. Дело дошло до операции, после которой я ходила на костылях. Но там был мой муж...

Когда я ковыляла на место сбора, мимо пробежал командир моей роты Александр Просвиркин. Я ему крикнула: “Товарищ капитан, я с вами!” Он ответил: “Ирин, в другой раз...”

Другого раза не было... Он погиб в том бою.

Наталья Тюракова:

— Выехали к поселку Дружба. Это рядом с нами. Там бурятский сводный отряд милиции попал в переделку и просил помощи. Наша санитарная машина выдвигалась последней — сзади было только прикрытие. Когда мы ехали — ничего не видели и не знали. А потом нам передают по рации — вы отрезаны. Все продвинулись вперед, а остались только наша машина и БМП.

Началась сильная стрельба. Мы из “санитарки” выка-

тились, как мячики, и укрылись в канаве. Загорелась соседняя машина. А мы не можем даже головы поднять, никуда не можем продвинуться. И тут по радиации узнаем, что в головной части колонны одна наша машина сгорела вместе с командиром и мальчишками.

У нас наступил шок. Словами не передать ощущения... Чувства страха не было. Было ощущение, что все внутри онемело...

Подъехал зампотех, помог нам выбраться, сказал, что у нас много раненых. И мы поехали вперед.

Когда попали на поле боя, первая мысль — здесь всё стреляет. Огонь велся отовсюду. Пулеметы, минометы работали. Кромешный ад какой-то был... Передвигаться было невозможно. Со всех сторон на тебя что-то летело.

Для нас стали создавать дымовую завесу, чтобы мы могли раненым помочь. Мы их перевязывали, подтаскивали к машине и ползли за следующими.

Алевтина Онучина:

— В бою женщине страшно. А что делать?! Таскали раненых, поднимали их, а они в брониках, тяжелые, закидывали в БТР. Сама тоже в бронике, в каске. А тут еще оружие болтается, мешается — а бросить его нельзя!

Помощь медицинскую оказали, и стала я ребятам помогать в бою, магазины для автоматов снаряжать. Они огонь сильный вели. А что там магазин выстрелить?! Минута и всё! Они кричат: "Давай быстрее!" Я уж так старалась...

Наталья Тюракова:

— Собрали первую партию раненых и повезли в батальон. Думали: вырвемся — не вырвемся? Повезло, вырвались... Привезли и стали отправлять их на вертушках в "Северный" — они садились и взлетали одна за другой. А раненых всё подвозили... Нам не разрешили вернуться обратно к месту боя — мы просто не смогли бы туда прорваться, в это огненное кольцо.

Ближе к вечеру наши стали возвращаться. Картина стоит перед глазами, как из какого-то кино — на небе свинцовые тучи, ребята идут пешком, вооруженные, грязные, с черными от копоти лицами. И тут нас прорвало. Мы с девчонками собрались вместе и сидели-ревели. Никак наплакаться не могли. А еще страшнее стало, когда всех раненых отправили, наступила темнота, а мы без света, безо всего... И тут на нас прямо горе навалилось.

Убитых стали подвозить, а мы их узнать не можем — просто какие-то головешки. Только одного мы идентифицировали — мальчишку из разведки — по его личному номеру. Остальных — нет...

Ирина Хакимова:

— В роте сгорело две машины — 10-я и 13-я. В 10-й сгорели капитан Просвикин и с ним восемь бойцов. А 13-я — это машина моего мужа. Когда они выходили из боя, их подбили. Механик-водитель и наводчик-оператор успели выскочить, а в отсеке еще находился раненый. Он погиб. Это был единственный солдатик, от которого ничего не осталось. Он лежал на ящике с гранатами, и они взорвались...

Из нашей роты тогда погибли десять человек... Всего в батальоне — двенадцать.

Наталья Тюракова:

— Тем же вечером мы поехали в засаду помогать нашим ребятам. В одном БТРе ехала я, во втором — фельдшер. Вот тогда было по-настоящему страшно. Страшно было даже из БТРа вылезать. А кроме страха было

чувство полной неизвестности. Не знали, чего ждать... И щемящее чувство боли... И только под утро, когда начало рассветать, страх стал потихоньку отступать. Смотрю, кругом все ребятки свои, родные, тебя никто не бросит, поддержат...

Потом мальчишки ходили по полю боя и подбирали останки погибших, те, что не смогли подобрать в пер-

вый день. Собирали в вещмешок. То кость какая-то, то еще что-то от наших мальчишек... Я все это видела. Это не было чувством ужаса. Это было какое-то другое чувство, которое просто не передать словами.

Когда мы вернулись в батальон, всех "двухсотых" уже отправили. А то, что мы насобирали на поле, похоронили в братской могиле.

Ирина Хакимова:

— По уставу не положено, но я прошу ребят называть меня просто Ириной. Мне хочется для них быть не какой-то абстрактной женщиной-военнослужащей, а старшей сестрой. Может, это красивые слова, но это действительно так... Я всегда говорила и говорю: "Для меня 1-я рота — это второй дом..." Ребята из моей роты очень многое для меня значат.

В тот вечер я сказала своим ребятам, которые вернулись из боя: "Пока я здесь, я сделаю всё, чтобы о тех, кто погибли, никто не забыл..."

Наталья Тюракова:

— Когда мы отправляли первых отслуживших ребят домой, прилетели большие вертушки — я даже тогда не знала, что их называют "коровами". Мальчишек провожаешь и понимаешь, что они — часть тебя. Они улетают в другую жизнь — и как будто уходит кусочек тебя. Они такие счастливые бегут к вертолету, машут нам — а у тебя сердце на части рвется. И слезы на глаза наворачиваются. Да какое там "наворачиваются" — стоим, ревом. Такого, наверное, уже больше никогда в жизни не будет... Комбат нам говорит: "Девчонки, что же вы плачете?! Они же домой улетают! Радоваться надо!" А нам до такой степени их жалко, как будто это наши дети от нас уходят...

Ирина Хакимова:

— Этим летом сын приезжал к нам сюда. Ему сейчас четырнадцать лет. Посмотрел, где и как мы служим. Понравилось. Не хотел уезжать, но 1 сентября приближалось. Уехал со спокойной душой, что у нас здесь всё нормально. Вчера ему звонила, говорит: "Мама, передавай привет всем, кто меня знает..."

Наталья Тюракова:

— Был у меня небольшой перерыв в службе — ушла в декретный отпуск. Я на войне встретила свою любовь. От любимого человека родила сына. 10 ноября ему будет два годика. Сын остался на родине у подруги, с которой мы дружим уже двадцать лет и которая роднее мне, чем родная сестра.

Алевтина Онучина:

— Контракт у меня заканчивается в августе следующего года. Но я планирую его еще продлить. У меня два сына учатся. Один — на пятом курсе университета, второй 11 классов закончил и тоже поступил дальше учиться. Надо же их учить!

Они, конечно, очень ждут меня. И очень за меня переживают. Отец у них на глазах умер. Они эту боль перетерпели... Боятся, чтобы со мной чего-нибудь не случилось. Я им говорю, не волнуйтесь, у меня все нормально будет.

**Подполковник
Николай КАЗАКОВ**

“РАВНИНА, Я — ГОРА. ПРОВЕРКА СВЯЗИ!”

— Михаил, срочно собирайся, едем на горку. Там снова проблемы, — сказал начальник связи 46-й ОБрОН рядовому контрактной службы Михаилу Савченко на построении.

Горкой связисты называют высшую точку Терского хребта. На ней установлены ретрансляторы, с помощью которых обеспечивается связь между частями Объединенной группировки войск, расположенными на территории Чеченской республики. Последствия поломки этой аппаратуры могут оказаться довольно серьезными, так что дорога каждая минута.

Михаил исполняет обязанности начальника мастерской на узле связи бригады. Собираясь, он взял кое-что из инструментов и несколько исправных блоков. По опыту знает: они чаще всего выходят из строя. Чтобы сократить время ремонта и простоя аппаратуры, когда находят неисправность, меняют полностью блок. Так было и на этот раз.

— Равнина, я — Гора. Проверка связи!

Связисты настраивали аппаратуру, а Михаил приготовился ремонтировать снятый блок и разложил свои нехитрые инструменты.

Пока нагревался паяльник, он с улыбкой вспомнил о своем знакомстве с радиоэлектроникой. Сейчас, конечно,

все смешно. Но для семилетнего мальчишки это была настоящая трагедия.

Тогда он с родителями жил в Ижевске, отец работал на “Ижмаше”. В начале 90-х годов на многих отечественных заводах рабочим частично вместо заработной платы выдавали что-то из выпускаемой продукции. Савченко-старший приносил домой кассетные магнитофоны. В Ижевске продать их было практически невозможно — на “Ижмаше” работала чуть ли не половина горожан. А так как жила семья не на широкую ногу, то денег, в принципе, хватало. Натуральную же часть “получки” аккуратно складывали на шкафу в стопку, которая с каждым месяцем увеличивалась.

В один из дней Мишка решил действовать. Он знал, что родителей до вечера дома не будет. Вооружившись отверткой и пассатижами, он достал несколько магнитофонов и принялся раскручивать их. Глаза разбежались от обилия разноцветных деталей, которые скрывались внутри. Мальчик их откусывал пассатижами и складывал в специально приготовленную коробочку. Но так и не поняв, что здесь к чему, он аккуратно упаковал выпотрошенные магнитофоны в коробки и вернул на место на шкаф.

Через несколько дней о его любо-

пытстве случайно узнали родители. Маме для чего-то понадобился магнитофон, хотя Миша полагал, что о них и думать давно забыли. Взяла она одну из тех коробок, в которые успел заглянуть сын.

Словом, в руке у нее осталась только ручка от магнитофона. Его корпус и все детали вывалились на пол. Родители проверили еще несколько коробок. Магнитофоны в них также оказались напрочь испорчены. Юного “радиолюбителя” ругали несколько дней. А потом еще долго иначе как вредителем не называли.

После этого мальчик уже мечтал собрать что-нибудь сам.

И собрал-таки на следующий год плеер. За основу взял старый поломанный, который давно валялся в кладовке. Установил в него две батарейки, принялся паять провода, соединял между собой, ничего не смыслив в их предназначении, различные платы и другие детали, которые сохранились от прошлогодней вылазки на шкаф. До

сих пор удивляется, но плеер тогда заработал, хотя и кое-как, но играл.

Потом Мишке подсказали, что по соседству живет пожилой мужчина, который многих ребят обучил радиоэлектронике. Он объяснил Савченко-младшему, как читать схемы, какие детали и для чего необходимы. И научил собирать радиотехнику.

Вскоре родители переехали в одну из станций вблизи Армавира. Оказалось, что и там жил такой же умелец, который взял мальчишку под свою опеку. После окончания школы Михаил полгода проработал в ставропольской телерадиокомпании телемастером...

От воспоминаний на душе стало очень спокойно. Словно дома побывал. Не торопясь, чтобы не растерять умиротворенность, Михаил начал проверять не исправный блок.

Так и есть. С этим придется повозиться. Но на горке нет условий для сложной работы.

— Товарищ подполковник, блок надо в мастерскую везти, здесь не справиться, — доложил рядовой начальнику связи...

“День сегодня какой-то особенный, мемуарный”, — удивился Михаил по дороге в бригаду, снова давая волю воспоминаниям...

Два с половиной года назад его вместе с такими же перепуганными новобранцами привезли в учебную часть внутренних войск. Савченко определили в группу подготовки снайперов. За полгода занятий он научился хорошо стрелять. И по всему выходило, служить Мишке при эсвэдэшке. Но...

— Снайперов мы и сами подготовим в случае чего, а вот на телемастеров в бригадных “университетах” не учат, — сказал командир одного из батальонов оперативного назначения 46-й ОВрОН, в который Савченко прибыл после учебки. — У нас тут через день радиостанции летят, а в мастерской связи ни одного специалиста толкового нет. Оформляйте его туда. Раз телевизионщик, значит, и со связью разберется.

Через полгода мастерскую вывели из состава батальона и перевели на узел связи бригады. Работы значительно прибавилось. Ведь неисправную аппаратуру сюда везли со всех батальонов. Многие удавалось восстанавливать своими силами, технику с серьезными поломками отправляли в Ростов-на-Дону.

Хотя после перехода на узел связи работы у Савченко стало невпроворот, он продолжал заниматься любимым делом — постоянно что-то мастерил. Сделал регулятор для паяльника, чтобы при длительной работе поддерживать на нем определенную температуру. Перегретый паяльник плохо брал олово.

А за одно новшество командование ему даже благодарность объявило. Дело в том, что от частых перепадов напряжения на подстанции, особенно зимой и весной, на узле связи бригады регулярно летели блоки питания на одном из главных передатчиков.

После очередного такого “вылета” он решил сделать стабилизатор, после установки которого капризная техника стала работать надежно, проблема перепада напряжения была решена.

В прошлом году рядовой Михаил Савченко перешел на службу по контракту. После ее окончания планирует вернуться домой, чтобы учиться и получить высшее техническое образование. А там, как знать, может, снова вернется служить в родную бригаду.

ФОКУСНИК ФОМИН В ФОКУСЕ ОБЪЕКТИВА

Многим нашим читателям известна фотография внештатного фотокорреспондента журнала “На боевом посту” Олега Смирнова. На бревне, прикрепленном к корме БМП, написано белой краской: “Пусть она не права, но это наша Родина!”

Тогда, в 1996-м, сделать надпись приказал своим бойцам подполковник Андрей Снатенков. В то время он командовал одним из батальонов 101-й бригады оперативного назначения внутренних войск. Управлял той боевой машиной сержант Вадим Фомин...

...Вадим Фомин злился от бездействия. Почти неделю он зависает со своим БМП в ремонтном батальоне, а машина до сих пор не отремонтирована — очередь никак не дойдет. Уже к себе в часть пора возвращаться.

Правда, за это время один рембатовский подполковник подсказал ему очень полезную вещь — как быстро отрегулировать топливный насос. Ведь то, что написано по этому поводу в руководстве по эксплуатации БМП, больше подходит для мирной жизни, когда есть достаточно времени и необходимое оборудование имеется. Подполковник же поделился опытом, который в Грозном летом 1996 года был на вес золота.

Но вот наконец ремонт завершен. Вечером Вадим подготовил машину, чтобы утром перегнать ее в свою часть, расположенную в одном из центральных микрорайонов чеченской столицы...

Но на следующий день, 6 августа 1996 года, в город просочились боевики...

Рембату в определенной степени повезло. Он располагался на окраине Грозного. Основные бои проходили в центре города.

И только когда обстановку удалось частично взять под контроль, Фомину разрешили вернуться в часть.

После позорного хасавюртовского договора пришел приказ о выводе с территории Чеченской республики российских войск.

22 декабря их батальон прибыл в один из поселков Ставропольского края, здесь был новый пункт постоянной дислокации. А через три дня комбат выдал Вадиму документы об увольнении — служба по призыву закончилась. Но уже 2 января 1997 года Фомин снова зашел в кабинет к комбату.

— Товарищ подполковник, прибыл контракт подписывать, как и обещал, — бодро отрапортовал Вадим.

Дело в том, что, выдавая документы, офицер предложил одному из лучших механиков-водителей батальона остаться служить по контракту. Но тот попросил несколько дней для отдыха и принятия решения. Позже комбат признался, что вообще не ожидал его увидеть. Полагал, что солдата, который прошел войну, на военную службу и калачом не заманишь.

Не учел офицер при этом одну вещь. Для Фомина притягательнее любого калача оказалась его БМП. Он в нее буквально влюбился.

Сам Вадим это чувствовал, но осознал в полной мере лишь через несколько лет, когда уже служил в 46-й отдельной бригаде оперативного назначения. Во время очередного отпуска он поймал себя на мысли, что ему скучно без его

бронированных “копеек” и “двушек”, а главное, заменить их ничем невозможно.

Тогда Вадим понял, что не будь этого чувства раньше, то и комбату он вряд ли бы обещал вернуться. Нашел бы массу отговорок, чтобы отказаться.

После подписания контракта Фомина назначили на должность старшего инструктора по вождению. Это значит, каждый день на технике. Если что-то выходило из строя, устранял, как правило, самостоятельно — не бегать же по каждому поводу в техчасть.

Скоро в одной из рот батальона освободилась должность заместителя командира роты по технике. Фомин подходил для нее как никто другой. Однако если ставить сержанта, хоть и контрактника, на офицерскую должность — начальство не поймет. Поэтому его направили учиться в школу прапорщиков. После ее окончания назначили зампотехом роты...

... В один из ноябрьских вечеров 1999 года подразделения 101-й бригады остановились на северном склоне Терского хребта. Военное командование стягивало силы для удара по боевикам, засевшим в Грозном. И надо же было такому случиться: в тот вечер именно в роте, где служил прапорщик Фомин, на одной из БМП загорелся двигатель.

— Зампотеха роты ко мне! — ревел командир бригады.

А что его искать? Он не отходил от обгоревшей машины. Другого приказа от комбрига, кроме как: “Утром машина должна ездить!”, Вадим даже представить себе не мог.

Работали впятером. Фомин, водитель машины технического обслуживания, он же крановщик, и экипаж БМП. Двигатель настолько обгорел, что даже некоторые металлические детали в нем оплавилась. Так что требовалось его заменить. Благо в батальонных загашниках оказался новый. Историей его появления никто не интересовался. Есть, и хорошо.

Если выполнять такую работу в парке, потребуется не меньше целого дня: снять старый движок, установить новый, а он вместе с коробкой передач ни много ни мало под тонну весит, потом еще все в нем отрегулировать.

Ну а что имелось на хребте? Свет от нескольких переносок, холод, слякоть такая, что ноги разъезжаются, да еще дождь моросил всю ночь... Очередной раз добрым словом вспомнил тогда Фомин подполковника из рембата.

Утром, когда машина самостоятельно заняла свое место в батальонной колонне, даже комбриг выглядел несколько удивленным. Никто не ожидал, что за одну ночь удастся выполнить такую работу.

Потом начались бои за Грозный. Здесь БМП Фомина снова “заметил” объектив фотографа. Так появился снимок несущейся на фоне разрушенных зданий машины с красным знаменем на башне.

Осенью 2000 года, когда полным ходом шло формирование 46-й отдельной бригады оперативного назначения, Фомин перевелся в новое соединение.

Сейчас старший прапорщик Вадим Фомин служит начальником мастерской бронетанковой техники одного из батальонов оперативного назначения. Но за помощью к нему обращаются и из других подразделений.

— Мужик он действительно достойный. Видели бы вы, какие он у нас фокусы может делать, — наперебой рассказывали мне техники в курилке парка. — Двигатель от БМП на земле собирает, потом запускает, проверяет его работу, регулирует и лишь после этого устанавливает в машину.

Но для Фомина это вовсе не фокусы, а любимая работа.

**Подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ**

рядовой Устиненкова Екатерина Анатольевна, 08.12.2000
 младший сержант Серкова Светлана Ивановна, 08.12.2000
 младший сержант Исаев Гаджи Магомедович, 08.12.2000
 младший сержант Вафин Рафик Гаязович, 08.12.2000
 старший сержант Мухамадиев Ружалис Рашидович, 07.11.2000
 рядовой Баринов Василий Николаевич, 10.08.2001
 рядовой Филиппов Илья Михайлович, 17.09.2001
 рядовой Калинин Андрей Алексеевич, 04.10.2001
 рядовой Винокуров Вячеслав Иванович, 04.11.2001
 прапорщик Булатов Ильдар Ишмурзович, 18.05.2001
 рядовой Грешнов Андрей Евгеньевич, 22.01.2001
 прапорщик Беляев Александр Геннадьевич, 14.08.2001
 младший сержант Сергеев Александр Александрович, 19.02.2001
 прапорщик Ходырев Александр Алексеевич, 22.06.2001
 рядовой Файзерахманов Салават Габделсаматович, 23.06.2001
 рядовой Батишев Омар Салаватович, 17.09.2001
 рядовой Осипов Алексей Юрьевич, 17.09.2001
 рядовой Жуков Сергей Николаевич, 17.09.2001
 старший сержант Штоц Юрий Витальевич, 17.09.2001
 рядовой Арсентьев Николай Фёдорович, 17.09.2001
 рядовой Зибулаев Иса Пашаевич, 17.09.2001
 рядовой Буслов Роман Васильевич, 17.09.2001
 рядовой Гаврилов Денис Николаевич, 17.09.2001
 ефрейтор Данилов Вячеслав Валерьевич, 17.09.2001
 рядовой Загайнов Андрей Васильевич, 17.09.2001
 рядовой Иванов Михаил Владимирович, 17.09.2001
 капитан Просвиркин Александр Алексеевич, 17.09.2001
 рядовой Усатенко Андрей Юрьевич, 17.10.2001
 ефрейтор Кашин Артём Николаевич, 22.08.2001
 лейтенант Билинский Дмитрий Владимирович, 04.04.2001
 рядовой Белинский Денис Евгеньевич, 04.04.2001

рядовой Зеленов Дмитрий Игоревич, 11.04.2001
 ефрейтор Рычков Пётр Васильевич, 22.08.2001
 рядовой Петров Олег Владимирович, 22.08.2001
 ефрейтор Кондратьев Николай Владимирович, 22.08.2001
 ефрейтор Югов Сергей Александрович, 22.08.2001
 сержант Казук Александр Иванович, 22.08.2001
 ефрейтор Мартинович Александр Николаевич, 17.09.2001
 рядовой Дорофеев Андрей Николаевич, 17.09.2001
 рядовой Мороз Андрей Николаевич, 08.05.2001
 рядовой Саликаев Александр Владимирович, 08.05.2001
 лейтенант Фараянц Роберт Николаевич, 14.11.2001
 сержант Селин Александр Юрьевич, 10.12.2001
 капитан Булавин Андрей Юрьевич, 30.12.2001
 старший лейтенант Толкачев Дмитрий Николаевич, 30.12.2001
 сержант Шмелев Александр Владимирович, 31.12.2001
 рядовой Андреев Алексей Германович, 31.12.2001
 младший сержант Матыко Андрей Николаевич, 07.01.2002
 младший сержант Полтавченко Иван Иванович, 07.01.2002
 рядовой Абдулаев Расул Абдуллаевич, 18.03.2002
 рядовой Осадчий Евгений Геннадьевич, 25.03.2002
 сержант Гаврилов Александр Александрович, 31.03.2002
 старший лейтенант Могилин Николай Николаевич, 04.04.2002
 рядовой Чалаков Борис Владимирович, 18.05.2002
 рядовой Воробьев Алексей Васильевич, 07.06.2002
 ефрейтор Любимов Виктор Владимирович, 02.08.2002
 рядовой Шкаев Валерий Валерьевич, 10.08.2002
 ефрейтор Попов Петр Геннадьевич, 15.08.2002
 рядовой Фесенко Артем Борисович, 20.08.2002
 рядовой Ситников Сергей Сергеевич, 28.08.2002
 рядовой Смоляков Николай Николаевич, 28.08.2002
 рядовой Толобаев Роман Александрович, 01.10.2002
 рядовой Сергеев Евгений Владимирович, 01.10.2002

“МЫ ВСПОМНИМ ТЕХ, КТО НЕ ДОЖИЛ, КТО НЕ ДОПЕЛ, НЕ ДОЛЮБИЛ...”

ефрейтор Хамматов Руслан Рамильевич, 07.10.2002
ефрейтор Родионов Кирилл Александрович, 07.10.2002
младший сержант Шатер Константин Владимирович,
07.10.2002
сержант Махалев Александр Сергеевич, 07.10.2002
рядовой Чернов Павел Викторович, 07.10.2002
младший сержант Дергунов Олег Петрович, 23.10.2002
младший сержант Коростелёв Александр Сергеевич, 29.10.2002
старший лейтенант Суровнев Сергей Александрович, 23.11.2002
рядовой Костюченко Роман Андреевич, 24.12.2002
прапорщик Агарин Сергей Викторович, 13.01.2003
рядовой Бондаренко Александр Александрович, 14.01.2003
капитан Миронов Алексей Владиславович, 15.01.2003
рядовой Крайнов Иван Андреевич, 15.01.2003
рядовой Скубенко Алексей Сергеевич, 02.02.2003
майор Качан Геннадий Григорьевич, 15.02.2003
полковник Мезенцев Владимир Владимирович, 16.02.2003
младший сержант Степанов Константин Валерьевич,
14.05.2003
рядовой Абзалов Максим Рифкатович, 20.05.2003
старший лейтенант Велюра Василий Владимирович, 26.05.2003

младший сержант Корепанов Денис Юрьевич, 30.05.2003
капитан Григорьев Денис Викторович, 14.07.2003
прапорщик Лут Борис Иванович, 14.07.2003
рядовой Совкун Владимир Григорьевич, 31.07.2003
младший сержант Гетаев Александр Гаджиевич, 13.08.2003
сержант Конев Константин Анатольевич, 13.08.2003
сержант Жищенко Алексей Игоревич, 20.08.2003
рядовой Уклеин Виктор Васильевич, 30.12.2003
старший сержант Гамильянов Альберт Азатович, 22.06.2004
сержант Колпинец Андрей Владимирович, 18.04.2004
рядовой Консов Серик Амангельдыевич, 17.05.2004
рядовой Ишмаев Константин Викторович, 17.05.2004
сержант Сидоров Павел Андреевич, 17.05.2004
старший лейтенант Ковригин Сергей Анатольевич, 17.05.2004
младший сержант Тучковский Василий Васильевич, 17.05.2004
младший сержант Шитик Виктор Владимирович, 17.05.2004
рядовой Нисапов Ридаль Раифович, 17.05.2004
рядовой Дуров Григорий Александрович, 17.05.2004
младший сержант Фатыхов Раушан Альбертович, 5.07.2004
рядовой Дудников Алексей Николаевич, 28.06.2004

НЕ ВСЁ МОЛОДО — ЗЕЛЕНО

— На месте! Стой! Напра-во! Товарищи офицеры, на сегодня занятия закончены. До ужина по расписанию сборов у вас личное время.— Поджарый молодой майор, руководитель сбора, выдержав паузу, бросил взгляд на часы и наконец раскатило подал команду: — Р-р-разойдись!

Строй моментально рассыпался. Кто-то сразу направился в казарму смыть пыль и пот жаркого и трудного дня. Большинство же — в курилку. Куда уж в армии без перекура? Святое дело! Доставай, брат, сигаретку.

Сейчас как раз самое удобное время для журналиста, даже человека некурящего, расспросить в непринужденной обстановке о житье-бытье, впечатлениях и трудностях первых месяцев офицерской службы, условиях размещения и быта.

Да и вообще, как служится вам, лейтенанты?

Близнецы

— Лейтенант Золотов Максим Сергеевич.

— Лейтенант Золотов Сергей Сергеевич.

— ???

— Близнецы, — поясняет один из офицеров, улыбаясь открыто, располагаясь.

— Использовали ли вы свое поразительное сходство в жизни? — не смог удержаться от вопроса.

— Один раз, — смущается Максим, — когда на вступительных экзаменах в институт сдавал за брата математику.

Братья Золотовы окончили Новосибирский военный институт ВВ МВД России. Как и большинство нынешних российских офицеров, они выходцы из простой рабочей семьи: большой, крепкой, дружной. Один за всех и все за одного! Так и росли с детства вместе, не разлей вода: оба невысокие, шустрые, выносливые и настырные: и в труде, и в беде, и в учебе. Да только так бы и стали братья скорее всего неплохими токарями-станочниками, как и их отец Сергей Иванович Золотов, токарь 6-го разряда, если бы не родной дядька. Отслужив срочную во внутренних войсках, окончил затем Новосибирскую высшую школу милиции. Неплохо, видать, шла у него служба, если он, будучи всего на пять лет старше племянников, успел дослужиться до майора. Дядя-то и посоветовал братьям, витязями стоявшим тогда на распутье: "Идите, парни, в военное училище. Мужест-

Лейтенанты 46-й

Крамшевские: отец и сын

Максим и Сергей Золотовы

венная, благородная профессия. Опять-таки на государственном обеспечении...". Для близнецов, по большому счету, его слова оказались решающими. В мыслях они не раз представляли себя то благородными "господами офицерами", героями песен Шуфутинского, то неразлучными друзьями-краскомами из кинофильма "Офицеры". Стало быть, по-прежнему, как и раньше, есть для мальчишек такая профессия — Родину защищать!

Золотовы знали, что курсантские золотые денечки рано или поздно закончатся. Придет время выпуска, когда вручат им лейтенантские погоны, а вместе с этим наступит и ответственность за жизни солдат. Знали, а потому относились к учебе серьезно. Попали, наверняка не случайно, в одну роту оперативного батальона, дислоцированного в станице Наурская. Два загорелых, подтянутых, похожих как две капли воды друг на друга офицера, в новехоньком камуфляже с двумя маленькими звездочками на погонах были представлены роте на следующий же день по прибытии в часть. "Прошу любить и жаловать", — завершил сакраментальной фразой традиционное представление офицеров перед строем роты комбат.

— И пошла служба, — делятся впечатлениями братья, — без особых потрясений, как мы ее себе и представляли. Помогали и ротный, и офицеры управления, а больше всех — сержанты. Они люди опытные, боевые, авторитетные. Рассказали нам о коллективе, традициях, специфике подразделения и особенностях каждого солдата в отдельности, обещали помощь и поддержку. Ну а мы старались все усвоить, запомнить. Что надо, конспектировали. Проводили в роте практически все время, от подъема до отбоя: присматривались, приглядывались.

Приходилось братьям брать бразды правления и в свои руки, вырабатывать командирский голос.

— Вернемся со сбора, начнется настоящая служба, — подытоживает Максим, — тогда и проверим себя по-настоящему. Верно, брат?..

Деньги — не главное

— Младший лейтенант Исмаилов Ибрагим Энвер-пашиевич, — с достоинством представляется смуглый, с короткой стрижкой офицер, внимательно глядя на журналиста глазами, безошибочно выдающими в нем уроженца седого Кавказа. — Срочную служил в батальоне связи здесь же, в бригаде, закончил ее старшиной роты в 2003 году. Служба нравилась, предлагали остаться, но больше хотелось домой. Уволился. Поехал на родину, в Дагестан, думал: женюсь, устроюсь на работу, жизнь пойдет. Э-э-э! Женился, а работы нет. Что делать? Хотел устроиться в милицию, да для этого много денег надо. Вернулся в родную бригаду. Окончил экстерном Северо-Кавказский военный институт. Назначен командиром автомобильного взвода в шелковской оперативный батальон. Служить — дело знакомое и привычное. Никаких проблем у меня не возникает. И по возрасту, и по сроку службы я старше и опытнее многих своих подчиненных. Этим все сказано. Кто из них какой национальности, для меня значения не имеет. Оцениваю людей по их отношению к службе. Если земляк служит хорошо, то вдвойне приятно, а если он разгильдяй, то и позор уже тройной. Сначала ему, потом его родителям, ну а затем уже и мне. Условия жизни и службы в бригаде меня лично устраивают. Как женатому человеку обещают коттедж или комнату в общежитии. Получу — привезу жену. Денежное довольствие меня тоже вполне удовлетворяет (примерно 22 тысячи рублей. — Авт.), хотя деньги — это не глав-

ное. Главное — стабильность и уверенность в завтрашнем дне. А они в бригаде есть!

Засучить рукава — и к технике

— Лейтенант Наймушин Антон Васильевич, — представляется невысокий чубатый блондин, затягиваясь сигаретой. — Родом из Пермской области. Закончил Пермский военный институт ВВ МВД. Назначен командиром ремонтного взвода в наурский батальон. Во время учебы меня не особо волновало, куда попаду. Было все равно. Ближе к выпуску стал задумываться, спрашивать совета у опытных офицеров, преподавателей. Так появилось желание попасть служить в 46-ю. Бригада боевая. По многим показателям — лучшая. Перспектив для дальнейшего служебного роста больше. Конечно, сейчас понимаю, что кое-что мне в институте нужно было бы лучше учить. Например, уставы или тактику ВВ. Здесь надеюсь наверстать упущенное. В целом же, конечно, впечатления от бригады у меня положительные. Ожидая, если честно, худшего. Встретили по-человечески, разместили. Получил все денежное довольствие в полном объеме, включая подъемные, никогда таких денег в руках не держал. Хочу часть родителям отправить, пусть за сына порадуются. В роте тоже нормально, считаю, становление прошло. Многие подчиненные старше меня: контрактники — взрослые мужчины, но восприняли доброжелательно. Главное, как сказал наш зампотех батальона, опытный офицер, не зарываться, не строить из себя “белую кость”, а засучить рукава — и к технике. Только так постепенно придет и авторитет, и опыт, а я грязной работы не боюсь, технику люблю.

Династия

Он ничем не выделялся среди других. Я обратил на него внимание лишь после того, как о его отце рассказал руководителю сбора майор Сергей Подвозов:

— Авторитетнейший в бри-

гаде человек. Методист и практик одновременно, каких поискать. Должность ответственная: начальник оперативного отделения бригады. Умница! В общем, настоящий офицер. Да и сына воспитал себе под стать. Сами убедитесь.

— Лейтенант Крамышевский Сергей Александрович, — представился офицер, присаживаясь рядом. Серые глаза на свежем юношеском лице, серьезный, сосредоточенный взгляд. — Окончил Волгоградский государственный педагогический университет. Назначен командиром взвода в оперативный батальон, дислоцированный в Червленой. В бригаду шел служить с большим желанием. То, что буду офицером, знал с детства. Еще в садике, помню, на вопрос: “Где твой папа?” — отвечал стандартно: “Мой папа находится в командировке, защищает Родину!”. Отца в тот период мы действительно редко видели дома: Афганистан, Карабах, Осетия, потом Чечня. Авторитет отца был для меня с детских лет непререкаем. В этом, конечно же, большая заслуга моей мамы, она хранила домашний очаг, окружала всех любовью и заботой, воспитывала нас с сестрой. Самой страшной ее угрозой было: “Вот расскажу папе”, а лучшей похвалой: “Прямо как отец!”. Буквально во всем я старался походить на него. Любил вертеться перед зеркалом в отцовской фуражке и сапогах, а вместо портфеля таскал в школу старую полевую сумку отца. Когда я учился в 6-м классе, мы переехали в Калач-на-Дону. Шестиэтажка, переоборудованная из бывшей казармы, где жили офицерские семьи, плац прямо под окном, школа, попасть в которую можно было, только пройдя через весь

городок. Надо ли говорить, что моими товарищами тех лет были дети сослуживцев отца и его подчиненные солдаты. Все разговоры так или иначе сводились к службе: командировки, стрельбы, тревоги, смотры, учения, итоговые проверки — все происходило на наших глазах. С этого времени я, наверное, по-настоящему и заболел армией. В связи с очередным переездом к новому месту службы отца я не успел подать документы в военный институт, пришлось идти в армию обходным путем, через пединститут, впрочем, я об этом не жалею. С нетерпением жду окончания сбора, чтобы начать уже свою офицерскую биографию...

* * *

Вот такие они, лейтенанты 46-й образца 2005 года. С разными судьбами, планами и багажом жизненного опыта. И пути-дороги, приведшие их в бригаду, у всех тоже разные. У кого-то из “молодых” лейтенантов уже посеребрились виски, некоторые успели обзавестись семьями, а грудь иных украшают государственные награды. Не все молодую — зелено! В любом случае все они — будущее бригады. Хорошее будущее. Надежное во многих отношениях.

Быстро летит время, закончен перекур, и объявлено построение. Не первое и теперь уж точно не последнее в их нелегкой офицерской карьере. И вот снова они в едином строю, плечом к плечу.

— Смир-р-но! Равнение на пр-р-ра-во!
В добрый путь, лейтенанты!

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

ДАЖЕ СТОЯ ПО КОЛЕНУ В ГРЯЗИ, ОНИ НЕ УДАРИЛИ В ГРЯЗЬ ЛИЦОМ

Хорошо одетый и сытно накормленный солдат имеет больше уважения к себе. Кроме того, он предстает более грозным в глазах неприятеля, так как образцовый внешний вид уже сам по себе представляет немалую силу.

Маршал Жозеф Жубер

Капитальные кирпичные здания штабов, солдатских казарм и столовых. Собственные бани и котельные. Общежития и семейные коттеджи со стенами, увитыми декоративной зеленью. Пестрящие яркими цветами клумбы и изумрудные газоны, радующие глаз любого проверяющего аккуратно подстриженной травой. Забетонированные дорожки военных городков. И стройплощадки, на которых весь световой день кипит работа.

Инфраструктура, созданная и продолжающая создаваться ударными темпами в каждой из частей 46-й отдельной бригады оперативного назначения, поражает воображение любого, кто видит ее впервые. И уже с трудом верится, что все это великолепие начиналось с палаток, обогреваемых печками-буржуйками...

— Страшно вспомнить, но так оно и было! — Начиная рассказ, заместитель по тылу командира батальона, расположенного на окраине станции Шелковской, подполковник Сергей Ляшов покачал головой, словно отгоняя от себя кошмарные воспоминания пятилетней давности. — Осень, грязь, слякоть. Первый пункт хозяйственного довольствия части представлял собой шесть палаток и сколоченный из листов шифера сарайчик, где разместилось несколько полевых кухонь.

Батальон с первых дней своего существования приступил к выполнению боевых задач. А это значит, что людей, возвращавшихся в пункт постоянной дислокации уставшими, продрогшими и голодными, надо было кормить горячей пищей, мыть, обстирывать. Никто не давал поблажек и послаблений специалистам тыла, не делал скидок на бытовую неустроенность. Но даже стоя по колено в грязи, мы никогда не ударяли в грязь лицом!

Начали с возведения палаточного городка. Все тогда под брезентом располагалось: и ротные канцелярии, и склады, и столовые, и комнаты для хранения оружия, и бани. Газ подвели, настили на пол изготовили, стены ДВП облагородили. Ну а потом постепенно приступили к реализации плана капитального строительства.

Сейчас он в батальоне выполнен уже более чем на шестьдесят процентов. Казармы стоят, общежития для контрактников растут как грибы

после дождя. Два двухэтажных здания практически завершены, к моменту празднования юбилея бригады постараемся заселить в них людей. Еще для таких же зданий готовы котлованы, закончен нулевой цикл, начинаем возводить стены. Параллельно идет строительство общежития для офицеров и прапорщиков на девяносто пять мест. Это в дополнение к тому, что сорокапятиместное сдали в эксплуатацию в конце сентября. А семьи у нас давно уже живут в отдельных домиках! Так что с жильем в ближайшее время вопрос будет полностью решен.

Что касается прочих объектов тыла, то и здесь нам есть чем гордиться. Даже на Большой земле не в каждой воинской части такое увидишь. Капитальное

овощехранилище, например, не так давно запустили. Освещение, отопление, вентиляция — все подведено, все работает. Урожай этого года будем уже в него закладывать.

Своим подсобным хозяйством обзавелись. Почва здесь, конечно, тяжеловатая, суглинистая, удобрений требует. Но у хороших специалистов, при должном уходе и она неплохой урожай дает. Теплицы построены, свет и газ подведены, температуру можно регулировать, сколько какой культуре требуется. Выращиваем практически все: баклажаны, перец, помидоры, кукурузу, огурчики, лук, петрушку, укроп, салат. На солдатском столе они круглый год не переводятся, идут как дополнение к основному рациону.

Вещевым имуществом все категории военнослужащих у нас обеспечены по нормам положенности. Десятипроцентный запас обмундирования создан, как того требуют руководящие документы. Солдат, которые срочную отслужили и на контракт здесь же остались, сейчас дополнительно обеспечиваем всем необходимым, уже исходя из их нового статуса. Люди и одеты, и обуты, как положено. Не стыдно ни начальству, ни местным жителям на глаза показаться. Мебель новую современную получили и завезли и в кабинеты, и в жилые помещения, и в столовые. Развиваемся, одним словом, не упускаем ни одного из направлений.

Говоря обо всех наших достижениях и успехах, невозможно не упомянуть о специалистах служб тыла. Их труд чаще всего незаметен в повседневной жизни. Но сколько физических и душевных сил ими вложено, чтобы вся эта машина, называемая тылом батальона, действовала без перебоев!

Благодаря кому в солдатской столовой всегда чисто, тепло, светло и уютно? Благодаря ее начальнику прапорщику Ивану Передерию, чье трудолюбие и ответственность за порученное дело часто ставят в пример остальным.

Кто способен так приготовить блюдо, что, как говорится, пальчики оближешь и язык проглотишь? Причем не только на современном оборудовании, что стоит в варочном зале наших столовых, но и в полевых кухнях, когда подразделения выезжают на спецмероприятия и для выполнения задач в составе штурмовых отрядов? Сержант Любовь Морозова, рядовые Радиля Раенко, Александр Куций, Владимир Анисимов и Александр Марченко.

Кто обеспечивает бесперебойную работу батальонной котельной? Прапорщик Александр Попов и сержант Рашид Мусаев. А без рядового Олега Докукина вообще не представляю, как бы мы справлялись. Все электрохозяйство во-

инской части на нем, второго такого высококлассного специалиста во всей бригаде с трудом отыскать можно.

А ротные старшины, эти мини-зампотылу командиров своих подразделений!? Прапорщики Андрей Овчинников, Сергей Демченко, Камбулат Камбулатов, Петр Бердников. Какого вопроса ни коснись — все у них есть, все в исправном состоянии: от пулемета в оружейной комнате до утюга в бытовке — все учтено, все по полочкам разложено, во всем порядок.

Многих, очень многих еще можно упомянуть из тех, кто не покладая рук все эти годы трудился над решением задач жизнеобеспечения и по сей день продолжает с упорством муравья делать свою работу, конечная цель которой, по большому счету, состоит в создании хорошего настроения и душевного комфорта у солдат и офицеров и нашего батальона, и бригады в целом. А от этого напрямую зависит и качество выполнения боевых задач. Думающих по-другому здесь уже не осталось...

**Записал полковник
Игорь СОФРОНОВ**

ЭТО — НАШ БАТАЛЬОН!

— Говорю это безо всякого преувеличения. Если хотите, можете спросить у людей. Они подтвердят и поддержат меня. — Мой собеседник ронял фразы негромко, но с такой твердостью в голосе и уверенностью в своей правоте, что возражать или оспаривать его слова не было ни малейшей возможности.

Да и желания, честно говоря, тоже. И не потому, что они ласкали слух и вызывали чувство гордости за солдат и офицеров внутренних войск, о которых шла речь, нет. С первых же минут нашего общения стало ясно, что этот человек говорит не то, что ему “положено по должности” при встрече со столичным журналистом. Слова шли от сердца.

Первый заместитель главы администрации Наурского района Чеченской республики Седид Саидович Аюбов — руководитель с солидным стажем. В районе с 1967 года, был председателем райисполкома, секретарем райкома компартии.

— Много чего пришлось пережить за это время. Были периоды открытого хаоса, полного безвластия и бандитского произвола. Лишь с приходом в район батальона 46-й бригады внутренних войск в ноябре 2000 года обстановка начала стабилизироваться. И у нас, районных властей, появилась возможность заниматься восстановлением хозяйства и возрождением мирной жизни. Да, в районе есть милиция, есть комендантура, работают органы ФСБ. Все они трудятся в тесном взаимодействии друг с другом. Но главная сила, главная наша опора и гарант стабильности — это батальон внутренних войск.

Про их боевые дела я вам рассказывать не стану, вы это лучше меня знаете. А вот про то, что батальон делает для района, почему его здесь своим считают, расскажу с удовольствием.

Началось с того, что наша администрация помогла командованию оперативно решить вопросы по землеотводу под капитальное строительство. Без этого, сами понимаете, ни одна строительная организация ни один котлован рыть не начнет, ни один камень не положит.

Когда началась стройка, мы договорились с командованием, что трудиться там будут только жители нашего района, за которых мы, в свою очередь, поручились. Это был очень важный момент. С одной стороны, мы обеспечили рабочие места для кормильцев более чем шестидесяти се-

мей. А с другой — люди, видя, что войска капитально обустроиваются, начали осознавать, что сюда они пришли надолго, навсегда. Поверили, что теперь у местной власти появилась реальная сила, а у них — постоянная защита. Понимаете, как это важно?

Ну а потом пошла жизнь со всеми ее повседневными заботами, большими и малыми. Батальон участвовал в обеспечении всех важных политических мероприятий на территории района: охранял избирательные участки, сопровождал различные делегации, выделял солдат для охраны школ в начале учебного года.

А какой праздник командование части помогло нам организовать для ветеранов войны 9 мая в этом году! Если считать вместе с труженниками тыла, у нас в районе их не наберется и шести десятков. Некоторые и ходить-то уже не в состоянии. Но благодаря помощи нашей части представители администрации смогли доехать буквально до каждого. Кого-то поздравили на месте. А тех, кому позволило здоровье, привезли в батальон, организовали экскурсию, показ боевой техники, вручение подарков, солдаты прошли перед ветеранами торжественным маршем. Видели бы вы глаза стариков в тот момент!

А еще батальон своими силами отремонтировал памятники солдатам, что полегли в этих местах во время Великой Отечественной войны. Кровавопролитные бои шли здесь и в сорок первом, и в сорок втором годах. Сейчас мало кто знает, что территория Наурского района — самый дальний южный рубеж, которого смогли достичь фашисты. Здесь их остановили, отсюда погнали назад. Но сколько лет в запустении те памятники стояли, пока за дело не взялся батальон внутренних войск! Об этом тоже разговоры по всей округе шли. Люди же

все узнают, все замечают. Авторитет батальона после этого в их глазах еще больше поднялся.

Но это, так сказать, громкие дела, заметные всем и каждому. Мнение-то в основном складывается из мелочей. Хотя что считать мелочью? Вот, например, до прихода батальона в Наурской стояли воинские части. Недолго стояли, но успели после себя оставить несколько свалок мусора. А командование батальона внутренних войск начало с того, что по просьбе администрации выделило людей и технику для ликвидации этих свалок. Кто-то скажет: мелочь. А я скажу: государственный подход.

Или другой пример. Лес у нас тут в большом дефиците. Не поверите, было время, когда даже гробы умершим старикам не из чего было сделать. А батальон как раз получил бревна для распила на дрова. Мы посмотрели: кое-что можно пустить в дело, на строительство или ремонт домов. Подошли к командиру, попросили. Отказа не было. Кто-то опять скажет: мелочь? А я скажу: добрые дела, которые в памяти у людей откладываются. И потом возвращаются сторицей...

Позволю здесь небольшое отступление, чтобы читателю стало понятно, как отдаются сторицей подобные "мелочи". В декабре 2003 года колонна батальона попала под обстрел боевиков. Один солдат погиб, трое получили тяжелейшие ранения. Их доставили в районную больницу. Дальнейшая эвакуация была невозможна: по воздуху — из-за погодных условий, автотранспортом — из-за критического состояния ребят, буквально балансировавших между жизнью и смертью.

Двое суток местный хирург-чеченец провел в реанимационной палате, ни на минуту не отходя от бойцов. Двое суток из кабинета командира батальона не выходили руководители районной администрации, райотдела милиции и делегаты от

местных жителей. Двое суток машины наурчан на бешеной скорости уносились в Ставропольский край, Осетию и немедленно возвращались обратно с необходимыми медицинскими препаратами. Двое суток люди выстраивались в очередь, готовые сдавать кровь наравне с сослуживцами раненых. Вопрос у всех был один: что еще нужно сделать для спасения солдатских жизней?

Ребят тогда вырвали из лап смерти, отстояли всем миром...

Седид Саидович меж тем продолжал:

— Много, очень много можно приводить примеров, когда нас выручал наш батальон. Помогал как предпринятиям, школам, так и конкретным людям. Технику надо выделить, автокраны — пожалуйста. С ремонтом, скажем, глубинных насосов или двигателей нужно помочь — всегда их специалисты готовы расстараться. И все это, заметьте, не за деньги. Денег сейчас просто у людей нет. Да и у администрации района их немного. Делается все это из доброго отношения.

И мы стараемся платить тем же. Обратился командир части к директору госхоза: саженцы нужны. Тот не только выделил сколько нужно, но и сам проследил, чтобы правильно посадили, привили, рассказал, как ухаживать за деревьями. Теперь в батальоне есть свой фруктовый сад.

Руководство района часто бывает в нашей части. И никогда не упускаем возможности встретиться с солдатами, офицерами, поговорить с ними, еще и еще раз сказать: батальон здесь необходим, он нужен и властям, и простым людям, значение тех задач, которые он тут решает, трудно переоценить. Говорим это не по договоренности с командованием. А от чистого сердца, не кривя душой. Надеюсь, что ни у одного военнослужащего нашего батальона никогда не возникнет вопросов: а зачем он здесь и нужна ли нам его служба?

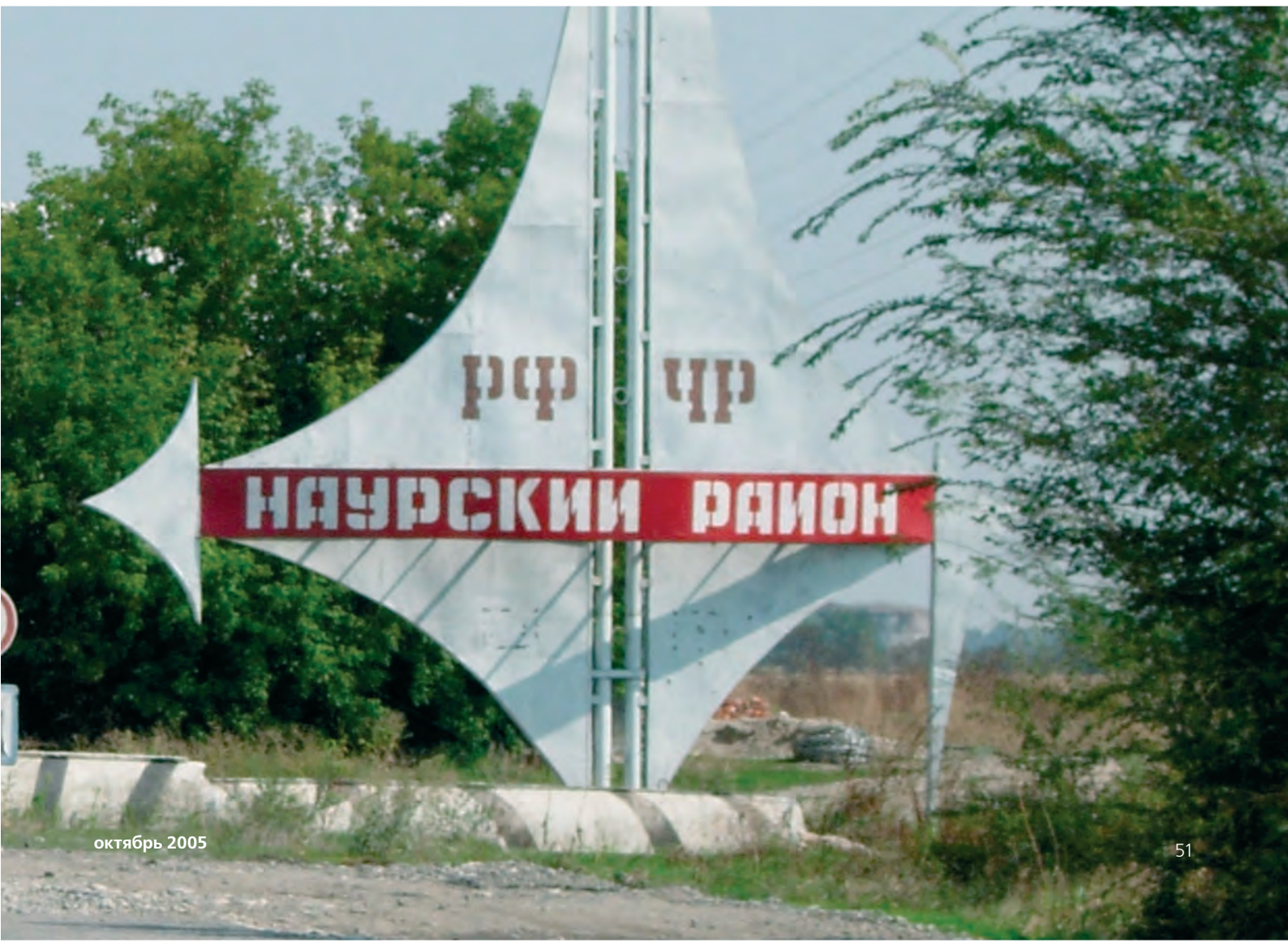
Скоро у наурского батальона и у всей бригады внутренних войск праздник. В связи с этим хотелось бы, во-первых, выразить командованию части глубочайшую благодарность за все то, что делают воины и еще будут делать на благо нашей земли. Во-вторых, пожелать успехов в решении тех далеко не простых задач, что выпали здесь на их долю. И в-третьих, когда настанет время, всем вернуться живыми и здоровыми к своим родным. Все это я говорю совершенно искренне...

В искренности слов и пожеланий моего собеседника я и не думал сомневаться. И все же на следующий день, общаясь с руководителем одного из промышленных предприятий Наурского района, не преминул поинтересоваться: действительно ли к военнослужащим внутренних войск здесь такое уважительное отношение, как мне рассказывали накануне?

— Аюбов — один из самых уважаемых людей в районе, он кривить душой ни перед кем не станет, — был ответ. — Все, что тебе сказал, чистая правда. Конечно, отношение к войскам поначалу было настороженным. И знаешь когда у людей начался поворот в сознании? Когда ваша техника стала ездить, соблюдая правила дорожного движения: не вылетать на встречную полосу, не подрезать грузовики и легковушки, притормаживать на перекрестках, пропуская рейсовые автобусы. Не знаю, как в других районах, а у нас теперь так...

Конечно, до полного мира и благоденствия в Чечне еще далеко. Но хочется надеяться, что придет время, когда и в других районах республики, так же как в Наурском, люди станут говорить о воинских частях: это — наши батальоны! Это — наши войска!

**Полковник
Игорь СОФРОНОВ**

Губернатор Московской области
Герой Советского Союза Борис Громов:

ШЕФСКАЯ ПОМОЩЬ ВОЮЮЩЕЙ БРИГАДЕ — НАШ СВЯТОЙ ДОЛГ

В канун 5-летия со дня ввода в службу 46-й отдельной бригады оперативного назначения корреспондент нашего журнала встретился с губернатором Московской области Героем Советского Союза Борисом Громовым, который рассказал о шефской работе, проводимой в соединении правительством Подмосквья и администрациями районов области.

— Борис Всеволодович, Московская область уже несколько лет подряд оказывает шефскую помощь воинским частям, дислоцированным в Чеченской республике, в том числе 46-й бригаде. Из Подмоскovie доставляют сюда снаряжение, обмундирование, средства связи, даже строительную технику, организуют концерты. Расскажите, пожалуйста, о том, как зарождалось сотрудничество правительства области с Главным командованием войск, командованием соединения.

— Я считаю, что такая шефская помощь, именно шефская (гуманитарная помощь — гораздо более узкое понятие)

— это возрождение русских традиций. Вспомните: раньше города брали под свою опеку заставы и помогали всем миром русскому солдату. И сегодня мы едем к воинам, которые охраняют Россию, наших детей, наш сон.

Здесь проходит передний край борьбы с международным терроризмом. Тут каждый день гремят выстрелы, рвутся мины и фугасы. И вся эта смерть нацелена на наших мальчишек, отстаивающих территориальную целостность России. Помочь воинам в этой борьбе, поддержать их — наш священный долг.

К слову сказать, в правительстве Московской области, в администрациях районов немало ветеранов Вооруженных

сил, внутренних войск. За годы своей службы они не раз выполняли боевые задачи в Афганистане, других горячих точках и не понаслышке знают, что значит для воюющей группировки помощь и поддержка с Большой земли.

Так и родилась идея оказания помощи воюющим частям. А когда мы узнали о формировании в 2000 году на территории Чечни бригады внутренних войск, подписали договор с Главным командованием внутренних войск о шефстве Подмоскovie над соединением. К программе шефской помощи подключились все районы Подмоскovie и Всероссийское общественное движение ветеранов локальных войн и вооруженных конфликтов "Боевое братство". Первый наш визит в бригаду состоялся уже в том же году.

За пять лет "десанты" муниципальных образований Московской области посещали ее около 20 раз. Они привезли военнослужащим более 600 тонн различных гуманитарных грузов общей стоимостью почти 400 млн. рублей.

— Какие направления шефской работы для вас являются приоритетными? Кроме оказания материальной и гуманитарной помощи, проводите ли вы акции с участием деятелей российской культуры и искусства? Ведь, как говорится, не хлебом единым жив человек.

— Наши выезды в подшефное соединение называют по-разному: гуманитарные десанты, шефские караваны... Но суть их одна: люди везут солдату частичку своей души, тепло своего сердца, чувство глубочайшей признательности за его мужество, добрую весточку с родины. Конечно, везут и подарки — как же без них-то да в гости!

А подарки самые разные. Здесь и продукты питания, и медикаменты, и белье, телевизоры, видеотехника, средства связи, спортивный инвентарь... Всего и не перечислишь! Вот лишь один штрих: однажды для солдат были доставлены даже елочки для встречи Нового года!

В сборе посылок для наших воинов участвуют все: и работники крупных предприятий, и сотрудники местных администраций, и простые граждане, и дети из подмосковных школ.

Следует особо отметить, что у каждой акции имеются свои особенности, свои находки, своя, так сказать, изюминка. Вот лишь несколько примеров того, насколько разнообразной может быть такая помощь. Один из руководителей рассудил: солдат в армии более или менее накормлен и одет, но ведь его жизнь в значительной степени зависит от экипировки, а потому лучше закупить и доставить в подшефные части удобные разгрузочные жилеты, бинокли, приборы ночного видения, другую оптику. Другие исходят из того, что "после боя сердце просит музыки вдвойне", и

укомплектовывают посылки магнитофонами, музыкальными центрами и караоке. Третьи знают, как тоскует в армии солдат по дому, и потому оформляют на каждого из них полный комплект подписки на местные газеты и журналы. Четвертые присылают подборку видеокассет, библиотечки книг...

Однажды в составе делегации в бригаду ездил проректор Московского государственного университета сервиса Любовь Морозова, которая пригласила юношей, отдавших два года жизни Родине, поступить в один из самых престижных вузов страны и получить бесплатное образование. Университет выделил двадцать бюджетных мест для военнослужащих, предоставил им общежитие и платит стипендию.

Привозим в бригаду и концертные бригады. Здесь были Вика Цыганова, Леонид Якубович, Юрий Шевчук, группа "Стрелки". Благо среди артистов есть еще люди, которые делают доброе дело не за деньги, а прежде всего потому, что так приказывает их совесть, к этому их зовет душа. К воинам приезжают люди смелые, которые сопричастны всему, что происходит в нашей стране.

— Вы и представители администрации Московской области часто бываете в соединении. Бригада росла и крепла, что называется, на ваших глазах. Какие перемены, на ваш взгляд, произошли в ней за эти пять лет?

— В последнее время изменилось многое. Порой журналисты шутят, что 46-я бригада, расположенная близ Грозного в поселке Северном, напоминала бы пансионат, если бы не люди в военной форме. Мол, с трудом верится, что на самом деле здесь не санаторное лечение проходят, а принимают важнейшие решения для обеспечения мира на нашей земле.

Что мы видим сегодня на месте палаточного городка, который был развернут в 2000 году? Фонтаны, ухоженные клумбы, асфальтовые дорожки, аккуратные здания. Конечно, это скорее исключение, чем правило, но даже военные со стажем замечают, что живется сейчас нашему солдату в бригаде намного комфортнее, чем несколько лет назад.

Хотя мы прекрасно понимаем, что служба здесь по-прежнему, что называется, не сахар.

— Что вы хотите пожелать военнослужащим бригады в этот знаменательный для них день?

— Здоровья, счастья, мужества, стойкости и силы. Уверенности в том, что их вклад в дело поддержания мира, борьбы с терроризмом никогда не будет забыт.

**Беседу вел полковник
Ринад АРИБЖАНОВ**

КРЕСТОМ И БУЛАТОМ

Весть о приезде в 46-ю бригаду духовника Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД России отца Андрея быстро облетела военный городок, и вскоре к православной часовне, расположенной тут же, потянулись военнослужащие. Встретиться с батюшкой, пообщаться с ним, излить душу пришли десятки солдат и офицеров. Для них посещение бригады священнослужителем — долгожданное событие, ведь именно отец Андрей лучше любого психолога поможет разобраться во взаимоотношениях между солдатами, предотвратит нервные срывы после проведенных спецопераций, поможет перенести тяготы воинского служения и объяснит его духовное значение. Недаром говорят, что счастлив тот, кто обрел для себя мудрого и достойного духовника...

Свою первую командировку в Чечню отец Андрей (в миру Андрей Немыкин) помнит хорошо. Было это в январе 2000 года, когда командование Северо-Кавказского округа внутренних войск и приход Ростовской епархии организовали сбор и доставку гуманитарной помощи для солдат правопорядка, воюющих в этой охваченной огнем республике. Он был единственным, кто представлял там Русскую православную церковь, и на это его благословил архиепископ Ростовский и Новочеркасский Пантелеймон.

С грузом гуманитарной помощи через Моздок колонна направилась в Ачхой-Мартан, а затем в Урус-Мартан, где в тяжелых условиях, по уши в грязи бок о бок солдаты и офицеры сдерживали натиск боевиков. В конце восьмидесятых отец Андрей служил срочную во взводе спецназа воронежского конвойного полка внутренних войск. Поэтому душевные порывы воюющих ратников ему были понятны, как никому другому.

Во время командировки священнослужитель познакомился с командиром 100-й ДОН генерал-майором Яковом Недобитко, который поведал ему о задачах, что выполняет дивизия. Здесь же он узнал и о немалых потерях, которые понесли войска, и пообещал за всех молиться. Хотя встреча та была недолгой, для отца Андрея она оказалась знаковой — он твердо решил морально поддержать военнослужащих и отправиться на передовую.

А позже по инициативе командования Северо-Кавказского округа внутренних войск и епархиального управления он становится духовником сначала 100-й ДОН, а затем — 46-й бригады внутренних войск, вдоль и поперек исколесив с ними всю Чечню. На боевые операции обязательно брал с собой Евангелие и крест, показывая тем самым, что современный русский воин, готовясь одержать победу на реальном поле брани, должен прежде почувствовать себя непобедимым на поле брани духовном и не бояться никакой опасности мира сего. Потому, увидев отца Андрея на броне "коробочки" или в окопах, бойцы неоднократно повторяли: "С нами батюшка, и значит, мы прорвемся!"

В сентябре 2004 года судьба священника резко изменилась. Ему позвонили из военного отдела Московской патриархии и предложили взять на духовное попечение не только 46-ю бригаду, но и весь округ внутренних войск. После оформления необходимых документов отец Андрей обрел статус духовника Северо-Кавказского округа и вот уже год несет слово Божие по частям всего региона.

И все же к 46-й бригаде у него отношение особое. Осознает свой пасторский долг перед бойцами, ежедневно рискующими своей жизнью. Не одну сотню солдат и офицеров окрестил за пять лет отец Андрей, потому как на войне человек осмысливает все по-другому и ищет успокоения души лишь в общении с Богом.

По благословию святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в апреле 2002 года на территории бригады была воздвигнута православная часовня. Перед входом табличка: "Волею генерал-лейтенанта Николая Гаридова, памяти воинов внутренних войск, жизнь за веру и Отечество отдавших". С тех пор часовня — святое для всей бригады место, куда в любое время можно прийти помолиться, пообщаться с Богом.

Отец Андрей в бригаде больше чем гость, посещение им воинского коллектива благотворно сказывается на общем морально-психологическом состоянии личного состава. Ведь военная сила только тогда является силой, когда ее носители искренне убеждены в своей духовной правоте. Всякий раз, когда батюшка собирается в бригаду, он уже знает, сколько солдат и офицеров изъявили желание креститься. Его радует, что с большинством из них он неоднок-

ратно беседовал и к обряду крещения они подошли, заново переосмыслив жизненные ценности.

К числу таких можно отнести разведчика сержанта Сергея Ковальчука (фамилия изменена), который осознанно решил креститься после полутора лет службы по контракту. Перед армией Сергей даже не был в церкви и к религии относился с прохладцей. Не оказали на него влияния и постперестроечные годы, когда посещение церкви стало модным делом. Ковальчук неоднократно имел возможность посетить храм Божий, но это желание всякий раз перебивала потребность посидеть с друзьями в пивбаре и хорошоенько оттянуться. И только встреча с отцом Андреем круто изменила его жизнь. Он стал часто посещать часовню, читать православную литературу, впервые в жизни открыл Библию и много чего для себя нашел интересного. Когда был в отпуске в родном Новочеркасске, неоднократно посещал богослужения, раздумывал над смыслом жизни. Со временем пиво и развлечения ушли на второй план, Сергей осознал, что это не главное, в жизни есть высокие идеалы. И когда он почувствовал, что без Бога жить не может, дождался очередного приезда отца Андрея и пришел в часовню креститься. Он изменил отношение к службе, и этот факт не смогли не заметить его командиры. Через полгода Сергей стал командиром отделения и вскоре занял должность замкомвзвода. Но самое главное — после окончания контракта сержант Ковальчук решил уйти из войск и целиком посвятить себя служению Богу. Таких солдат в бригаде немало, их уже не пересчитаешь по пальцам, что не может не радовать батюшку.

— Когда я вижу перед часовой много людей, — рассказывает отец Андрей, — на душе становится светлее, я осознаю, что мой труд не пропадает даром. Понимаю, что только вместе мы возродимся сами и возродим Россию. "Воин Христов не боится смерти, ибо имеет в душе страх Божий, боясь погубить душу отступлением от присяги, скрепленной целованием Честного и Животворящего Креста — непобедимой Христовой Победы!"

**Подполковник
Сергей ПОРТНОВ**

КРЕПНУТ СЕМЬИ НА ВОЙНЕ...

“Жду тебя в спортгородке...”

— Начиналось у нас все очень необычно, — улыбается рядовой Земфира Алиева, писарь роты наурского батальона. — Шла я с подружкой по территории нашей части и вдруг... увидела его. Молодой лейтенант. Высокий, стройный, красивый... Только закончил училище и приехал к нам служить. У меня словно искра внутри проскочила. Я почему-то сразу поняла — вот стоит моя судьба... Нет, что вы! Как я могла подойти?! Просто прошла мимо. С самым гордым видом...

А потом стали происходить интересные вещи. Земфире, которая тогда служила киномехаником в клубе, кто-то с завидным постоянством начал передавать пирожки и сок. Через солдата. Попытки выяснить, от кого эти гостинцы, не увенчались успехом. Бо-

еще упорно молчал.

— А через месяц Махарбек сам ко мне пришел в клуб. Я так обрадовалась! Представляете, офицер, который мне очень понравился, оказался тем же человеком, который так необычно за мной ухаживал. Инкогнито...

Как и положенно влюбленным, Махарбек Уртаев и Земфира Алиева решили встречаться. Правда, сразу же возник вопрос — а где встречаться-то? Это на Большой земле можно пойти в театр, кино, кафе. В конце концов, обнявшись или взяв друга за руку, просто побродить по уединенным аллеям парка. А в воинской части особо не пообнимаешься и, даже взявшись за руки, не пройдешься. Как-то неудобно перед солдатами...

Поразмыслив, молодые люди решили, что в батальоне для свиданий лучше места нет, чем... спортгородок. Вечером, как правило, там никого не бывает. И стали влюбленные встречаться на скамеечке рядом со спортивными снарядами.

С тех пор Земфира и Махарбек (глава семьи уже майор и командир минометной батареи) всегда вместе. Свадьбу гуляли три раза. Сначала на родине невесты в Дагестане, потом — у жениха в Осетии. И, конечно же, в кругу близких друзей в батальоне.

Мама, папа, я — военная семья

Земфира и Махарбек — не единственные молодые люди, которые нашли свои "половинки" в наурском батальоне. За пять лет в этой части еще несколько пар познакомились, сыграли свадьбы и начали жить и служить одной семьей. Жизнь-то не останавливается...

— Когда муж и жена служат вместе, а тем более в таких горячих условиях, это только укрепляет семью, — считает Анита, жена начальника бронетанковой службы батальона майора Сулеймана Шабанова. — Мне кажется, что многие семьи распадаются из-за непонимания женой службы мужа. А мы здесь лучше знаем их проблемы, относимся гораздо терпимее. Да и тяготы и лишения вместе преодолевать легче... Когда мы с мужем в 2000 году приехали в батальон, здесь ничего не было. Полтора года жили в палатках. По две семьи. Топили буржуйки, кололи дрова, носили воду...

И ничего, выдержали военные семьи такое испытание. Еще больше

сплотились. Потихонечку стали обустроиваться. Получили отдельные домики. Появилась вода, тепло. Стали обзаводиться добром — мебелью, холодильниками, бытовой техникой. Ко многим в гости стали приезжать дети. Например, семья Олега и Заремы Джамбиновых вообще полтора года назад взяла свою дочку в батальон "на постоянное место жительства".

— Первое время я за нее, конечно, переживала, — рассказывает Зарема. — На службу утром уйдешь и всё думаешь, как там она, куда не ушла? Ей четыре годика тогда всего было...

Подворотнички для любимых

Как ни крути, а женщина и на войне остается женщиной. Хозяйкой дома, хранительницей очага. Весь быт — на ее хрупких плечах. Объем домашних хлопот — такой же, как и на Большой земле: стирка, глажка, уборка. Разве что с готовкой проблем гораздо меньше — и они, и мужья едят в столовой. Но многие по секрету признавались — иногда так хочется удивить супруга "чем-нибудь вкусеньким"! И ведь удивляют, когда есть возможность и продукты.

И выглядеть боевые подруги хотят соответственно. Косметику по каталогам аж из самой Москвы заказывают. Опять же — для мужей стараются. Чтобы они вечером пришли домой и увидели своих ненаглядных красиво одетыми, причесанными и подкрашенными. Эмоциональная разгрузка...

И мужья по возможности стараются не отлынивать от семейных дел. Не всегда, правда, это получается. Они всё же гораздо больше задействованы на службе. Но уж мебель передвинуть или гвоздь забить — святая мужская обязанность.

А еще в батальоне есть интересная традиция: вечерами мужья своим женам... подшивают подворотнички. За что по утрам получают свежевывищенные берцы. Такой вот семейно-военный обмен любезностями...

Дружно живут семьи в батальоне. Сплоченно. За пять лет не было ни одного развода. Только свадьбы гуляли. Впрочем, об этом я уже писал...

Подполковник Николай КАЗАКОВ

"Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С нашим атаманом не приходится тужить..." — Чистые детские голоса колокольчиками звенели в солдатской столовой. И это было настолько необычно, так разительно отличалось от сложившихся стереотипов о военном житье-бытье в Чечне, что мы невольно остановились, оглядываясь в поисках источника звука. Полтора десятка мальчишек и девчонок, облаченных в казачьи одежды, увлеченно исполняли песню, когда-то сложенную предками, несшими нелегкую государеву службу в порубежных станицах над Терекком.

Упреждая вопросы, уже готовые сорваться с языка ошарашенных журналистов, сопровождавший нас командир батальона полковник Мехман Давудов коротко пояснил:

— Детский казачий хор. Наши подшефные. Репетиция у ребятешек идет. А это их руководитель, Гашина Елена Никитична, — представил он подошедшую женщину в ладно сидящем армейском камуфляже. — Она вам все подробно расскажет и о себе, и о детях...

О себе Елена Никитична поведала мало и неохотно. Упомянула лишь, что, окончив музыкальную школу, более пятнадцати лет проработала в детском саду. Что все годы военного лихолетья никуда не выезжала, оставаясь в родной станице Наурской. Что после возвращения в Чечню федеральных войск некоторое время трудилась бухгалтером, а теперь служит по контракту в одном из подразделений оперативной бригады внутренних войск.

Зато о своем детище — хоре "Наурские казачата" — говорила много и с увлечением.

— Сама идея родилась в 2000 году. Время было тяжелое: войска продолжали добивать бандитов в горных районах республики, школьники еще не работали, дети слонялись неприкаянные. Нужно было их чем-то занять, отвлечь от безделья. А с другой стороны — постараться сохранить наши культурные казачьи традиции, передать и привить их молодым. А как это лучше сделать? Конечно же, через песню!

Моя инициатива нашла отклик у руководителей районной и станичной администрации. Начинать с малого: поначалу в хоре занималось всего пять человек. Когда разучили несколько песен Терского казачьего войска, решили попробовать свои силы — выйти в люди, так сказать. И первое выступление моих казачат состоялось в соседней станице Галюгаевской. Если бы видели, как нас там хорошо приняли! Для измученных войной людей это было как глоток прохладной воды в полуденный зной. К тому же галюгаевцы записали для нас еще несколько текстов старинных казачьих пе-

ТОЛЬКО ПЕСНЯ КАЗАКУ

ВО СТЕПИ ПОДМОГА!

сен, существенно пополнив хоровой репертуар.

Первый успех окрылил, захотелось работать дальше. К нам стали приходиться новые ребята. О хоре узнали в администрации Ставропольского края, помогли пошить сценические костюмы, что нас еще больше вдохновило. У ребят глаза загорелись. Но в станице мало было работающих организаций, перед которыми мы могли бы выступить, а гастролировать по району или республике, сами понимаете, опасно. И тогда мы обратились к военным с просьбой выступить перед солдатами.

И это тоже было от чистого сердца. Нам хотелось показать солдатам и офицерам, что их служба здесь не напрасна, что мы их ждали как освободителей, что мы благодарны им за мир и порядок, который они принесли на нашу землю и продолжают оберегать, не щадя своих жизней.

Так состоялось наше знакомство с командованием и личным составом батальона внутренних войск, расположенном в Наурской. Произошло это в июле 2001 года. И с тех пор казачата здесь частые и всегда желанные гости, а командование и солдаты батальона — наши лучшие друзья.

Помощь и поддержку от них мы получаем всегда и во всем. Например, не-

давно хор пригласили в город Изобильный, где проходила встреча глав администраций Северо-Кавказского региона. Пригласить-то пригласили, но ни транспорта, ни бензина, ни продуктов, чтобы кормить деток в дороге, никто не выделил. Помог батальон.

В сентябре прошлого года мы так же с помощью наших шефов-военных смогли принять участие в фестивале "Салют, Победа!", который проходил в Новороссийске и куда детский казачий хор был приглашен в составе делегации Чеченской республики. Кстати, на том фестивале было отмечено выступление нашей солистки Любы Неткачевой с песней "Рассвет перед боем". Девочка поразила профессиональных музыкантов своими вокальными данными. Руководитель Кубанского казачьего ансамбля Виктор Захарченко принял участие в ее дальнейшей судьбе. Сейчас Люба, закончившая этим летом школу, учится в вузе, получает музыкальное образование и поет у него в профессиональном коллективе. Это ли не радость и для ребенка, и для родителей, и для всех нас?!

Главное же, к чему мы стремимся в своей работе — показать как можно большему числу соотечественников, что здесь, на исконно казачьей земле, остались и живут русские люди, что русские дети не менее талантливые, чем их свер-

стники в любой точке России. И их надо растить и воспитывать, а не просто помогать выживать, ожидая, когда закончится это смутное время. Оно, честно говоря, и так уже затянулось...

Елена Никитична еще долго рассказывала о своих "казачатах". И как ребята выезжали на казачьи сборы в Крым, где, к удивлению многих взрослых, выяснилось, что мальчишки-хористы из Наурской не только хорошо поют, но и неплохо стреляют, и лихо скачут верхом. В общем, способны поддержать казацкую славу в любой ипостаси. И о том, как на одном из православных фестивалей детскому казачьему хору была подарена старинная икона, которую ребята торжественно передали в храм родной станицы, где она находится сейчас. И о многом и многом другом.

А еще с гордостью упомянула, что детский казачий хор станицы Наурской "за сохранение русских культурных традиций в Чеченской республике" удостоен грамоты командира части внутренних войск МВД. И грамота эта очень дорога и ей, и ребятам.

Думается, такие люди за свое подвижничество достойны куда более весомых наград!

**Полковник
Игорь СОФРОНОВ**

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА — ШКОЛА БОЕВОГО МАСТЕРСТВА

По вопросам прохождения военной службы по контракту следует обращаться: гражданским лицам — в военный комиссариат по месту жительства; военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, — к командованию своей воинской части.

«Внутренние войска входят в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации и предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств».

Статья 1 Федерального закона Российской Федерации «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Гарантии и компенсации военнослужащим внутренних войск МВД России, выполняющим задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации:

выплата окладов по штатной воинской должности и окладов по воинскому званию с повышением на 50 процентов;

выплата ежемесячной процентной надбавки за выслугу лет, исходя из повышенных окладов денежного содержания;

выплата ежемесячной надбавки за особые условия службы в размере 100 процентов оклада по штатной воинской должности;

выплата полевых (суточных) денег в двукратном размере от установленной нормы;

денежное вознаграждение за фактическое участие в контртеррористических операциях из расчета двадцать тысяч рублей в месяц пропорционально количеству дней участия в конкретных контртеррористических операциях;

военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в выслугу лет (трудовой стаж) для назначения пенсии 1 месяц военной службы засчитывается за 1,5 месяца, время непосредственного участия в контртеррористических операциях — из расчета 1 месяц военной службы за 3 месяца;

выплата дифференцированной надбавки за особые условия боевой подготовки в размере 4—5 тысяч рублей;

военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, обеспечиваются бесплатным питанием по установленным нормам с сохранением на это время порядка обеспечения их продовольственными пайками (выплаты ежемесячной денежной продовольственной компенсации); выплата денежной компенсации вместо предоставления права на бесплатный проезд к месту проведения основного отпуска и обратно;

выплата денежной компенсации вместо ежегодного обеспечения санаторно-курортным лечением и организованным отдыхом;

обеспечение санаторно-курортным лечением в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии;

военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, непрерывная продолжительность военной службы по контракту которых составляет не менее трех лет, пользуются правом внеконкурсного поступления в гражданские образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования.

СДЕЛАЙ ШАГ НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ!

В этом месяце:

- **1978 г.** — в Военно-политической академии им. Ленина (ныне Военный университет Министерства обороны) создан факультет внутренних войск.
- **1981 г.** — подразделения внутренних войск участвовали в охране общественного порядка в г. Орджоникидзе во время массовых беспорядков.
- **1993 г.** — подразделения внутренних войск обеспечивали общественный порядок в период массовых беспорядков в Москве.

2 октября

- **1829 г.** — военным министром в целях отличия военнослужащих Отдельного корпуса внутренней стражи от других войск для их формы одежды введены выпушки крапового цвета.

6 октября

- **1995 г.** — в районе площади Минутка в г. Грозном осуществлен террористический акт в отношении командующего Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне — командующего внутренними войсками генерал-лейтенанта Анатолия Романова.

8 октября

- **1924 г.** — 53 военнослужащих Орджоникидзевского высшего военного командного училища ВВ МВД СССР приняли участие в массовом восхождении на вершину Казбека. Достигнув вершины, они оставили капсулу с письмом к молодежи 2028 г. и металлический ящик с жетонами участников восхождения.

- **1980 г.** — Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями Союза ССР большую группу военнослужащих внутренних войск за активное участие в охране общественного порядка во время подготовки и проведения XXII Олимпиады.

11 октября

- **1971 г.** — создан Образцово-показательный оркестр внутренних войск МВД СССР.

14 октября

- **1942 г.** — формируется отдельная армия войск НКВД, позже получила наименование "70-я армия".

15 октября

- **1999 г.** — завершился первый этап контртеррористической операции. От боевиков освобождены Дагестан и треть территории Чечни.

26 октября (8 ноября)

- **1917 г.** — сформирован Совет Народных Комиссаров. В числе других наркоматов создан Народный комиссариат внутренних дел.

28 октября

- **1918 г.** — ВЦИК РСФСР утвердил положение о Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и ее местных органах: губернских, транспортных, фронтовых и армейских.

31 октября

- **1992 г.** — группа боевиков, прикрываясь толпой женщин, напала с целью захвата на учебный центр Владикавказского училища внутренних войск. Курсанты Дмитрий Базаров и Аркадий Тептяев, погибшие в столкновении, награждены посмертно орденом "За личное мужество" и навечно зачислены в списки 2-го батальона СКВКИ.

По материалам
Центрального музея внутренних войск МВД России

НЕИСТОВЫЙ

**“Скорее умрем, чем выдадим
Россию и Тихий Дон...”**

Немного найдется среди военачальников русской армии генералов, более популярных на Кавказе, чем Яков Петрович Бакланов. Даже спустя много десятилетий после его мирной кончины у чеченцев в ходу была поговорка: “Не хочешь ли убить Бакланова?” Этот странный вопрос адресовали тому, кому желали дать понять, что он безнадежный хвостун и не отдает себе отчета в своих словах. Ибо убить Якова Петровича в бою, как убедились воинственные горцы в десятках больших сражений и малых стычек, оказалось не под силу никому. Он нередко получал ранения, но всегда с невероятным мужеством переносил их, оставаясь на ногах даже после большой потери крови, отчего черкесы и чеченцы считали его заговоренным от смерти. Этот богатырского телосложения великан (рост его составлял 202 см) внушал врагам суеверный страх. Он был воистину непобедим. Не случайно сегодняшние защитники Отечества, несущие нелегкую службу в тех краях, где полтора столетия назад сражался Яков Петрович, считают большой честью удостоиться медали в честь прославленного казачьего генерала, которую учредила Ассоциация ветеранов подразделений специального назначения “Братство “краповых беретов” “Витязь”.

Бакланов родился 15 марта 1809 года в станице Гугнинской. Отец его был простой казак, мало разумевающий в грамоте, зато честный и храбрый. Все его достояние состояло из деревянного домика и нескольких десятин земли. Жена его, Устинья Малаховна Постовалова, родилась в соседней станице Терновской — еще более бедной и малочисленной, чем Гугнинская. Она также принадлежала к небогатой казачьей фамилии, а потому семейство Баклановых жило очень бедно.

В годы, предшествующие рождению Яши, отец служил в рабочем полку “кочуров” (это был своего рода казачий стройбат, занимавшийся возведением Новочеркасска, земляными работами на территории Войска Донского). Даже являться на службу он был обязан не с шашкой, а с “качком” — одноконной тачкой для перевозки земли и прочих материалов. В 1808 году он был произведен в хорунжие. Этот первый офицерский чин тогда сразу давал права потомственного дворянства, а посему появившийся на свет Яков с рождения считался дворянином.

Наступил 1812 год. Хотя Яше Бакланову было всего три годика, но ему крепко запали в память события той знаменательной поры. Тогда гонцы, присланные из действующей армии атаманом Платовым, объезжали все станицы, извещая, что Наполеон, пришедший с несметными полчищами разорить Россию, похваляется пройти ее до самых берегов заветного Дона. Атаман призывает всех верных донцов встать на защиту царя и Отечества.

Ушел со своим полком изгонять французов с русской земли и отец Яши. Мальчику было 6 лет, когда отец вернулся из заграничных похо-

БОКЛЮ

**“Спасибо Зассу и горцам.
Они научили меня
многому...”**

дов, пройдя с боями всю Европу. Чтобы воспрепятствовать проникновению в русские пределы страшной заразы, донские полки были расставлены кордонами, перекрывая все пути с юга. Бакланов-старший решил взять сына с собой — пусть теперь учится у полковых писарей, а заодно и постигает азы воинского ремесла.

С малых лет он первенствовал во всех военных забавах. Никто в станице лучше его не стрелял, никто, похваляясь выездкой своего коня, не умел заставить его так смело, как Бакланов, пройти на укороченных поводьях между двумя пылавшими кострами или с размаху перескочить через разложенный в поле огонь. А сколько раз становился он победителем в состязаниях между лучшими борцами или кулачными бойцами.

20 мая 1824 года 16-летний Бакланов был зачислен на службу урядником в казачий полк Попова. Спустя год вместе с отцом, командовавшим в том же полку сотней, он отправился в Крым.

Однако его воинская служба была прервана через несколько месяцев самым неожиданным образом. Однажды, когда, по воспоминаниям Якова Петровича, он дежурил по сотне, ему пришлось самому составлять какую-то рапортчику, не бог весть какую важную. И тут выяснилось, что вот этого-то молодой казак совершенно не умеет. Обнаружившаяся безграмотность сына столь сильно поразила отца, что он с согласия начальства немедленно отослал его в Феодосию, чтобы в тамошнем уездном училище тот хоть немного подучился.

Но и здесь Яков пробыл недолго — мать, не успевавшая управляться с хозяйством, настоятельно требовала в письмах, чтобы отец вместе с сыном прибыл домой и женил бы его на избранной невесте. А посему в начале 1826 года Баклановы приехали в отпуск на Дон. 19 января Яков был обвенчан с дочерью гугинского священника Серафимой Анисимовой. Пробыв с молодой женой короткое время, он вскоре возвратился в полк.

В 1834 году с донским казачьим полком Жирова Яков Бакланов впервые попал на Кавказскую войну, в войска левого фланга Кубанской линии, бывшие под началом генерал-майора барона Г.Х. Засса. Это было время, когда Григорий Христофорович от обороны перешел к наступлению, двинул свои полки за Кубань и осуществил ряд успешных экспедиций против воинственных племен бесленевцев, абадзехов, кабардинцев и прочих, живших между реками Кубанью и Лабой.

Здесь Бакланов впервые узнал, что такое война на Кавказе. Недешево далась ему эта наука. “Спасибо Зассу и горцам, — говорил Яков Петрович. — Они научили меня многому...”

Первый раз Бакланов обратил на себя внимание генерала Засса в июньской экспедиции 1836 года, когда войска Кубанской линии выступили для захвата враждебных аулов между реками Псефиром, Лабой и Белой.

...Летучий отряд казаков и драгун подступил к одному из аулов еще затемно, за два часа до рассвета. Вызвав охотников, Засс приказал им скрытно подползти под самые стены аула и по

сигналу постараться овладеть выездными воротами или по крайней мере разбросать плетни, чтобы открыть свободный проезд кавалерии. Командовать охотниками было поручено Бакланову. Когда его группа подобралась к аулу и начало светать, казаки убедились, что плетни вокруг всего селения были двойные, доверху обложенные землей и камнями, так что разбрасывать их пришлось бы до вечера; ворота же имелись одни, и притом дубовые, запертые толстыми железными засовами. Не зная, на что решиться, Яков Петрович с двумя пластунами еще раз обошел вокруг всего аула и вот тут при тщательном осмотре стены увидел, что над выездными воротами имелась небольшая лазейка, проделанная, видимо, для прохода пеших. Через эту брешь можно было проникнуть внутрь самого аула. Поэтому, как только взвилась сигнальная ракета, Бакланов и бросился именно здесь вперед, стараясь как можно скорее взобраться по крутой и осыпавшейся насыпи. Казаки рвались за ним. Бакланов уже почти достиг цели, как вдруг горец, стоявший на смотровой площадке над воротами, в упор выстрелил в него из винтовки. К счастью, произошла осечка. От пулевой же пули казачий офицер ловко увернулся и вскочил на ворота. От засовов, которые надо было открыть, его отделяли всего несколько саженей. Но тут горец, отпрянувший было назад после своего промаха, схватил пистолет за ствол и ударил Бакланова его массивной рукояткой прямо в лоб. Яков Петрович как убитый повалился в ров с проломленным черепом. "Долго ли я пролежал без памяти, не знаю, — вспоминал он, — но, когда опомнился, казаки уже были в ауле, ломали плетни и сбивали ворота. Я не получил за это ни креста, ни чина, но был награжден выше моих заслуг вниманием Засса, который с этих пор начал оказывать мне знаки особенного своего расположения".

Наука Засса и опыт почти ежедневных стычек с горцами вскоре сделали из молодого офицера отличного боевого командира. Этому способствовало и то, что Бакланов обладал редкостной интуицией, позволявшей ему верно угадывать критический момент боя и принимать верные решения.

Чтобы казак смыслил побольше одной только храбрости

В 1837 году полк Бакланова, отбыв свой срок на Кавказе, вернулся на Дон. Якова Петровича назначили в только что собранный в Новочеркасске учебный полк, где казаки должны были изучать новый устав, совершенствовать боевую выучку. Служба в этом полку принесла кавказскому герою много пользы. Затем ему довелось побывать в Польше, а в 1845 году снова вернуться на Кавказ, уже в чине войскового старшины.

Он был назначен в двадцатый казачий полк, стоявший на левом фланге Кавказской линии в небольшом укреплении Куринском. В следующем году он принял этот полк под свое командование с легкой руки заместителя и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом князя Семена Воронцова, приглянувшись ему своей храбростью и энергией в операции по спасению попавших в ловушку горцев войск, совершавших печально знаменитую Даргинскую экспедицию 1845 года.

Бакланов начал превращать свой полк в грозу для черкесов и чеченцев с того, что вернул всех своих казаков в строй, не считаясь даже с увещеваниями высокопоставленных чинов, которым жалко было терять дармовую прислугу. Потом он одел полк. Форменные мундиры и шаровары были запрятаны в сундуки для смотров и парадов. Каждый казак обязан был достать себе удобную черкеску. Сначала их просто снимали с убитых врагов, а потом уж стали и шить на заказ. Появились у казаков и булатные черкесские шашки и кинжалы, английские нарезные штуцеры, которыми заморские доброхоты в изобилии снабжали воюющих горцев.

И кони в баклановском полку стали другие — не худые и заморенные, а ухоженные, сытые, гладкие.

Но нужно было еще и обучить как следует полк войне в горах. И Бакланов неутомимо обучал казаков разведывательной службе, саперному и артиллерийскому делу. Чтобы легче было сделать это, он пренебрег буквой устава и сформировал особую седьмую сотню, учебную. В ней под его пристальным наблюдением готовились урядники (младшие командиры) на весь полк. В битвах она служила авангардом или надежным резервом.

В каждой сотне один взвод был снабжен шанцевым инструментом, и бойцы его особо обучались саперному делу. Имелась и пластунская команда из лучших стрелков и наездников, употреблявшаяся на самые опасные разведывательные операции. А ракетная батарея полка при Бакланове стала образцовой на Кавказе. Из бесполезной обузы начиненные порохом и пулями ракеты превратились в мощное оружие, эффективно действовавшее там, где не могли пройти пушки.

Никто в его полку не смел во время боя покинуть рядов; легкораненые должны были оставаться во фронте; те же, кто лишился лошади, должны были биться до той поры, пока не добывали себе новой.

Обладая удивительной физической силой, железным здоровьем и неутомимой энергией, Яков Петрович, по словам Потто, даже самое короткое время не мог оставаться в бездействии. Не спать несколько ночей, рыская с пластунами по непроходимым чащобам, для него ничего не значило. Он лично водил разъезды и приучал своих казаков вести наблюдение и разведку в непривычной для них горной стране. Постепенно баклановские воины втягивались в трудную кавказскую службу, приобретали практические навыки, приучались к неусыпной бдительности.

Имея лазутчиков из местных жителей, из которых наиболее известны Али-Бей и Ибрагим, Бакланов всегда врасплох налетал на неприятеля, появлялся как снег на го-

лову. Скоро имя грозного Боклю, как называли горцы Якова Петровича, стало страшным для всей Чечни. И донские дробтики они уже не называли презрительно камышом. Даджал, что значит дьявол — вот как величали чеченцы Бакланова. Они не раз имели возможность убедиться, что ни пуля, ни сабля его не берут.

...5 декабря 1848 года гарнизон Куринского укрепления, где стояли Тенгинский пехотный и 20-й донской казачий полки, был поднят по тревоге. Горцы напали на батальон Тенгинского полка, занимавшийся в лесу рубкой дров. Едва прогремел первый выстрел, как баклановские сотни уже ринулись в бой. Чеченцы спешно ретировались. Началась погоня, в которой один казак был схвачен чеченцами да двое свалились, простреленные пулями. Сам Бакланов был ранен. Он вдруг пошатнулся в седле и выпустил поводья. Казаки хотели было подхватить его, но он переложил поводья в другую руку, крикнул: "Вперед!" — и помчался отдавать распоряжения. Пуля перебила ему ключицу левой руки. Кровь проступила через рукав желтой черкески и окрасила ее. Но Бакланов, превозмогая страшную боль, продолжал распоряжаться в бою. Только тогда, когда все было кончено и казаки сняли с убитых оружие, Бакланов прилег на бурку, и казак платком перевязал ему руку...

"Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века"

В начале 1851 года в Куринское с прибывшим туда почтовым обозом Бакланову доставлена была неизвестно от кого и откуда посылка. Развернули ее, и в ней оказался черный значок, на котором была вышита адамова голова с двумя перекрещенными костями под нею и круговая надпись: "Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь". Когда значок этот впервые появился перед полком, казаки были смущены его печальным видом, навевавшим мрачные думы о смерти. Но когда казаки увидели, что этот черный значок наводит ужас на чеченцев, они полюбили его. Бакланов же с ним не расставался до конца жизни.

Одолеваемые со всех сторон нашими войсками, чеченцы решились на отчаянное предприятие. Они задумали напасть на Куринское укрепление. В день Успения Богородицы было особенно жарко и душно. Бакланов, пообедав, лег отдохнуть в своем домике на горском ковре. Жара сморила его. Он совершенно разделся, снял даже рубашку и остался в одних чувяках. Вдруг совсем близко раздался пушечный выстрел, зазвенели окна в той комнатке, где спал Бакланов, и к нему влетел растерявшийся ординарец.

— Чеченцы в предместье! — крикнул он.

Выстрелы участились; шум, крики, топот копыт и суматоха на улице показывали, что дело нешуточное. Бакланов спросонья, как был, без одежды, бросился к двери, вырвал из рук ординарца шашку, надел ее прямо на голое тело, накинул какую-то бурку и явился в таком виде перед казаками. Две сотни, собравшиеся по тревоге, кинулись за ним. Едва казаки вышли из укрепления, они увидели человека до восьмисот конных чеченцев, спускавшихся с гор. Казаки замаялись. Но Бакланов выхватил из рук своего ординарца пикку, крикнул: "Вперед!" — и помчался в рукопашную свалку. Казаки не отстали от своего начальника, и горсть их врезалась в толпу неприятельской конницы. Работая пикой, Бакланов, как сказочный богатырь, валил вокруг себя толпы неприятеля. Горцы, дрогнувшие на первых порах, не могли поправиться и скоро бежали.

Казаки забрали пленных, и пленные были уверены, что страшный Бакланов, если и не настоящий даджал, то уж, наверное, сродни ему.

В 1855 году, уже в чине генерал-майора, Бакланов участ-

вовал с казаками в разведке подступов к Карсу и в штурме Карса. 16 ноября того года Карс был взят, и вскоре после этого Бакланов был назначен в Кутаиси.

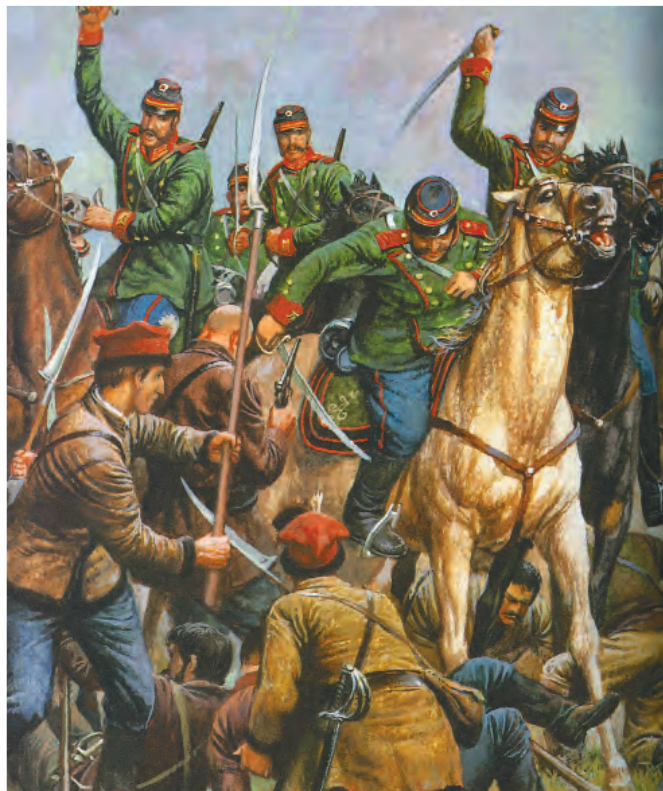
Но Бакланов не попал в этот город, он уехал на Дон, а оттуда вскоре получил назначение в Польшу командовать собранными там для усмирения взбунтовавшихся поляков казачьими полками. Там генерал Бакланов управлял некоторое время Августовскою губернией. Но железное здоровье Бакланова пошатнулось. Хотя ему было всего 55 лет, но годы его жизни прошли в постоянных походах и боевых тревогах. Бакланов отпросился в отпуск на Дон. И там он заболел воспалением легких. Перемогаясь, он вернулся в Вильно и продолжал командовать до 1867 года донскими полками, расположенными в Польше. Зачисленный в этом году по Войску Донскому, Бакланов остальное время жизни провел в Петербурге.

18 января 1873 года не стало казака-богатыря. Его похоронили в Петербурге в Новодевичьем монастыре, и там его друзья поставили над могилой памятник.

На гранитной скале брошена кавказская бурка и на нее донская папаха. Под папахой лежит знаменитый баклановский черный значок — гроза Большой и Малой Чечни. Под значком венки с надписью: "Войска Донского Яков Петрович Бакланов. Родился 1809 г., умер 1873 г."; на постаменте памятника изображены названия всех тех местностей, где сражался Яков Петрович. 17-й донской казачий генерала Бакланова полк имел своим знаменем тот самый знаменитый черный флаг с черепом и скрещенными костями, с которым не расставался Яков Петрович...

В 1911 году прах героя был торжественно перевезен в Новочеркасск и перезахоронен в войсковом соборе рядом с могилой М. И. Платова. В казачьей столице тогда же появился проспект Бакланова, а родная станица генерала — Гугнинская стала впредь именоваться Баклановской...

**Полковник запаса
Александр ПРОНИН**

141-й ГРОЗНЕНСКИЙ

Эта воинская часть начала боевые действия на Северном Кавказе задолго до появления там немецких и румынских ударных группировок и завершила их, когда Советский Союз уже давно отпраздновал победу над Японией. Никакого фактического противоречия летописи Великой Отечественной войны здесь нет — ситуация на Северном Кавказе в 1941—1945 гг. была очень специфичной.

Приунывшие после подавления очередного восстания в Чечено-Ингушской АССР, произошедшего в январе 1941 года, лидеры “национально-освободительного движения” Чечни восприняли известие о нападении Германии и ее союзников на Советский Союз с огромным энтузиазмом.

Эскалация организованного бандитизма, саботаж государственных оборонных мероприятий и массовое уклонение от мобилизации приобрели в автономии тотальный характер уже в первые месяцы войны. В этих преступных деяниях прямо или косвенно участвовали многие представители местной власти, включая наркома внутренних дел ЧИ АССР С.Албо-

гачиева и начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Чечено-Ингушетии И. Алиева.

К осени 1941 года в бандгруппах, находившихся на территории Чечни, по приблизительным данным, состояло около 40 тысяч человек.

В начале октября 1941 года, когда германское командование начало операцию по захвату Москвы, вспыхивают мятежи в Шатойском, Итум-Калинском, Галанчожском, Чеберловском и Шаройском районах ЧИ АССР, сопровождавшиеся расправой над советскими и партийными работниками, разгромом государственных учреждений и колхозов, уничтожением местных линий связи.

Восстание было тщательно спла-

гады оперативных войск НКВД СССР был спешно сформирован 178-й отдельный мотострелковый батальон, который в экстренном порядке перебросили в Чечню.

К середине ноября восстание было разгромлено, а в начале декабря сводная оперативно-войсковая группа НКВД, ядро которой составляли 1-я и 2-я роты 178-го батальона, настигла и уничтожила в Урус-Мартановском районе бандгруппу А. Кайдова, состоящую из уцелевших мятежников.

Пунктом постоянной дислокации батальона была определена столица ЧИ АССР — город Грозный. Новая часть находилась в прямом подчинении командиру 76-й мотострелковой бригады НКВД, дислоцировавшейся в Тбилиси. В конце 1941 года батальон был доукомплектован и переформирован в 141-й стрелковый полк внутренних войск, с прямым подчинением начальнику войск НКВД СССР. В дальнейшем часть неоднократно переходила в подчинение различных войсковых соединений НКВД, дислоцировавшихся на Северном Кавказе и в Закавказье, и дважды переформировывалась — в горнотрелковый полк, затем снова в стрелковый. На часть возлагались задачи борьбы с воздушно-десантными и диверсионно-разведывательными группами противника, бандформированиями, дезертирами, дезорганизаторами тыла, паникерами и распространителями дезинформации, охраны органов власти, коммуникаций, линий связи и общего порядка в районе дислокации, а также эвакуации государственной собственности или уничтожения ее в случае угрозы оккупации территории противником.

Эти и другие задачи полк выполнял блестяще.

За время пребывания в Чечено-Ингушетии подразделениями 141-го полка ликвидировано 57 бандгрупп, уничтожено 1033 бандита, задержано 1600 дезертиров, захвачено и изъято 2865 единиц нарезного стрелкового оружия, включая пулеметы, и 110020 штук боеприпасов к нему, 545 ручных гранат и 2 миномета.

Эти цифры дают лишь приблизительное представление о масштабах антисоветского движения в Чечено-Ингушской автономии в период Великой Отечественной войны.

Чеченцы возобновили активные вооруженные действия весной 1942 года. Именно к этому времени вермахт нанес Красной Армии ряд поражений, резко изменивших обстановку в пользу Германии. Катастрофа под Харьковом, неудачное для Советско-

го Союза начало Сталинградской битвы и стремительный бросок врага на Кавказ убедили чеченских мятежников в том, что их звездный час настал.

Деятельность повстанцев носила коллаборационистский характер, о чем, в частности, свидетельствует один из идейных вдохновителей бандитизма в Чечне А. Авторханов в своих мемуарах:

«...Наш общий доверенный человек передал мне меморандум Временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии на имя правительства Германии, в Берлин. Главное содержание меморандума сводилось к следующему:

1. Чечено-Ингушетия восстала, чтобы избавиться от тирании Сталина и освободиться от советского империализма для восстановления своей былой свободы и независимости.

2. Мы ожидаем, что в ближайшее время к нам присоединится весь свободолюбивый Кавказ.

3. Мы считаем, что враг Сталина — наш друг. Поэтому мы предлагаем Германии военно-политический союз против большевизма.

4. В ответ на это Германия, в свою очередь, признает независимость и территориальную целостность Кавказа».

Опьяненные успехами германской армии, главари «народно-революционного правительства» Чечено-Ингушетии сколачивали одно за другим различные «политические объединения», в названиях которых без труда угадывалось подражание будущим хозяевам «свободной» Ичкерии: «национал-социалистическая партия кавказских братьев», «чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация» и т.п.

Принимать объятия чеченских «союзников» немцы не спешили. Тем не менее на территории Чечни активно действовали агенты германской политической и военной разведки, а также воздушно-десантные диверсионные группы вермахта. Они же доставляли коллаборационистам оружие и боеприпасы. Территория республики была предусмотрительно разделена бандпредводителями на повстанческие округа, основными звеньями которых являлись повстанческие аулкомы.

Сжатые в единый кулак банды Шерипова и Исраилова ударили в тыл советским войскам во второй половине августа 1942 года, когда победа немецко-румынских группировок, стремительно продвигающихся к Владикавказу и Грозному, не вызвала у мятежников сомнений. Коллабораци-

нировано: перед его началом в административных центрах районов состоялись совещания представителей повстанческого центра с местными руководителями. К концу октября законная власть в горной Чечне фактически перестала существовать — руководители республиканских и районных органов внутренних дел, в большинстве своем являвшиеся скрытыми сторонниками мятежников, не только бездействовали, но и почти открыто поддерживали восстание. Только 30 октября в один лишь Галанчожский район прибыл отряд курсантов Грозненского пехотного училища РККА, который, вследствие безграмотных действий его командира, на подходе к райцентру угодил в мелео организованную бандитами засаду и после непродолжительного сопротивления был разоружен, а затем уничтожен.

Ввиду катастрофической нехватки сил для подавления такого широкомасштабного восстания в Тбилиси 21-25 октября на базе 8-го мотострелкового полка 76-й мотострелковой бри-

онистов поддерживали подразделения немецких воздушных десантников, высадившихся в Атагинском, Веденском и Чишкинском районах ЧИАССР.

141-й стрелковый полк НКВД оказался в числе частей внутренних войск, брошенных на разгром "пятой колонны" в Чечено-Ингушетии. Тем самым советское командование вынужденно создавало бреши в и без того шаткой обороне на владикавказском и грозненском направлениях. Именно в эти дни Северо-Кавказский фронт трещал по всем швам под мощными ударами танковых группировок Клейста и Гота.

Подразделениям 141-го, действовавшим в Шатойском и Итум-Калинском районах ЧИАССР, 21-23 августа удалось выбить чеченско-немецкие отряды из районных центров Химой и Итум-Кале и предотвратить разгром блокированных в этих населенных пунктах военных гарнизонов. При этом личный состав полка уничтожил свыше 200 бандитов и фашистских десантников.

К сентябрю 1942 года шатойско-итумкалинская бандгруппировка была расчленена и разгромлена, а ее главарь, один из организаторов антисоветского движения в Чечне, Майербек Шерипов, погиб 8 ноября того же года в бою с оперативно-войсковой группой 141-го полка внутренних войск.

Сразу по окончании сражений с бандами Шерипова полк срочно перебросили на строительство оборонительных сооружений в Грозненс-

ком укрепрайоне. Противотанковые заграждения и баррикады возводились уже в центре столицы Чечено-Ингушетии, готовой встретить штурмовые соединения врага.

Следует учесть, что "посильную" помощь немецким "освободителям" оказывали также в Ингушетии, Балкарии, Карачае...

1943 год. Под натиском перешедших в контрнаступление советских армий войска фельдмаршала Листа стремительно покидают Кавказ. Одновременно терпит крах под Сталинградом группировка фельдмаршала Паулюса, что означало крушение последних надежд вермахта на юге СССР. Не менее горькое разочарование по этому поводу испытали несостоявшиеся граждане "независимой Ичкерии".

Из докладной записки командира 141-го стрелкового полка ВВ НКВД СССР начальнику войск НКВД Северо-Кавказского округа о результатах оперативной деятельности полка на территории ЧИАССР с 1.01.1943 г. по 1.02.1943 г.:

" 1. ...За указанный период 141 сп нес службу гарнизоном в 16 населенных пунктах, провел 20 операций по ликвидации банд, изъятию бандпособников, участников вооруженных восстаний, изъятию оружия и уничтожению материальной базы банд в Итум-Калинском и Галанчожском районах ЧИАССР.

...5.01.1943 г. войсковые группы выступили на ликвидацию банд в Дзюмсовский с/с Итум-Калинского района.

...Одна из групп...6.01.1943 г. ...столкнулась с бандой Хамзаева Кудуса...

Хамзаев, призвав на помощь жителей хутора Сисычу, повел ее (банду. — Ред.) в атаку на отдельную группу. Залповым огнем группы... атака была отбита...

С наступлением темноты банда рассеялась мелкими группами...

В результате операции убито 12 бандитов...

Войсковая группа потеряла убитыми 1-го человека ...

...29.01.1943 г. взвод автоматчиков проводил в селении Галанчож операцию по ликвидации банды братьев Аушевых. ...Банда полностью ликвидирована.

...Имеющееся снаряжение не обеспечивает выполнение поставленных задач. Обувь у личного состава изношена. Отсутствуют альпинистские веревки, что приводит подчас к невыполнению задач в высокогорных районах.

Имеющиеся карты масштаба 200 000-38 г. не освещают подробно рельеф местности.

Средства связи, особенно радиостанции, — малой мощности и в недостаточном количестве.

Сухой паек плохого качества и непитателен".

Бои с бандформированиями в 1943 году отличались особой жесточечностью, без пощады с обеих сторон: бандиты осознавали безысходность своего положения и неотвратимость наказания за совершенные ими злодеяния, оперативно-войсковым группам НКВД, в свою очередь, было дано распоряжение уничтожить мятежников и их пособников в случае оказания ими малейшего сопротивления.

С ноября 1943 года 141-й полк переходит на усиленный вариант несения службы — началась подготовка к операции по выселению чеченцев...

Оставим за скобками оценку этой суровой акции, предпринятой советским правительством. Приведем лишь исторические факты, которые характеризуют ее военно-техническую составляющую.

В республику стягивались соединения и части войск НКВД, опергруппы органов госбезопасности. Оперативные сектора, в которых были задействованы подразделения 141-го полка, включали в себя столицу ЧИАССР г. Грозный, населенные пункты Шатой, Галанчож, Чеберлой, Ведено, Чишки и Мужичи. В задачи полка, как и других войсковых частей, принимавших участие в операции, входили

тщательная рекогносцировка местности для своевременного блокирования коммуникаций и предполагаемых маршрутов движения групп лиц, пытающихся уклониться от выселения, обустройство имевшихся коммуникационных объектов (дорог, мостов) и создание новых в необходимых случаях. Так, полковым саперам пришлось проложить несколько новых грунтовых дорог, а также соорудить около десятка речных мостов. Требования к надлежащему состоянию и количеству автодорожных путей сообщения не являлись излишними – 23 февраля 1944 года им предстояло принять поток грузовых автомашин, заполненных депортируемыми коренными жителями Чечни...

Во время операции по выселению “спецконтингента” из ЧИ АССР личный состав грозненского полка действовал, как обычно, четко и слаженно. Сама операция по степени сложности и напряженности мало в чем уступала боевым, а по масштабам превосходила их. Здесь требовалось колоссальное терпение и хладнокровие – иметь дело с многотысячной массой озлобленного, враждебно настроенного населения было не менее тяжким испытанием, чем схватки с бандами. Оружие разрешалось применять только в случаях вооруженного сопротивления, а их было немало. На отдельных участках движения автоколонны со спецпереселенцами обстреливали укрывшиеся за скалами бандиты...

Уже после депортации коренного населения автономии, с 23 февраля 1944 г. по 18 мая 1946 г., подразделениями 141-го полка было проведено 13 только масштабных совместных боевых операций в Чечне, в результате чего прекратили свое существование 2 крупные банды и свыше 60 бандитов.

В связи с фактической ликвидацией группового бандитизма на территории бывшей ЧИ АССР (упразднена в марте 1944 г.) 18 мая 1946 года 141-й горнострелковый полк внутренних войск МВД СССР убыл в Станиславскую область Украинской ССР, где его ожидала очередная боевая задача – борьба с вооруженными формированиями западноукраинского националистического подполья.

Так грозненский полк завершил свою “кавказскую войну”, длившуюся больше пяти с половиной лет.

За все время участия в разгроме чеченских бандгруппировок потеряла убитыми 90 человек, истребив при этом свыше тысячи бандитов. Причины такого соотношения потерь – высочайший уровень подготовки и качественный отбор воинского состава. Благодаря профессионализму командиров подразделений, бойцы в кратчайшие сроки овладевали приемами горной войны – войны с противником, из поколения в поколение наследующим

опыт борьбы с регулярными войсками и способным воевать в знакомой ему с младенческих лет местности практически вслепую.

Здесь играл огромную роль человеческий фактор, выражающийся в проявлении лучших качеств воинов-чекистов. “Кавказская летопись” 141-го полка НКВД изобилует яркими примерами мужества, стойкости, отваги. Это и решительные действия красноармейца Василия Садовникова, который, будучи раненным, снял с грузовика, находившегося под прицельным огнем, ротный миномет и меткими выстрелами из него обратил в бегство вражескую группу, не оставив повстанцам ни своих тяжелораненых товарищей, ни само орудие. И бесславный конец трех мятежников, расстрелянных в упор в их собственной засаде замполитом полкового каввзвода Бондаренко и красноармейцем того же подразделения Руденко.

Заслуги 141-го полка нисколько не умаляют роли других войсковых частей НКВД в разгроме “пятой колонны” на Северном Кавказе. В ликвидации чеченских банд участвовали воины грозненской, орджоникидзевской и махачкалинской дивизий внутренних войск. И все же хроника боевых действий сто сорок первого, задействованного почти во всех решающих операциях по усмирению коллаборационистов, позволяет получить наиболее достоверное представление о событиях, которые происходили в Чечне на протяжении всего периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., и о том, какое место в этих событиях было отведено войскам Наркомата внутренних дел.

История грозненского полка завершилась вдалеке от Кавказа. Он был расформирован 6 февраля 1954 г. в немецком городе Шварценберге, где пребывал в составе войск МГБ, дислоцировавшихся на территории Восточной Германии.

**Подполковник
Тимур МАКОЕВ**

Сергей Николаевич КОНОВАЛОВ родился в 1957 году в селе Подбельске Куйбышевской, ныне Самарской области. Закончил Саратовское военное командное училище внутренних войск и Военную академию им. М.В. Фрунзе. Выполнял служебно-боевые задачи в Нагорном Карабахе, Северной Осетии и Ингушетии, прошел "две Чечни". Награжден орденом "За военные заслуги", медалями. Ныне полковник Коновалов — командир учебной бригады Северо-Кавказского округа внутренних войск МВД России. А еще он многолетний и активный наш автор. Мы публиковали его стихи и рассказы, которые всегда с большим интересом встречаются читателями. Ведь ему, десятилетие с лишним прослужившему на Северном Кавказе, есть что рассказать читателям, есть чем поделиться. Он ничего не приукрашивает. Да и герои его произведений — боевой народ, зачастую его сослуживцы, живые и павшие в боях за Родину.

Сергей КОНОВАЛОВ

УРОЧИЩЕ КАШМАК

Рассказ

*Погибшим военнослужащим 46-й бригады
полковнику В.Д. Боронило
и полковнику В.В. Мезенцеву
посвящается*

ПОЧТИ у каждого человека есть прозвище или кличка. У военных, особенно в горячих точках, зачастую они заменяются позывными. В бригаде командира именовали Сто тридцать вторым, его заместителя Сто шестьдесят вторым, а выездного связиста — Ноль двадцатым.

Ноль двадцатому надо было много знать и уметь. Помнить частоты узла связи бригады и подчиненных батальонов. А еще таскать, кроме каски, автомата, бронежилета и магазинов, Ноль двадцатый должен две "Эрики" или "Кенвуда", Р-107 или Р-105, "Айком" да еще приставку "Историк" и запасные батареи плюс радиоданные и таблицу "Снег". А еще в любое время суток он должен быть на связи, поэтому с комбригом в качестве Ноль двадцатого почти всегда ездил сам начальник связи бригады, а с заместителями комбрига отправлял одного из двух подготовленных прапорщиков.

В этот раз Ноль двадцатым был назначен прапорщик Пикин — высокий, худой человек с вытянутым лицом. На выездах связист усвоил, что у начальства на глазах быть не надо — могут припахать не по делу, и далеко от отцов-командиров тоже уходить не следует — начнут искать, а в случае неудачи отыграются на виновном по полной программе.

Настоящие саперы через несколько месяцев ежедневных занятий боевой работой начинают чем-то отличаться от обычных людей. Задумчивый вид, ответы невпопад, какой-то пустой, отсутствующий взгляд человека, живущего другой жизнью... Бывают у них и другие странности — сбор разной взрывоопасной дряни, чтение запоем или что-то другое, необычное.

Экипировка настоящего сапера изящна и продумана до мелочей. Многие сделано своими руками, и, наблюдая за ним в деле, можно подумать, что действия его не стесняют ни бронежилет, ни "сфера", ни запас тротила, дымов и прочего необходимого снаряжения — все затянута, уложено, подогнано.

Сапер Теретин воевал уже "вторую Чечню", а во время предыдущих ему посчастливилось учиться в академии, где богатая практика удачно наложилась на теорию. Он мог разминировать "сюрпризы": — гранаты, стоящие на растяжках из тончайшей обожженной проволоки, где в запал вместо предохранительной чеки с кольцом вставлены медицинские иголки; мог обезвредить практически все отечественные и зарубежные противопехотные и противотанковые мины, был на "ты" с радиоуправляемыми фугасами.

Теретин сам мог ставить мины на земле и под землей, на деревьях, машинах, в домах, сараях, разгрузочного и нагрузочного действия, на разрыв и размыкание, на касание и даже на дунновение ветра и солнечный свет. "Духи" охотились на него, а он на них, ясно понимая при этом, что, чем больше времени он участвует в этой смертельной игре, тем выше вероятность его ошибки. Это знание отражалось во взгляде сапера. Его черные глаза словно резали бритвой, они были колючими и какими-то пронзительно-испытывающими. И все же Теретин отказывался от вышестоящих должностей, получая, по-видимому, от постоянного риска какое-то удовольствие. Воистину: "Есть упоение в бою у бездны мрачной на краю!"

Рядовой Жук был водителем бронетранспортера и служил в Чечне уже четвертый месяц. За это время к нему редко кто об-

ращался по имени-отчеству или фамилии, обычно звали просто водилой или "Эй, боец!..". Жук на это не обижался. Да и чего обижаться, если судьба сводит с иными людьми на час-другой, и основательно знакомиться просто некогда.

Жук жалел пехоту, которая пешком наматывала десятки километров на инженерной разведке, в то время как он сам потихоньку ехал сзади. Ночами бойцы тянули службу в охране, а Жук оставался в машине. Если начинался дождь, то пехота полагалась лишь на свои плащ-палатки и случайные укрытия, а Жук задраивал верхний люк, открывал "ресницы" "коробочки" и сидел на своем сухом и теплом месте.

Жуку не нравилось, когда его придавали начальству. Оно не обращало внимания на отсутствие прикрытия и приказывало ехать в такие места, куда даже сам ротный без инженерной разведки и дополнительного охранения ни за что бы не сунулся. Начальству могло приспичить отправиться куда-то глубокой ночью, и приходилось, не включая фар, нестись черт-те куда на предельной скорости.

На этот раз Жука придали заместителю командира бригады полковнику Боронило для участия в спецоперации, и тот за двое суток буквально измотал бронетранспортер. Полковник обьезжал опушки по каким-то давно заброшенным дорогам, на которых запросто можно было наскочить на мину или фугас, заруливал в лес, где находил каких-то людей, что-то у них выпрашивал. Жук беспрекословно выполнял все его команды и только один раз отказался рулить по заросшей дороге на речную дамбу, где две недели назад подорвался бэтээр его товарища:

— Товарищ полковник, видите, слева свежая воронка? Там я не проеду. А что справа — никому неизвестно, — извиняющимся голосом сказал он полковнику.

— Ладно, давай потихоньку задний ход и выезжай по своей колее на поляну, — приказал Боронило. Потом взял с собой трех человек и ушел с ними на дамбу.

Этим же вечером он предупредил Жука, что за час до рассвета им предстоит выставить в лесу новый рубеж блокирования.

Командующий группировкой хандрил. Обычно рассудительно-корректный, теперь он часто срывался на крик, а то и на откровенную ругань, не давая подчиненным вымолвить ни слова. Те, в свою очередь, понимали и даже жалели его. Они знали, что почти три месяца назад командующий должен был уйти в отпуск, но тут погиб прежний, и вот теперь генерал третий месяц без отдыха тянул свою ляжку, ожидая смены.

— Вы здесь особо не мудрствуйте, — наставлял он командиров, привлекаемых к операции. — Лес у вас уже неделю как блокирован. Подтяните еще батальон, постройте людей в одну шеренгу, пулеметчиков в центр и чешите заросли, как немцы делали, когда ловили партизан. Чуть где подозрительно — долбите из всех стволов, прижимайте "духов" к Тереку.

Банда, обосновавшаяся в лесу, уже допекла всех своей наглостью и жестокостью. За последнее время от ее рук погибло несколько десятков человек. Тактика "духов" была простой: сближение любыми путями метров на сорок, упреждение в открытии огня и мгновенный отход. Бандитов поддерживали местные жители — давали хлеб, укрывали раненых, предупреждали о действиях федералов. На банду ставили засады, минировали их тропы, обстреливали возможные места стоянок, но результата никакого. Раненых и убитых они всегда забирали с собой, оставляя на месте боя в лучшем случае снаряжение и продукты, то есть то, что не могли утащить.

После отъезда командующего группировкой комбриг почесал затылок и сказал:

— Чтобы сплошную цепь выставить, надо минимум шесть тысяч человек, а тут всего сто пятьдесят! Нет, как у немцев ни фига не получится! Да в лесу и мин до черта. Если цепью идти, они все наши будут. Саперов надо вперед посылать и двигаться каждой поисковой группе по своему маршруту. К вечеру подтянуть разведку и спецназ, а с утра выставим дополнительный рубеж блокирования и начнем поиск.

В спецназ Толик Гаврилов хотел попасть очень давно, насмотревшись в фильмах на высоких широкоплечих парней, которые убивали или калечили неприятеля всегда и везде, а потом "отвисали" в кабаках с красивыми длинноногими девчонками. Решение укрепилось, когда увидел в городе военных в краповых беретах. Вели они себя вызывающе независимо. Это были люди из какой-то другой — красивой, полной опасности и романтики жизни.

Толик просился в спецназ и в военкомате, и на учебном пункте, но тщетно. Счастье улыбнулось лишь в начале сентября, когда в их округе началось формирование разведроты для последующей отправки в Чечню. Гаврилов предпринял все от него зависящее и был отобран в разведку снайпером.

Жизнь с переходом в спецназ почти не изменилась — та же форма одежды, тот же распорядок дня, те же занятия. Только стрельбы стали чаще, да на физо гоняли нещадно. Через месяц роту в полном составе отправили эшелонам в Моздок, а оттуда вертолетами в Грозный. Волновались все. Большинство ехало воевать впервые, потому ожидали обстрелов, подрывов, засад, рейдов и других приключений сразу же по прилете. Но ничего такого в аэропорту не случилось. Здесь текла такая же будничная жизнь, как и на Большой земле.

Целый месяц рота вместе с другими подразделениями спецназа и разведки жила на территории войскового стрельбища, помаленьку привыкая к местным особенностям. Полов в палатках не было, свет давали с перебоями, пока работала дизельная электростанция, стоящая здесь же в лагере. С подъема, который объявлялся в пять утра, бойцы с полной выкладкой носились по окрестным дорогам, горлана спецназовские речевки, которые по задумке офицеров якобы облегчали процесс бега и сплывали роту. Не было ни кухонных нарядов, ни караулов, только занятия, занятия и занятия. Готовили оружие: проводили его пристрелку и выверку прицелов. К концу обучения раза два сходили в учебно-боевые рейды вдоль Терского хребта да два раза отсидели часа по четыре в засадах. Физические нагрузки поуменились, но психологические... Давили лагерные условия — грязь, сырость, еда из котелков, скученность и погода — сумрачное небо, постоянные туманы, какая-то мерзкая бесконечная изморось. Казалось, что просвета не будет, и эта сумрачная хлюпающая тоска останется навек. Некоторые не выдерживали — шли к командиру, и их сразу отправляли в линейные подразделения.

В конце концов старшие командиры пришли к решению, что с централизованностью подготовки надо кончать, и роты отправили по своим батальонам, туда, где предстояло нести службу, а точнее — воевать. Так Толик оказался в одном из батальонов, дислоцированных у северных границ Чечни. Два месяца их продолжали знакомить со спецификой предстоящей работы, прилегающей местностью и народом, ее населяющим.

Наконец роту впервые бросили на боевые. Среди солдат ходили слухи, что неделю назад ребята из соседнего батальона столкнулись в этом лесу с "духами". По горячим следам банду хотел уничтожить армейский спецназ, но, потеряв трех человек убитыми и четверых ранеными, вынужден был ретироваться, оставив дело уничтожения банды командиру местной бригады.

Год тому назад его звали просто Сашкой. Отслужив в армии девять месяцев, не выдержав армейского быта, а главное, не имея возможности найти наркоты, к которой он успел пристраститься на гражданке, решил на побег.

Уйти из батальона было не так-то просто: во-первых, кругом сторожевые посты, во-вторых, вполне можно наткнуться на мину, а в-третьих, местные, жившие вблизи части, вполне могли вернуть назад в часть, чтобы не портить отношений с военными.

Ему удалось бежать при сопровождении колонны, когда она остановилась около комендантского поста. Он оставил автомат

и магазины, взял несколько пластиковых бутылок и, сказав старшему, что знает, где можно набрать воды, отбежал за ближайшее строение. Там выкинул бутылки, воровато оглянулся и рванул прочь.

Несколько дней он жил дома у какого-то чеченца, потом его переправили в лес. Там месяца три Сашка выполнял черную работу. Его не били, но и своим не считали, лишь изредка угощали наркотой. К исходу третьего месяца "лесные братья" привели в лес собаку. Амир, тоже с виду русский парень, подозвал к себе Сашку, протянул ему автомат и, кивнув на собаку, коротко приказал:

— Убей!

Большой белый кобель с черными пятнами, беспорядочно разбросанными по всей шерсти, подошел к нему, виляя хвостом, и доверчиво стал тереться о его ногу. Сашка сделал два шага назад, поднял автомат, прицелился в лоб псу и плавяно нажал на спуск. Собака завизжала, закрутилась на месте, как бы норовя укусить себя за хвост, и завалилась на бок.

— Молодец! — похвалил Амир, — Возьми нож — дорезь.

— Я не умею, — ответил Сашка.

— Смотри, — сказал Амир. Он нагнулся над собакой, вынул из ножен остро отточенный клинок и коротко взмахнул рукой. Белая шерсть на глотке пса мгновенно покраснела от крови, которая маленьким фонтаном стала бить из раны.

— Теперь понял?

— Понял, — ответил Сашка, пытаясь улыбнуться.

— Ну вот, скоро пойдем на настоящее дело. Получится все нормально — большие деньги дадут. Хочешь с нами?.. Только смотри, может быть, убивать придется. Ты готов?

— Да, — кивнул Сашка.

Через три недели он убил первого человека. Им оказался солдат из местной комендатуры, который вместе с товарищем купался в арыке.

Тем же вечером Сашка получил полторы тысячи "зеленых". На другой день он принял мусульманскую веру и стал называться Асхар. Потом с двумя "братьями" съездил на отдых в Дагестан, где купил себе хорошую одежду, магнитофон, а остальные деньги весело прогулял и снова возвратился в лес, в банду.

Для усиления к Ноль двадцатому добавили майора Вронина — выпускника академии. В Чечне тот оказался в первый раз, многого не понимал и за разъяснениями обращался не стесняясь.

Задолго до рассвета Боронило поднял офицеров, проверил оружие, экипировку, назначил наблюдателей. Связался с руководителем операции, посадил спецов на бронетранспортер и приказал Жуку, не включая фар, ехать на вспомогательный пункт управления операцией, который находился километрах в пятнадцати от них.

Добравшись до пункта управления, Боронило, спрыгнув с бронетранспортера, ворвался в палатку Самерханова, старшего над разведротой и ротой спецназа. Еще с вечера он ставил тому задачу, а потом еще час разъяснял, как ее правильно выполнить. Предстояло с рассветом рассредоточить обе роты по группам блокирования, построить в колонну по одному и быть в готовности начать движение.

Рассвет занимался, а люди мирно спали.

— Подъем! — заорал Боронило. — Проспали, сволочи!.. Я же вчера просил!..

— Товарищ полковник, не волнуйтесь, успеем мы, — начал было оправдываться Самерханов. Но Боронило не слушал:

— Куда вы, к черту, успеете?! Светает уже! Ну, Самерханов! Ну, не ожидал от тебя!..

Началась бестолковая суета.. Боронило в сердцах сплюнул и вышел из палатки. Подошел к кашээмке руководителя операции, встал на ступеньку, постучал в дверь, буркнул: "Разрешите" — и заглянул в отсек.

— Кто это тут бродит? — сонно отозвался замкомандующего.

— Товарищ генерал, полковник Боронило прибыл для уточнения задачи по блокированию района поиска в лесу.

— Да не будет никаких уточнений. Организуй взаимодействие с Мезенцевым и начинай. Да вот еще что — будь постоянно на связи.

Подполковник Мезенцев был неприметным и тихим человеком, небольшого роста, с круглым лицом, единственной особенностью которого являлся изуродованный шрамом рот. Комбат прошел обе войны, бывал во многих переделках. Все его знали как опытного и храброго офицера, однако этой славы он, по-видимому, стеснялся и потому старался не выделяться из окружающих.

Мезенцев, увидев Боронило, одернул камуфляж и бодро доложил, что батальон готовится к выходу. Несмотря на то, что Боронило и Мезенцев были примерно одного возраста и долго служили вместе, Мезенцев не забывал, что Боронило его начальник и всячески подчеркивал это.

— Владимир Владимирович, — сказал Боронило, — я с выходом немного задержусь, Самерханов замешкался.

— Понял, товарищ полковник, торопиться не будем.

Через пятнадцать минут Боронило еще раз уточнил задачу Самерханову:

— Блокируешь участок леса по рубежу дороги до лесной поляны и дальше по урочищу Кашмак, кратчайшим путем до Терека. Главное — не допустить прорыва противника как с запада на восток, так и с востока на запад. Вам придется с бригады инженер и группа связи. Все! Уточняйте задачу ротным. Офицеров управления ко мне.

Следом Боронило уточнил задачу офицерам бригады:

— Теретин, возглавляете инженерную разведку, вас прикрывают разведчики Самерханова. Вронин, вы идете за ними во главе роты спецназа. Ноль двадцатый и БТР с вами. Все! Встречаемся на лесной поляне. Начало движения по моей команде.

Боронило достал из разгрузочного жилета новую упаковку фирменной маскировочной раскраски и, не скупясь, нанес ее на лица офицеров:

— Давайте теперь разрисовывайте друг друга.

То же самое он проделал с Самерхановым и офицерами-разведчиками, после чего передал упаковку командиру разведроты, который, обходя строй, принялся наносить раскраску на лица подчиненных, а затем передал упаковку командиру роты спецназа.

Теретин двинулся первым. Он знал, что по этой дороге выходил из леса армейский спецназ, который, по словам командира, поставил тут несколько противопехотных мин. За Теретиным в шести-восьми щагах в шахматном порядке шли еще три сапера. О том, что лоб в лоб можно столкнуться с бандитами, как-то не думалось. Два дела одновременно делать нельзя. Столкнешься, не столкнешься — бабушка надвое сказала, а если прозевашь мину — не будешь жить точно. Хорошо еще, что известно, где примерно стоят эти смертоносные игрушки, и надо внимательно искать растяжки. Поэтому в руке подполковника гулял тоненький прутик, который он слегка зажимал между большим и указательным пальцами и, как слепой, неуловимо-легким движением ощупывал пространство перед собой.

Метров через четыреста Теретин заметил первую штатную растяжку — тонкую шелковую нить, протянутую через дорогу и одним концом привязанную к ветке широколистного куста, раскинувшегося у обочины. Второй конец прятался в жухлой траве.

— Ага, вот она! — Теретин присел на корточки. От предохранительной чеки веером расходились еще три нитки. — Сейчас мы тебя, голубушка, снимем, и ты нам еще послужишь, — проворковал он, поднимая руку вверх.

Идущие следом мгновенно залегли.

То, что мину ставили ночью и впопыхах, Теретин определил

по небрежности в ее маскировке. Днем даже средне подготовленный сапер ее бы спрятал более тщательно и заменил штатные шелковые светлые нити на обожженную проволоку от ПТУ-Ра или нечто иное, на что смертельных дел мастера большие специалисты.

С началом движения колонны полковник Боронило сперва шел за разведкой, потом отстал, проверяя боевой порядок "летучих мышей", после вновь перебежал в голову колонны и ужаснулся: саперы оторвались от разведки метров на четыреста. Идущий впереди "замполит" роты почему-то остановился.

— Вы почему саперов без прикрытия оставили?! — задыхаясь от ярости, прошептал Боронило.

— Командир роты приказал его ждать, — спокойно ответил тот.

— Я же сказал: охранять! И от них больше чем на двадцать метров не отставать! За мной бегом марш! — почти спокойно приказал полковник.

Через несколько минут, лично указав, кто и как прикрывает саперов, он побежал назад, пока не встретил Самерханова.

— Товарищ майор, — зло зашептал он, — ну сколько я за вас командовать буду?! Я же приказал обеспечить работу инженерной разведке!

— Товарищ полковник, все сделаем. Сейчас лично проверю.

— Надо все делать сразу! — чуть было не заорал Боронило. — А сейчас время первый заслон выставлять. Где рота спецназа?

— Сзади идет.

— Хорошо. Давай вперед, выбери место для заслона и ставь ему задачу, а я пробегу, замыкающих проверю.

Замыкающим в разведке шел командир роты. Увидев полковника, он доложил, что у него все порядке.

— А где рота спецназа? Она же за вами должна идти? — спросил тот у разведчика.

— Может, за поворотом отстали? — пожал плечами ротный.

До поворота было метров триста.

— Ладно, — махнул рукой Боронило. Взяв автомат в правую руку, он побежал к повороту, и там с ужасом убедился: роты за поворотом нет.

— Ну за что мне такая напасть? — давясь злобой, зашептал полковник. — Ну почему они не вышли? Я же все ясно сказал, оставил Вронина, этого... — и, не удовлетворившись крепким словом, сплюнул.

Ситуация выходила идиотской: полковник, которому доверили две роты, за час умудрился их растерять и остаться в лесу один-одинешенек. Сейчас для полного счастья ему не хватало только столкнуться нос к носу с бандитами...

Боронило поправил каску и побежал назад.

Лес жил своей жизнью: чуть слышно шевелились ветви деревьев, где-то вдалеке пели птицы.

Вдруг справа раздался какой-то шорох, потом треск сучьев, хлопанье крыльев, и здоровенный фазан-петух с длинным красным хвостом свечкой поднялся над кронами, стремительно перелетая на другую сторону дороги.

— Фу ты, черт, напугал! — прошептал Боронило.

К своему стыду, на взлет птицы он даже среагировать не успел...

Наконец впереди он увидел голову колонны роты спецназа. Первым... стоял майор Вронин. Боронило, ни слова не говоря, подбежал к нему и постучал по каске.

— Я вам определял боевой порядок или нет? Вы же должны двигаться, двигаться, двигаться! — шептал полковник, все сильнее и сильнее стуча в "сферу".

Наконец, взяв себя в руки, немного успокоился и спросил:

— Так почему все-таки стоите?

— Ждем дополнительной команды... Так мне доложил коман-

дир роты. — Вронин, чувствуя свою вину, старался как можно быстрее заглядывать ее. Выручил ротный:

— Товарищ полковник, только что получен приказ от заместителя командира батальона на начало движения! — отчеканил он.

"Да-а, дела-а-а, — вздохнул Боронило. — Управление-то на себя надо было брать. Самерханов не догоняет, а эти вообще первый раз в лесу действуют. Ротные как большие дети — ничего не секут". А вслух как можно спокойнее сказал:

— Третий раз уточняю задачу. Выдвинуться по этой дороге, встретить майора Самерханова и там, где он покажет, выставить четыре заслона, пятый я выставлю сам и с ним останусь. Двигаться бегом за бронетранспортером, пока не догоните разведчиков. Уточняйте еще раз задачу взводным. Первым идет пятый заслон, за ним четвертый, замыкающим — первый. Вы, соответственно, замыкающий во втором, а когда выставите все заслоны, вернетесь на первый...

Колонна двинулась вперед. Теперь Боронило был умнее: он посадил на бронетранспортер Самерханова, его радиста, Вронина, Ноль двадцатого. Сам связался с другими группами блокирования: Мезенцевым, руководителем спецоперации, начальником артиллерии. После двухчасовой нервозности с ротами он чувствовал, что процесс управления начинает налаживаться. Ротных и Самерханова он не винил, потому что сам целый месяц руководил их боевым слаживанием в аэропорту "Северный". И теперь что посеял, то и пожинал.

Самерханов доложил о выставлении первого заслона, минут через двадцать — второго. После доклада о третьем с севера послышалась дружная пулеметная стрельба — это группы поиска вошли в лес.

Вот наконец и лесная поляна — последний заслон спецназа, дальше предстояло перебраться через вал и около километра двигаться по урочищу Кашмак строго на север, выставляя по пути еще пять заслонов от разведчиков.

Самерханов оставил на валу двух наблюдателей и вместе с Боронило и разведчиками направился в урочище.

Здесь лес был другим. Огромные тополя широко и вольготно раскидывали свои корявые ветви в разные стороны, не стесняя один другого. То ли человек, то ли сама природа расположили их так, чтобы они не мешали друг другу расти. Некоторые деревья были повалены бурей, и их могучие стволы, будто поверженные великаны, лежали на земле, создавая совершенно непроходимые препятствия. Ни дорог, ни тропинок в урочище не было. Пространство между тополями заполнял мелкий подлесок, который затруднял видимость и постоянно цеплялся за одежду и снаряжение.

Весна только вступила в свои права, но зелень уже поднималась пышно. Над самыми кронами, громко и рассерженно каркая, вились два черных ворона, которые, выписывая замысловатые пируэты, пытались оказаться выше коршуна и, пикируя на него сверху, ударить клювами. Эта сцена настолько привлекла внимание Боронило, что он на минуту забыл обо всем. Однако вовремя опомнился, и тут же обнаружил еще одну свою оплошность: почти все в роте усиленно наблюдали влево, потому что так было удобно удерживать оружие в готовности к немедленному открытию огня.

"Надо было перед выходом рассчитать бойцов на первый второй, — вздохнул полковник, — первые бы смотрели направо, а вторые — налево. Теперь это придется исправлять на ходу..."

Шли по компасу, кроме того, у ротного была карта и "джипи-эска", позволяющая с помощью спутника точнехонько (до десятка метров) определить полные прямоугольные координаты, которой тот уверенно пользовался. Майор Кошелев (так была фамилия ротного) производил хорошее впечатление на Боронило своей уверенностью, грамотностью и умением управлять подчиненными спокойно и ровно.

Наконец последняя группа вышла к Тереку. Боронило приказал Ноль двадцатому доложить о выставлении десятого засло-

на, после чего, перекурив минут пять, тронулись назад, по пути уточняя задачу разведчикам.

Пройти оставалось буквально метров сто, но в густом подлеске уже было трудно ориентироваться, и группа забрала метров на пятьдесят влево от своего входного следа.

Самерханов первым полез на вал. Глядя ему в спину, Боронило вспомнил о двух оставленных на валу наблюдателях, с которыми связи сейчас не было.

— Самерханов! — громким шепотом окликнул он. Но было поздно. Раздалась длинная очередь, потом еще одна, а за ней истошный мат Самерханова:

Его спасло чудо: боец поторопился дать очередь и промазал буквально с нескольких метров...

Время приближалось к полудню. Пора было подумать о командном пункте.

Боронило вызвал Самерханова. Майор доложил, что у него на пятом заслоне двенадцать человек, выставленных попарно на фронте в двухстах метрах, чтобы держать под наблюдением поляну и вал.

Боронило решение одобрил, но, как только приблизился к позиции, наткнулся на солдата, который бродил в поисках воды.

— А где же, друг мой, твоя фляга? — поинтересовался полковник.

— А я ее еще утром выпил, — ответил тот. — А теперь вот меня послали искать воду.

— Слушай, солдат, фляга должна быть у вас у каждого, это запас на сутки. Другой воды сегодня не будет, передай всем и позицию больше не покидай. Ясно?!

— Так точно!

Боронило повернулся к Самерханову:

— Где вода?

Самерханов замешкался и как-то неуверенно ответил:

— Так в боевом распоряжении про воду ничего не было сказано.

— Да вы что?! — обалдело изрек Боронило. — А сами думать?! Вы разве дети? Кто же сюда вам воду будет доставлять? Надо было хоть термосы тридцатилитровые на бэтээры поставить... А теперь вот кукуйте без воды. Сухой паек-то хоть взяли?

— Так точно! Но он в лагере остался, в машине...

— А бойцы чего же есть будут? Как ваш "Урал" через лес пойдет, если банда не уничтожена? Ему же охрана нужна, а где я ее возьму?

— Не волнуйтесь, товарищ полковник, у бойцов с собой одна сутодача есть, им хватит. — Самерханов сделал успокаивающий жест рукой.

"Врет, наверное, — подумал Боронило, но проверять не стал. — Подвоз воды и продовольствия надо планировать на завтра".

— Пойдем, Пикин, — приказал он Ноль двадцатому, — пора к ночи готовиться.

Сорвав тонкую веточку, полковник свернул в кювет и, внимательно проверяя ею путь перед собой, прошел вперед, выбирая удобное место для отдыха. Наконец сел, прислонившись спиной к стволу дерева, освобождаясь от тяжести бронезиления. Снял каску, закрыл глаза. Минут через пятнадцать, чувствуя под собой что-то жесткое, очнулся и медленно поднялся. Под развороченной листвой зловеще поблескивал свежей латуню взрыватель артиллерийского снаряда...

Минут через пять на место примчался вызванный по радиации Теретин, посмотрел на смертоносную игрушку, потом на Боронило и сказал:

— Повезло вам, товарищ полковник! Взрыватель на боевом взводе, а снаряд, наверное, от ударов по стволам рассыпался. Не нравится мне это место, ох не нравится.

— Ладно, — махнул рукой Боронило. — Не каркайте!

Приближалась ночь. Боронило с Самерхановым обошли всех бойцов заслона, уточнили сектора обстрела. Самерханов заслушал по радиостанции доклады от других заслонов.

Боронило тем временем зашел с фронта.

Позиция представлялась ему, прямо скажем, неважнецкой. Более того — гнусной. Из-за частых деревьев видимость была не больше десяти-пятнадцати метров, да и то днем. Окопы расположились слишком далеко друг от друга. Правда, Теретин поставил на растяжках шесть противотанковых мин, да бойцы вблизи своих окопов между деревьями наделали завалов из сухих веток.

За час до заката на дорогу вышли поисковые группы. Им удалось найти два схрона, причем в одном из них — горячий чай, восемнадцать зубных щеток, аккуратно расставленных в специальном пенале перед умывальником, пистолет, кучу снаряжения, боеприпасов, несколько радиостанций и взрывчатку. Судя по всему, банда хоть и не была застигнута врасплох, но уходила спешно.

Схроны взорвали, продукты и снаряжение перепортили, а что можно было унести перетащили на поляну.

Бандитский муравейник расшевелили, но муравьи остались нетронутыми. Поисковые группы уехали.

Наступила ночь.

Боронило, одетый в ватные штаны, накрывшись сверху плащ-палаткой, лежал на спальном мешке рядом с кюветом и наблюдал за своим сектором. Справа, в трех шагах от него — Пикин, слева, шагах в двадцати — Самерханов со своим радистом.

Минут через сорок далеко на севере в районе первого заслона послышалась автоматная стрельба. Боронило отполз от своего поста, перебежал по канаве к Самерханову:

— Ну что там?

— Да ничего, докладывают, что все в порядке.

— А зачем стреляли?

— А черт их знает. Сейчас уточню. — Он повернулся к радисту: — Давай на связь Первого. Спроси, по кому они там стреляют.

Минуты через три радист доложил, что стреляли не у них. Не успев осознать ответ, Боронило вновь услышал на юге, теперь уже значительно ближе, автоматную стрельбу, потом еще чуть дальше, и вскоре по всему рубежу дороги спецназ дружно палил, не жалея патронов. Рота разведчиков и пятый заслон молчали.

— Ну все, — сказал Боронило, — теперь до самого утра будут лупить в белый свет как в копеечку!

По опыту Карабаха и первой чеченской он знал, что необстрелянные солдаты ночью боятся каждого шороха и, глядя друг на друга, кто из страха, а кто и просто из чувства локтя стреляют от всей души. И пытаться остановить их — пустой номер.

Через несколько минут раздалась близкая очередь на левом фланге пятого заслона.

Самерханов, матерясь, ломая сучья, стал пробираться к стрелявшим:

— Вы что, с ума сошли? Куда стреляли?! — злобно зашептал он, плюхаясь рядом с солдатом — левофланговым наблюдателем.

— Товарищ майор, вон там кто-то через дорогу перебежал. Я пальнул, он вроде бы залег или упал...

Ближе к полуночи Боронило перед позицией явственно услышал приглушенное покашливание. Минут через двадцать такой же звук раздался правее и ближе. Продолжая вслушиваться в звуки ночного леса, он обратил внимание на монотонные крики какой-то ночной птицы:

— Цог. Цог. Цог.

Причем эти унылые звуки доносились не с ветвей, а исходили с земли, создавая ощущение, что издавать их может и человек, чтобы в темноте его не потерял напарник, медленно продвигаясь по лесу.

С правого фланга пятого заслона разорвала тишину близкая автоматная очередь. Сливаясь с ней и перехлестывая ее, пророкотал ПКМ. И опять в промежутках слышалось: "Цог. Цог. Цог".

Пикин тоже слышал "цоганье" и обратил внимание на неестественное поведение ночной птицы, продолжающей подавать голос наперекор стрельбе.

Вдруг просвет между двумя деревьями, куда он смотрел, перекрыла какая-то тень. Она переместилась чуть вправо и стала медленно приближаться, все более и более обретая человеческие очертания. Пикин снял автомат с предохранителя. Тень замерла. Не в силах более бороться со страхом, прапорщик выпустил короткую очередь и через секунду после этого увидел неяркую вспышку, услышал шлепок перед собой и одновременно почувствовал, что глаза ему запылила неизвестно откуда взявшаяся земля. Пикин вслепую выпустил еще одну очередь, примерно в том же направлении, и потом быстро отполз в канаву.

По всему рубежу дороги продолжалась беспорядочная стрельба. Справа от Боронило, метрах в пятидесяти, перекрывая автоматный треск, гулко пророкотал КПВТ, коротко освещая своими вспышками деревья. На несколько мгновений наступила тишина, и в этой тишине между Пикиным и Боронило явственно чмокнула в дерево пуля. Ни звука выстрела, ни свиста пули, ни тот ни другой не слышали.

"Из бесшумки, сволочь, стреляет, — догадался Боронило. — Где же ты, гад, прячешься?" Но сколько ни вглядывался, ничего полковник в кромешной тьме не разглядел, но зато явственно снова услышал приглушенный кашель метрах в двадцати перед собой, и оттуда же снова раздалось знакомое: "Цог. Цог. Цог".

Звук постепенно отдалялся, как бы огибая их позицию, пока не оказался где-то между бронетранспортером и ними. Через несколько минут оттуда вновь раздалось негромкое покашливание.

Задумка бандита стала понятной: вызывать на себя огонь то справа, то слева, и тем самым стравить своих со своими.

"Нет, стрелять никак нельзя. Гранату, что ли, кинуть? — подумал Боронило, но удержался. — Кусты кругом, ни черта не видно. Не дай бог, своих изуродуешь".

Самерханов, лежа у радиостанции, непрерывно вызывал на связь старших заслонов, требовал от них доложить обстановку, запрещал бесцельную стрельбу, грозил... Но процесс уже вышел из-под контроля.

Толик Гаврилов находился в третьем заслоне. Тут было семь человек во главе с командиром взвода. День прошел нормально. Ужас начался ночью, когда вокруг их позиции начали бродить какие-то люди. Сначала они были волками. Солдаты стали стрелять на звуки. Через некоторое время выть прекратилось, зато неизвестные стали приближаться к заслону и стрелять из бесшумок. Звуки чвкающих пуль, невозможность увидеть даже силуэты нападавших, а главное, непонимание того, за что эти люди так упорно их хотят убить, породили всепроникающий страх, достигший своего предела, когда лежащий рядом с Гавриловым Иван Губарев прерывающимся голосом прошептал:

— Толик, мне, кажется, ногу прострелили, кровь ручьем хлещет.

— Терпи, — клацая зубами, ответил Гаврилов, — не стони, а то они лупанут на звук и вообще добьют. Наблюдай, если что — стреляй, а ногу сейчас ремнем перетяну, у лейтенанта промедол есть — уколем, потом бронетранспортер вызовем, он тебя эвакуирует.

— Толик, не надо бронетранспортера, они его точно добьют из гранатомета, их здесь полно. Лучше я до рассвета потерплю, ведь немного осталось, правда?..

Ночь шла на убыль. Сильнее стал пробирать холод. Зарядил морозящий дождь, и как-то неожиданно для себя Боронило увидел силуэты деревьев, которых раньше не замечал.

Ненавистное "цогонье" стало удаляться от позиции, пока окончательно не заглохло где-то метрах в двухстах впереди.

Стало еще светлее.

До ввода поисковых групп можно было немножко поспать. Полковник накрылся плащ-палаткой, намотал ремень автомата на правую кисть, прижал АКМ к груди и закрыл глаза.

Проснулся он от голоса Самерханова:

— Товарищ полковник, чечены из миномета стреляют, и третий заслон доложил, что один у них ранен. В ногу, легко. Поисковые группы уже провели инженерную разведку и приступили к поиску. Можно нашу технику направлять за раненым, а заодно воды и сухпай привезем...

Не успел Самерханов закончить свой доклад, как метрах в четырехстах от них раздался минометный выстрел, а еще секунд через сорок хлопнул взрыв, как раз в том районе, куда вышли поисковые группы. Стреляли оттуда, где вчера проводился поиск, и, судя по звуку, стодвадцатимиллиметровыми минами.

— Самерханов, это они хотят нас в засаду заманить! Если у них нормальные минометчики, то, значит, их наблюдатель где-то на валу лежит и сейчас будет корректировать огонь, — догадался Боронило. — Пошли кого-нибудь, пусть по гребню вала магазина два выпустит, чтобы наблюдателя сбить, а я попробую артиллерией этого гада достать. А БТР посылай, и немедленно.

В урочище раздалось еще два выстрела. Один из разрывов лег вплотную к позициям.

— Ноль двадцатый, давай артиллерию на связь по закрытому, — приказал Боронило и развернул карту, стараясь приблизительно определить квадрат, откуда бил миномет.

— Товарищ полковник, начальник артиллерии на связи, канал закрыт, — доложил Пикин.

— Петрович, здравствуй. Прием! — Боронило отпустил тангенту.

— Здравия желаю! — через несколько секунд отозвался в наушниках голос начальника артиллерии бригады.

— Записывай: цель — миномет, икс восемьдесят девять триста пятьдесят, игрек сто сорок триста пятьсот, расход четыре. Прием! — бросил Боронило и отпустил тангенту.

— Вас понял, — раздалось в наушниках, и начальник артиллерии повторил координаты.

Вскоре над головой раздалось шуршание, и в урочище разорвалось четыре снаряда. Через несколько секунд, будто бы в насмешку, рядом вновь раздалось два минометных выстрела.

Боронило уточнил координаты, снова в урочище легло четыре снаряда, и вновь из урочища ахнули два ответных выстрела. Артиллерийская дуэль продолжалась минут сорок. Наконец бандитский миномет умолк.

Боронило вышел на связь с комбригом, доложил ему обстановку, заметил, что ночью непонятно кто на кого охотится: бандиты на нас или мы на них. Но комбриг пропустил замечание мимо ушей и потребовал рубеж держать.

Боронило пошел на хитрость: попросил разрешения сменить позиции и, добившись своего, стал немедленно действовать:

— Самерханов, этой ночью такого бардака устраивать больше не будем. Заслоны из урочища подтянем к поляне, соединимся с разведчиками, третий заслон объединим со вторым, четвертый — с пятым, подготовим огонь артиллерии, окопаемся. Давай команду и через пять минут со мной на рекогносцировку!

Осмотрев поляну, решили по центру разместить технику и людей. До леса метров сто пятьдесят — двести, вплотную никто не подойдет, а ночью, если что, подсвечивать можно. Самерханов с предложением согласился. Кошелев тоже.

Однако всё оказалось не так-то просто. Через пять минут тот же Кошелев сказал, что офицеры разведки на открытом месте располагаться не под каким предлогом не желают.

Чтобы не обострять ситуацию, Боронило пошел на компромисс и уже через несколько минут организовывал оборону в южной стороне опушки, таким образом укрыв подчиненных от наблюдения и огня.

Время подходило к обеду, но, несмотря на бессонную ночь, все лихорадочно рыли окопы, стараясь до темноты поглубже закопаться в землю и замаскировать позиции.

В душе Боронило наконец признал правоту разведчиков: в лесу все укрыты; поэтому работать и перемещаться можно спокойно, а будь они сейчас на поляне, пришлось бы ползать на брюхе.

Боронило вместе с Пикиным и Врониным копал КНП, Жук маскировал БТР и вместе с наводчиком расчищал сектор обстрела. Часам к четырем объявили перерыв, разведчики развели небольшой костер, разогрели тушенку с кашей и передали сковороду полковнику. Спецназовцы тоже не отставали: Самерханов к этому времени подвёз воду и сухой паек. Впервые за двое суток появилась возможность по-человечески поесть, но, как ни странно, большого аппетита никто не выказывал, и, несмотря на указания Боронило всем, кроме наблюдателей, спать, большинство вновь занялось дооборудованием окопов, расчисткой и обозначением секторов стрельбы и устройством завалов вблизи позиций.

К вечеру на дорогу стали выходить поисковые группы. Ими снова были обнаружены пустые схроны. В одном из них скрывались даже два противовоздушных комплекса "Игла".

Боронило уточнил координаты для артиллерии.

Приближалась ночь, но не успели высыпать первые звезды, как в том районе, где вчера располагался пятый заслон, послышались одиночные выстрелы, потом очереди, а минут через десять — взрывы гранат, крики "Аллах акбар!" и вновь ожесточенная автоматная стрельба.

"Эх, надо было вчерашние позиции заминировать, — подумал Теретин. — У них бы тогда прыти поубавилось".

Стало совсем темно. Лес замолчал, не раздавалось ни одного выстрела. Так прошло часа полтора. Вдруг в районе третьего заслона раздался одиночный выстрел, потом несколько очередей.

"Ну наконец-то проснулись", — подумал Боронило и вызвал на связь начальника артиллерии:

— Петрович, по цели номер два дай пять беглым.

— Наблюдайте, через две минуты будут.

Действительно, через две минуты в районе третьего заслона грохнуло пять взрывов. Стрельба там сразу же прекратилась.

— Ну вот, не все коту масленица, — довольно проговорил Боронило. — Пикин, давай начальника артиллерии!

— Связь есть, товарищ полковник!

— Петрович, я Боронило. Благодарю за работу, возможно, накрыл гадов. Дай подсветку надо мной.

— Наблюдайте, готовность три минуты.

Через три минуты высоко над позициями разведчиков раздался хлопок и сверху послышался зловеющий, шуршащий свист падающего хвостовика осветительной стодвадцатимиллиметровой мины.

Над лесом повис факел с парашютом, довольно ярко освещающая окрестности и позволяющая наблюдателям сориентироваться после кромешной темноты, а если повезёт, то и обнаружить цели.

Осветительная мина помогла боевикам вновь собрать свою группу. После обстрела снарядами потерялся Муса: он не отвечал ни на условные сигналы, ни на свист. Когда группа подошла

к позициям федералов, Муса был справа вместе с Шамилем. По замыслу Амира они должны были зайти во фланг "неверным" и, пока те отвечали на отвлекающий огонь группы Асхара, перестрелять их из бесшумок.

Амир всё продумал, но не учел того, что русские сменяют позиции и наведут артиллерию. Теперь Мусе пришлось заплатить жизнью за просчет Амира: крупный осколок ударил в правый висок, а вышел слева посередине шеи, вырвав из неё кусок мяса величиной с кулак.

Узнав о смерти Мусы, Амир сказал:

— Собаки заплатят за его смерть! Все еще впереди!

Минувшую ночь главарь послал на разведку две группы. В первую пошли Асхар с Шамилем, во вторую — Муса с Дамиром. Шамиль среди братьев считался храбрецом. Он воевал седьмой год. В первую войну под Старым Ачхоем получил пулю в грудь, долго лечился, но до конца так и не оклемался: время от времени покашливал.

Шамиль воевал исключительно из интереса: ему нравилось убивать, нравилось смотреть в обезумевшие от страха глаза. В такие минуты он чувствовал себя высшим существом, способным вселять ужас в других. За время, проведенное в лесу, он научился ловко передвигаться, на ощупь находить мины, издавать звуки зверей и птиц. Вчера они просто вели разведку, а сегодняшнюю ночь должны были, собрав все силы в кулак, полностью вырезать хотя бы один заслон. Вот только неясно: неужели все "неверные" ушли из леса?

На разведку Амир снова послал Шамиля и Асхара, а сам с остальными поволок труп Мусы к месту захоронения.

* * *

Было уже за полночь, когда Боронило вновь услышал вчерашний, ставший ненавистным звук: "Цог. Цог. Цог".

В отличие от предыдущей ночи, бойцы на позициях лежали тихо, вслушиваясь и всматриваясь в свои сектора.

— Цог. Цог. Цог, — раздавалось всё ближе и ближе, пока сочно не лязгнул затвор вслед за еле слышным плевком спецвинтовки с навернутым глушителем.

Снова стало тихо, только минут через двадцать, где-то далеко слева донеслось:

— Цог. Цог. Цог.

"Что, суки, не нравится?! Попробуйте ещё раз сюда сунуться!" — злорадно подумал Боронило и отправился к БТРу будить Вроина, чтобы хотя бы часа два вздремнуть самому.

* * *

Тяжёлая девятимиллиметровая пуля угодила Шамилю в левую руку и вынесла вместе с собой кусок кости. У него хватило сил, перехватив на сгибе локтя вену правой рукой, бесшумно отойти от опасного места и условным сигналом позвать к себе Асхара. Шамилю сегодня не повезло: пока русские не разблокируют лес, к врачу его не отправят. А без хорошего хирурга, с такой раной ему долго не протянуть.

* * *

Третий день поиска прошел спокойно. Когда поисковые группы выбрались на дорогу, Боронило приказал Самерханову вызвать к нему снайпера.

— Слушай, солдат, скорее всего бандиты будут наблюдать за отходом колонны. Сделать это можно только с вала, сектор наблюдения ограничен дорогой, потому что справа и слева лес. Понимаешь? — Боронило рукой указал в просвет между деревьями.

— Так точно! — ответил Гаврилов.

— Тогда выбирай позицию, оборудуй её, чтобы было удобно стрелять, и, когда "душок" появится, бей без команды.

Минут через десять разведчики расселись по бронетранспортерам, колонна тронулась, а снайпер удобно устроился на обочине и просматривал в прицел участок вала перед дорогой.

"Соображает полковник, — думал он. — Чтобы нас разглядеть, этим гадам придется обязательно выбраться ближе к дороге".

Он снял винтовку с предохранителя, дослал патрон в патронник и, не ставя её на предохранитель, навел прицел на гребень вала.

Последний БТР разведчиков ещё не начал движения, как на валу зашевелились кусты и, словно мишень на стрельбище, показался силуэт, отчетливо различимый на зеленом фоне свежей травы.

Гаврилов подвел верхний угольник в центр и плавно надавил на хвост спускового крючка. Винтовка больно толкнула в правое плечо, на секунду поле зрения сбилось, а когда он восстановил прицел, черной фигуры уже не было.

* * *

Пуля попала Асхару в грудь, чуть выше правого соска, пробила верхушку легкого и вышла из спины, раздробив лопаточную кость. Ломая кусты, он скатился с вала вниз, попытался встать, опершись на руки, но правая рука не слушалась.

Подполз Дамир, расстегнул куртку и коротко поцокал языком. Асхар и сам взглянул на рану: из черной дырочки, пузырясь, сочилась кровь, при вздохе воздух со свистом затягивался вовнутрь, а на выдохе, закипая, выходил из раны. Тело стало непослушным, ноги не держали, спина сделалась мокрой и липкой, словно он лежал в теплой луже. Непроизвольно сквозь слезы он позвал:

— Мама...

— Терпи, — отозвался Дамир. — Мы тебя сейчас на остров переправим, будете там с Шамилем выздоравливать.

Но Сашка уже не слышал его слов, проваливаясь куда-то в черный омут...

* * *

Боронило, услышав автоматную стрельбу, вызвал на связь начальника артиллерии и передал ему координаты вала, попросив поставить неподвижный заградогонь по его рубежу. Минуты через три первые пять снарядов прошуршали над головами и разорвались где-то в урочище.

— Петрович, перелет! Бей по тому участку, куда я приказал, — через несколько секунд выговаривал Боронило начальнику артиллерии.

— Я не могу, мне генерал запрещает. Он опасается, как бы вас не зацепить.

— Не слушай! Стреляй, куда я приказываю!

Через пять минут двадцать снарядов легли точно по рубежу вала.

Специальная операция заканчивалась. Вечером того же дня её участники разъехались по своим пунктам дислокации.

* * *

Вот и все, что мне хотелось бы рассказать о боеостолковении в урочище Кашмак. Если же читателя интересует, как сложились в дальнейшем судьбы офицеров, скажу. Через полгода по глупой случайности погиб полковник Боронило, а еще через год в Московском госпитале скончался полковник Мезенцев, получивший в Грозном автоматную очередь в грудь.

Примерно в то же время майор Теретин попал в урочище Кашмак и в ходе инженерной разведки не увидел "свою" мину, которая сделала его инвалидом на всю оставшуюся жизнь...

Стихи, с которыми мы знакомим вас сегодня, присланы в редакцию нынешним летом.

Строка, давшая название подборке, принадлежит старшему сержанту запаса Виктору Иванову. Не так давно он, отслужив срочную, вернулся в Тарусу, в родные края, поступил в Литературный институт им. А.М. Горького.

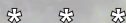
Стихи медсестры Галины Якубы получены из Грозного. С ними она дебютировала в газете "Ситуация". И вот теперь — журнальный дебют.

Полина Зюзько — сибирячка, педагог-музыкант высшей категории, автор учебных и воспитательных программ для детей школьного возраста. А еще, говоря ее словами, она "офицерская жена с двадцатилетним стажем и офицерская мать". Пишет Полина не только стихи, но и песни, является лауреатом и дипломантом всероссийских фестивалей, постоянный участник поэтического конкурса Сибири "Душа России".

Галина ЯКУБА

ЕСЛИ СПРОСЯТ...

Если спросят у меня:
"Галя, что тебе Чечня?" —
Я отвечу:
— Это встречи,
сослуживцы и друзья;
медицинский батальон,
тот, что был в боях крещен
и вдохнуть пытался душу
в тех, кто пулею сражен.

Ах, какое все-таки счастье —
возвратиться домой живым,
научиться вновь улыбаться,
снова мир увидеть цветным,

Позабить чеченскую серость,
что в двухтысячном
встретила нас.
Как тепла нам зимой хотелось, —
не смыкали от холода глаз.

Как ютились в палатках
три года
в ожидании лучших времен,
и как царствовала непогода,
у которой здесь свой закон.

Ей плевать, что за ночь
в палатках
не растаял на досках лед,
что зубами стучат девочки,
что никто из них не уснет,

Что от мерзлых
сырых поленьев
только копать да сизый дым,
что паршивое настроенье,
а мечта лишь —
вернуться живым...

ЧЕЧЕНСКИЕ МАКИ

Весной в Чечне алеют маки,
купаясь в солнечных лучах.
Они, как траурные знаки,
над теми, кто poleg в боях.

Цветы, как будто капли крови,
напоминают о войне.
Не утолит саднящей боли
и птичий щебет в вышине.

Взовьется жаворонок звонко,
над полем маков закружит,
а сердце боль пронзит иголкой:
следы войны еще свежи.

"ПРОЩАЙ, МНЕ —

...И вот опять щелчок затвора
вспугнул ночную тишину...
Дай бог спасти нам от террора
Многострадальную страну.

Виктор ИВАНОВ

ОТИЧ

Маме посвящается

Тучами закрыты
все четыре стороны.
Ветер у калитки обломал сирень.
Купола церковные
вороньем исклеваны,
И с креста упала
на дорогу тень.

Не столичным жителем,
а заблудшим сыном
Я вернусь на родину,
чтоб в пути понять,
Пропылив дорогами
по лихим чужбинам,
Что дорожке, ближе
мне с годами мать.

Я тоску вечернюю
гнать пытался водкой
И в дыму табачном
прятался от слез.
А во снах за мною
мама шла сторонкой
И, крестя украдкой,
берегла от гроз.

И когда на душу
наползут потемки,
Обожгут печали,
занемет кровь, —
Свет молитвы кротко
с маминой иконки
Осенит надеждой
тихую любовь.

Русыми березами
бредил я в горячке,
Брел в рубахе белой
краешком полей
И будил Россию
от медвежьей спячки
Родины простуженный,
охрипший соловей.

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК, НА МОЗДОК..."

Скоро ли, родная,
у крыльца родимого
Вновь к седым косицам
припаду щекой.
С верою и правдою
до креста единого
Мы пройдем надежною
отчею тропой...

Распускает утро
солнечные нити,
С каждым днем все звонче
детства родники.
А в саду вишневом
ангел мой хранитель
Вышивает крестиком
домик у реки.

Пусть светло в нем будет
от твоих ладоней,
Мать моя! Твой отич
низкий шлет поклон
И спешит навстречу,
приложась к иконе,
В даль,
где всплыл над памятью
благостный звон.

ЗА ТЕРЕКОМ

Полоснули трассерами вновь
по Грозному.
Огрызнулся акасами блокпост.
Здесь враги живут по-прежнему
по-темному.
Кровоточит взрывом вспоротый
восход

Над развалинами старыми
и новыми,
Над угрюмой далью
одичавших гор.
На дороги
под туманными покровами,
На зеленку, на пустырь
и на простор

Далеко в родных местах
повеет осенью.
До замены — срок большой
и что гадать.
Только тянет наддышаться
теплой просинью
И в лесу листвою кленов
пошуршать.

Там в разведку не ходить
тропой нехоженой,
Не наткнешься на растяжки
в тех местах,
Лишь порой заметишь взгляд
свой настороженный
В понимающих тебя
родных глазах.

А пока в дороге снова пахнет
порохом,
И приходится к обстрелам
привыкать,
И под пулями тащить друг друга
волоком,
Между хлебом и крестами
выживать.

День прошел в пути, и вот —
закат малиновый
Кровенит росу вечернюю
и лист.

А в письме жены
листок лежит рябиновый.
Дай вам Бог, ребята,
дольше века жить!

ПРОЩАЙ, ЧЕЧНЯ

Прощай, Чечня.
Прости за непокой,
За чаши горькие,
что до краев полны,
Что ухожу,
тебе по-прежнему чужой,
Под задымленным небом
Ханкалы.

Я не надеюсь
на взаимную любовь
И знаю цену
каждой взятой высоты,
И остаюсь наедине с собою
вновь
Среди обманчиво-тревожной
красоты.

Мне не забыть глаза
израненных солдат,
Цветущий куст акации
в крови.
Как тополя на Северном шумят,
Где от стрельбы оглохли
соловьи.

Прощай, военный городок.
Мне — на Моздок,
А там до родины
уже рукой подать.
Давай, браток,
махнем на посошок,
Чтоб не пришлось в пути
нам голову терять.

Прощай, Чечня...

ПОЛИНА ЗЮЗЬКО

КОМАНДИРОВКА

Опять командировка
В далекие края.
Я мыслями с тобою,
Любовь моя.
Пусть ветерок колышет
Серебряный туман,
Романтикою дышит,
Но это всё обман:
За розовою далью
Опасность стережет.
Я всё об этом знаю
И, верь мне, в свой черед
Молитвой, закланьем
Тебя уберегу,
Не дам твое дыханье
Прервать врагу.

Березы белокрылые
Склонились у реки.
Ты сердце беспокойное
Мое побереги.

Все радости и горести
Ты мне перескажи,
Что душу растревожили
У реченьки в тиши.

СЕДИНА

Седина — еще не старость.
Седина — это усталость,
Бремя пройденных дорог,
Тяжесть выписанных строк.

Седина — житейский опыт,
Тот, что с потом, с кровью добыт.
Это сердца глубина.
Тем и дорога она.

СОЛДАТ ВЫСОТЫ

С фотографии, помещенной на обложку своей очередной поэтической книги, Дмитрий Павлович Дажин смотрит на своих читателей из победного мая 1945 года. Он молод и счастлив. Окончилась война. Остался жив. Он улыбается. Видимо, будущее представляется цветущим и светлым, как вешний черемуховый подросток, посреди которого и стоит молодой офицер. А вот о том, как было на самом деле, каково оно, не затихающее вот уже шесть десятилетий эхо войны, читатель узнает, открыв книгу, которая так и называется — "Эхо войны".

"Жизнь моя — судьба солдата", — лаконично заявляет автор в первых же строках новой книги и тут же поясняет:

***В час вечерний, в час привала
Без претензий, как умел,
Обо всем, что сердце знало,
Я, как ротный запевала,
О военном братстве пел.***

Дмитрий Павлович — полковник в отставке, ветеран военной журналистики, ветеран внутренних войск, в которые был призван в 1937 году. Служил в дивизии им. Ф. Дзержинского, откуда был направлен в Ново-Петергофское военно-политическое училище. В составе 140-й стрелковой дивизии, сформированной из бойцов и командиров войск НКВД, попал на фронт. Дорогами Великой Отечественной прошагал от Курской дуги до Праги. Отмечен четырьмя орденами и многими медалями.

Он автор пяти стихотворных сборников. Новое издание, увидевшее свет в столичном издательстве "Каталог", состоит из стихов о войне, написанных по свежим следам событий и в послевоенное время. В них раздумья о том, что самому довелось увидеть и пережить, скорбные строки о друзьях-товарищах, не вернувшихся с полей сражений. В них мечты о мире и любви.

Естественно, что, выходя в году 60-летия Победы, книга посвящена фронтовым побратимам. Но не меньше того она обращена к нынешнему поколению. Вслушайтесь:

***Да, каждый бой смертельно труден,
И каждый — мужеству в зачет.
На рубежах дерутся люди,
Не отдающие высот.
Ночам и дням не зная счета,
Они стоят, в гранит влиты.
Не сами ведь сильны высоты,
Сильны солдаты высоты!***

ПРАВДА ОБОЖЖЕННОЙ ДУШИ

Несколько лет назад в еженедельнике "Литературная Россия" мое внимание привлек рассказ молодого писателя из Калининграда Валерия Горбаня. Собственно, даже не сам рассказ, сколько рубрика, под которой его печатали: "Окопная правда". Почитал, убедился — все точно: это не какая-то очередная литературная поделка, досужая выдумка-страшилка о чеченской войне. На газетной полосе была запечатлена суровая, кровавая, а порой и доходящая до курьеза правда необъявленной войны. Так Горбань стал "моим" автором.

Надеюсь читателям, следящим за творчеством людей военных (независимо от того, армейские или эмвэдэшные погоны носят они на своих плечах), тоже знакомо это имя. Напомню: Валерий Горбань — автор книг рассказов "Сыск вечен" (издана в Москве), "Чеченский шрам" (Калининградское книжное издательство). Его перу принадлежит дневник командира магаданского ОМОНа — интереснейший документ, повествующий о судьбах людских, вовлеченных в кровавый круговорот первой чеченской кампании. Он напечатан в январском и февральском номерах журнала "На боевом посту" за этот год. И вот новая встреча: в столичном издательстве "Андреевский флаг" издан его роман "...И будем живы".

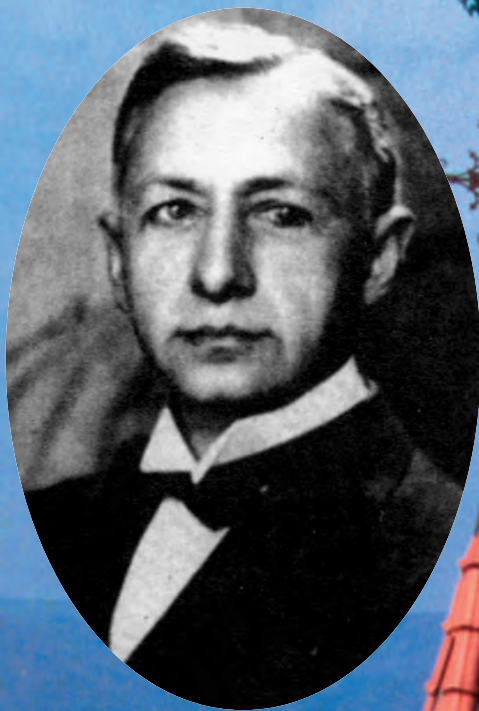
О чем он? О реальных судьбах реальных людей, с которыми познакомился автор на первой чеченской, до сих пор не отпускающей его. О том, что чувствовали, о чем думали они, вброшенные в бойню с обеих сторон силой ли приказа, личных убеждений или трагическим стечением обстоятельств. "Я не претендую на абсолютную полноту и правоту своих суждений, — признается автор в предисловии к роману. — Но эта книга — правда души. Именно так я воспринимал и воспринимаю эту войну, этих людей, эти события".

Остается добавить, что роман — остросюжетен. Бесчинства бандитских группировок чеченцев, подчинивших своему влиянию целые города и регионы глубинной России; бои в столице самопровозглашенной Ичкерии, где рядом с героизмом процветают немотивированные убийства, грабежи и мародерство... Дочь русской учительницы Людмила и ее одноклассник Аслан, сотрудник чеченского уголовного розыска Дауд и его соседка Мадина. Для этих людей Грозный — их дом. Омоновцы и собровцы с Дальнего Востока, срочники из Заполярья. Для них неведомая Чечня тоже становится частицей жизни...

Надо отметить, что география действий в романе довольно широка: Находка, Магадан, Грозный, Ведено, Моздок, Ростов-на-Дону. Среди его персонажей узнаются герои многих полюбившихся прежде рассказов писателя.

**Полковник Евгений АРТЮХОВ,
член Союза писателей России**

Иван БУНИН

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

* * *

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь
сына блудного спросит:
"Был ли счастлив ты в жизни земной?"

В октябре этого года исполнилось бы 135 лет Ивану Алексеевичу Бунину, одному из лучших мастеров лирической прозы, выдающемуся поэту и переводчику, первым из русских писателей удостоенному Нобелевской премии по литературе (1933г.). Он происходил из древнего дворянского рода, писать стихи начал с семи лет, а в двадцать один выпустил в Орле первый поэтический сборник. Именно там ныне учреждена Союзом писателей России, администрацией Орловской области и орловской писательской организацией премия его имени, присуждаемая "за создание высокохудожественных произведений в жанре рассказа, развивающих высокие традиции русской классической новеллистики".

Не приняв Октябрьскую революцию, Бунин эмигрировал во Францию. В отличие от Куприна и Алексея Толстого, не поддавшись уговорам вернуться на Родину и умер на чужбине. В Россию возвратились его замечательные произведения. Иного и быть не могло, поскольку всем своим существом они связаны с землей, родившей и воспитавшей великий национальный талант.

И забуду я всё —

вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слёз не успею
ответить,
К милосердным коленам припав.
1918

ПЕТУХ НА ЦЕРКОВНОМ КРЕСТЕ

Плывёт, течёт, бежит ладьёй,
И как высоко над землёй!
Назад идёт весь небосвод,
А он вперёд — и всё поёт.

Поёт о том, что мы живём,
Что мы умрём, что день за днём
Идут года, текут века —
Вот как река, как облака.

Поёт о том, что всё обман.
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг.

Что вечен только мёртвых сон,
Да Божий храм, да крест, да он.
1922

Мы издаем для вас:
журнал "На боевом посту",
газету "Ситуация",
сборник учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник"

Индекс на подписку:
"На боевом посту" — 73 175
"Ситуация" — 50 157
"Войсковой вестник" — 73 515

Адрес редакции:
111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны: 361-81-71, 916-28-78, 916-27-89
Факс: 917-72-66
E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Ваш журнал о внутренних войсках

Оформить подписку на наши издания можно во всех отделениях связи Роспечати